

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Выпуск V

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА

Материалы дискуссий 1911–1939 годов

МОСКВА

1994

В связи с принятием «Основных положений военной доктрины Российской Федерации» редакция «Российского военного сборника» подготовила специальный выпуск, в котором публикуются материалы дискуссий о русской военной доктрине за 1911–1939 годы. Читатель встретит имена известных военных мыслителей, самостоятельно познакомится с их оригинальными идеями и извлечет необходимые методологические уроки.

Составители: А.Е. Савинкин, Ю.Т. Белов, И.В. Домнин

Редактор-учредитель А. Савинкин

Издается при содействии Министерства обороны Российской Федерации, Гуманитарной академии Вооруженных Сил и Межрегиональной Ассоциации социальной поддержки уволенных с военной службы «ОТЕЧЕСТВО»

Издание зарегистрировано Московской региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Свидетельство о регистрации № А-0365 от 29 октября 1993 г.

Содержание

<i>ПРЕДИСЛОВИЕ. ВОЕННОЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ НАРОДА, ГОСУДАРСТВА, АРМИИ. А.САВИНКИН</i>	4
ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЯ	17
К ВОПРОСУ О ЕДИНОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЕ (ПОЛЕМИКА В «РУССКОМ ИНВАЛИДЕ»)	17
<i>Н. Четыркин. Устав и доктрина</i>	17
<i>В. Доманевский. Единство военной доктрины</i>	18
<i>А. Зайончковский. Единство военной доктрины</i>	19
<i>В. Доманевский. Единство военной доктрины и полевой устав</i>	24
<i>А. Зайончковский. Еще по поводу доктрины</i>	26
<i>А. Незнамов. На злобу дня</i>	28
<i>К. Адариди. Любителям «доктрины»</i>	29
<i>Е. Кривцов. Военное искусство</i>	30
<i>А. Дмитриевский. Вавилонское столпотворение</i>	31
<i>Б. К-ский. Толчение воды</i>	32
<i>В. Доманевский. К спору о злободневном вопросе</i>	35
« <i>Без подписи — по-английски</i> » Доктрина	37
<i>В.Г. Доктрина, штунда и рутина</i>	38
<i>В. Григорьев. Доктрина — наука, учение</i>	39
<i>Б. Никулищев. Наболевший вопрос</i>	41
<i>Н. Четыркин. Военное искусство или военная наука</i>	42
<i>Ф. Огородников. Теория и устав</i>	43
<i>А. Дмитриевский. Эпилог спора о доктрине</i>	45
<i>Н. Четыркин. Значение доктрины в военном искусстве</i>	47
<i>А. Свечин. Национальные черты в военном искусстве</i>	49
<i>М. Бонч-Бруевич. Единая военная доктрина</i>	53
<i>В. Апушкин. О военно-политической доктрине</i>	56
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ	59
<i>В. Борисов. Русская военная доктрина</i>	59
<i>В. Апушкин. О государственной военной доктрине</i>	62
<i>А. Свечин. Основы военной доктрины</i>	70
<i>А. Незнамов. Военная доктрина</i>	73
<i>П. Измestьев. Основы военной доктрины</i>	76
<i>Д. Парский. О военной доктрине</i>	82
<i>Е.У. О военной доктрине</i>	88
<i>А. Снесарев. Единая военная доктрина</i>	91
<i>А. Апушкин. Военная доктрина</i>	102
<i>Л. Троцкий. Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство</i>	109
<i>М. Фрунзе. Единая военная доктрина и Красная Армия</i>	130
<i>Н. Михневич. Военная доктрина</i>	139
ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ	146
<i>В. Борисов. «Аксиома» Наполеона как основание для будущей доктрины</i>	146
<i>А. Геруа. Военная доктрина</i>	160
<i>Н. Головин. Военная доктрина</i>	179
<i>Б. Геруа. Содержание русской военной доктрины</i>	186
<i>А. Байов. Русская военная доктрина</i>	192
<i>Б. Штейфон. Национальная военная доктрина</i>	203
<i>А. Егоров. О военной доктрине</i>	208
<i>А. Драгомиров. О «русской военной доктрине»</i>	229
<i>А. Керсновский. Русская национальная военная доктрина</i>	231
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	236
ПРИЛОЖЕНИЕ. ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ. О.ЗДОРОВ	243

Предисловие

Военное мировоззрение народа, государства, армии

Если государству нужна здоровая семья и здоровая школа, то еще более необходима здоровая армия, надежно обеспеченная, национально воспитанная и прекрасно обученная.

Армия должна составлять предмет народной гордости и быть действительно армией по существу, а не только видимостью, которая не только бесполезна, но и опасна.

А. Мариюшкин

Вся армия должна быть проникнута военной доктриной во всей ее совокупности. Она должна быть не только обучена, но и воспитана в ее духе.

А. Байов

В XVIII веке Россия имела победоносную армию, которая была сильна национально-государственным духом и руководствовалась собственной военной доктриной — поучениями (наукой побеждать) Петра I, Румянцева, Суворова и их последователей в Отечественной войне 1812 года. С середины XIX века национальная доктрина в значительной степени утрачивается; начинается период неудачных войн, грозящих перерасти в государственные катастрофы. Осознав закономерность этой ситуации, лучшие представители русской армии попытались возродить (воссоздать) национальную военную доктрину как предпосылку создания боевой армии, способной защитить и сохранить Россию от внешних и внутренних врагов.

В 1911 году (одновременно с началом инициативного издания «Военной энциклопедии») на страницах газеты «Русский инвалид» открывается спор о необходимости, сущности и содержании военной доктрины государства (армии). Через некоторое время запоздалая (в историческом смысле) дискуссия запрещается царем и военным министром (не время, надо было уже готовиться к войне; не метод, царь сам решит какая доктрина нужна России!). Несмотря на это, тема военной доктрины сохраняется в печати почти до начала Первой мировой войны, которая и в этот раз заканчивается поражением и разрушительной революцией.

При большевистской власти вопрос о военной доктрине обсуждался некоторое время «военными специалистами» — офицерами старой русской армии. Однако уже в 1921 году

прерогатива суждений по нему переходит к руководителям военного ведомства (Л. Троцкому и М. Фрунзе), которые на съезде комсостава Украины и Крыма фактически соглашались¹ отказаться от идеи единой военной доктрины (мировоззрения) как не соответствующей «эпохе величайших потрясений». Красная армия продолжает существовать на классовой основе, в связи с задачами революции и требованиями марксистской идеологии, памятуя, что «нет никакой надобности из недр военного ведомства строить новую доктрину»². Отказ от определенной и профессиональной военной доктрины (абсолютизация «практического», произвольного военного строительства) оборачиваются очередной неподготовленностью к следующей мировой войне, катастрофой 1941 года, массовыми потерями.

В белой эмиграции проблема военной доктрины рассматривалась в контексте критического анализа причин поражений старой армии и создания будущей российской вооруженной силы. В работах Н. Головина, А. Геруа, Б. Штейфона и других основное внимание уделяется уже не абстрактным рассуждениям (пройденный этап!), а разработке конкретных основ русской национальной доктрины для определенного исторического момента. Естественно, при общем понимании отсутствия «родной почвы», влияния на военную политику СССР.

Для разорванной историческим временем России (1911–1939 гг.) дискуссия о военной доктрине оказалась внешне бесплодной. Для новой демократической России она сохраняет, тем не менее, свою безусловную ценность как нравственный урок и пример, как способ развития творческой военной мысли и сохраняющийся пока ориентир на пути развития настоящей и будущей вооруженной силы России. Но следует помнить, что упущенные исторические возможности дают о себе знать парадоксальным образом. Советская военная доктрина стала ясно формулироваться только через 76 лет после начала дискуссии по этому вопросу, когда впереди просматривался распад Организации Варшавского Договора и самого Советского Союза³.

Конкретный текст военной доктрины Российской Федерации⁴ принимается еще позже (82 года спустя), когда уже нет «единой и неделимой» Большой России. Вновь меняются условия, нарушается историческая преемственность. Но история дает еще один шанс (не последний ли?) серьезно приступить к созданию национальной военной доктрины России и

¹ См.: Петровский Д. Диспут о военной доктрине // Военная наука и революция. 1922. Кн. 2. С. 9.

² Там же. С. 8.

³ См.: Доктрины. Паритеты. Безопасность: Сборник статей. М.: Воениздат, 1990; Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М. Международ. отношения, 1992.

⁴ Основные положения военной доктрины Российской Федерации (изложение) // Красная Звезда. 1993. 19 ноября.

определить на этой основе верный (не ложный) путь развития Вооруженных Сил. Правда, предупреждает при этом словами Петра Великого: «Промедление времени — смерти невозвратной подобно».

С надеждой на успех коллективной работы представителей разных поколений российской армии публикуется специальный выпуск «Российского военного сборника», посвященный материалам уникальной дискуссии по военной доктрине, проходившей с перерывами в трех Россиях: царской, советской и зарубежной. Знакомство с этими материалами восстановит необходимую духовную связь с творческим военным прошлым Отечества, историко-аналитическими основаниями военной доктрины России. Собранные в Сборнике источники дают ответы на многие вопросы современной военной доктрины России, а следовательно, позволяют исторически и методологически сориентировать процесс ее дальнейшей разработки. Они (вопросы и ответы) могут быть представлены в следующем виде.

1. Что такое военная доктрина?

Уже на понятийном уровне отразилось осторожное отношение в самом слове «доктрина», возможности злоупотребления им (доктринерство, шаблон, схема), использование его содержания для противодействия творческой военной мысли, ограничения самостоятельности и частной инициативы командного состава. Данный подход наглядно проявился в общем понимании, что доктрина — это не только официальные, руководящие, неизменные, господствующие взгляды (принципы, идеи), не просто отправные и основные наставления и указания, но прежде всего «в е р н ы й взгляд военный», «ж и з н е н н а я военная Школа», «основная и единая ж и в о т в о р я щ а я идея в военном деле», «ц е л ь н о е военное мировоззрение», «ф и л о с о ф и я военного искусства» и т.д.

В последующих развернутых определениях подчеркивалась связь военной доктрины с военной наукой, государственной политикой, военной мощью государства, международным положением, народным духом, боевым качеством армии. То есть давалось многостороннее понятие военной доктрины, вычленялись ее составные части и разновидности, что объективно устраняло опасность ее доктринерской абсолютизации в России. Проследим эту мысль на конкретных примерах.

Доктрина — военная наука. В основе военной доктрины лежат результаты исследований «вечных» принципов военного искусства, военной истории вообще и конкретного государства, современной войны, армии и т.д. Поэтому военная доктрина отождествляется с «военной наукой, воплощенной в национальном образе и переработанной исключительно с точки зрения условий борьбы данного государства» (А. Свечин); «чисто практическим приложением отвлеченных выводов науки к условиям определенной войны»

(Н. Головин). Отсюда следует, что только серьезное изучение военного опыта и является предпосылкой создания эффективных «руководящих основ для ведения современной войны».

Доктрина — учение о войне (бое). Военная доктрина — это совокупность официально признанных основных научных положений, объединяющих как взгляды на характер современной войны, так и на способы ведения ее вообще, и в частности устанавливающих единые приемы (лучшие при современных условиях!), оценки и решения боевых вопросов и боевой подготовки армии⁵. Общая военная доктрина включает в себя боевую доктрину армии, позволяющую «знать вести войну» и направляющую боевой подготовкой армии в мирное время (на войне уже поздно учиться). Если доктрина будет ложной, то это обусловит «чрезмерную кровопролитность войны»⁶.

Вывод: чтобы победить в войне, армия должна сохранять свое боевое качество в условиях мира, поддерживать его в лучшем виде, в том числе при помощи специально принятой и культивируемой доктрины.

Военно-политическая (государственная) доктрина. Последнее столетие война ведется всем государством («вооруженным народом»), а не только армией. Бытие армии подчинено определенным политическим задачам. Политика дает смысл работе армии, создает ее настроение, воспитывает в ней боевой дух. Государство ставит вооруженным силам цели действия, определяет способ их комплектования, форму организации, устойчивый быт и т.д. Следовательно, военная доктрина имеет свои корни в государственной политике. В связи с этим В. Апушкин, первый указавший на данный сущностной признак военной доктрины, последовательно развивает ее определение следующим образом:

Доктрина военная в широком и главном смысле слова есть совокупность руководящих идей, положенных в основу военной мощи страны в тесной связи с ее международным политическим положением, политическими идеалами и основными государственными задачами. В более узком смысле военная доктрина есть учение о войне... (1913 г.).

Военная доктрина есть также совокупность теоретических учений и практических положений — правил действия, касающихся организации вооруженных сил государства, их боевой подготовки, деятельности их на войне и вообще характера и способов ведения последней, обусловливаемых как современным состоянием военного дела, так и задачами государственной политики в широком смысле слова. Это — не тактика, не стратегия, не

⁵ См.: Незнамов А. Военная доктрина // Военное дело. 1918. № 12. С. 2.

⁶ Борисов В. Смелая наступательная тактика (Русская военная доктрина). Часть I. СПб., 1913. С. 34.

военная администрация, не военная технология в отдельности, но гармоническое сочетание основных положений всех этих областей военного искусства и военного знания, на основе поставленных себе государством целей, народного духа, сил и средств страны⁷ (1918 г.).

Военная доктрина есть органическая совокупность теоретических учений и практических мероприятий, касающихся организации вооруженных сил государства, их боевой подготовки, деятельности на войне, характера и способов ведения последней в связи с современным состоянием военного дела вообще, особенностями военно-политического и экономического положения государства, его культуры, социального строя и поставленных им себе задач в области политики как внешней, так и внутренней... Государственная, единая военная доктрина создается как платформа, объединяющая в вопросе государственной самозащиты все интересы, все силы, все средства и возможности народа, сплетающей в одном лице и мирный труд, и подвиг войны⁸¹ (1920) .

Доктрина как военное мировоззрение. Значимость военного дела для существования России, его проникновение во все стороны народной жизни потребовали целостного взгляда на российское государство в военном отношении, на место и роль армии в обществе, политике и войне. Необходим был верный взгляд на военный мир и связанную с ним «гражданскую» среду, или, говоря словами А. Керсновского, «мировоззрение данной нации по военному вопросу». Представленная таким образом доктрина являлась частью доктрины национальной, отражением условий, традиций и духа российского общества. Она призвана была обеспечить и согласовать действия всех государственных и народных сил в интересах защиты Отечества, духовно сплотить армию и народ единым пониманием явлений военного дела и тем самым усилить военную мощь России.

Мировоззренческое понимание военной доктрины обусловлено было как позитивным, так и негативным опытом русской военной истории. Оно исходило из необходимости: 1) поставить заслон доктринерству, слепому заимствованию, ложным теориям и необоснованным нововведениям; 2) стимулировать познание истории военного искусства, современных войн; 3) расширить военный кругозор и истинное военное образование широких слоев населения и в первую очередь офицерского корпуса.

Взгляд на военную доктрину как мировоззрение примирял ее сторонников и противников; он ставил во главу угла не столько «единство знаний» (они могут быть ложными), сколько их «правильность», т.е. соответствие военной науке, принципам военного искусства и здравому смыслу (практике). В этом случае остается также место для

⁷ Апушкин В. Первоисточник военной доктрины // Военное дело. 1918. № 21. С. 1.

⁸ Апушкин В. Военная доктрина и всеобщее военное обучение // Вестник милиционной армии. 1920. № 9. С. 3–6.

личностного фактора — проявления самостоятельности (в познании и боевой деятельности), творчества и инициативы в военной политике, стратегии и тактике⁹.

Единство действий во время войны достигалось заблаговременной продуманностью военного вопроса, его глубоким пониманием в армии и обществе, проникновением военной доктрины как мировоззрения в народные массы. Оформленная военная доктрина («цельное военное мирозерцание») представляла собой в этом случае «совокупность военно-государственных достижений и военных основ, практических приемов и военных навыков» которые страна считает наилучшими для данного исторического момента. Сумма военных целей, понятий и приемов относилась уже не только к военному слагаемому государства, но и ко всему государству и обществу в целом (А. Снесарев).

Следуя методологии А. Снесарева, в содержании «мировоззренческой» военной доктрины нужно выделить следующие основные части: 1) государственные цели и задачи, достигаемые при помощи военной силы (достижения и цели военной политики государства); 2) программные (теоретические и практические) военные основы, обеспечивающие преемственность и направленность боевой подготовки армии (военно-боевая доктрина); 3) военно-нравственный катехизис народа и армии (воспитательная доктрина).

Наличие последней части является очень важным, так как именно она отражает «душу» армии, понимание воинского долга, заветов и традиций.

Духовный компонент и определенные военно-воспитательные системы (Петра I, Суворова, Драгомирова и других) всегда были характерны для русской армии. Неудивительно, что вопрос об этом был поднят в ходе дискуссии о русской военной доктрине, и прежде всего, на уровне ее мировоззренческого понимания. Некоторые авторы предлагали даже отразить военно-воспитательное руководство не только в военной доктрине, но и в специальном Основном воинском уставе, носящем военно-нравственный характер. В нем планировалось указать основные воинские догмы, способы ведения и воспитания войск, поучения гражданину-воину, его обязанности и качества¹⁰. Другие считали необходимым включить в состав военной доктрины специальный раздел воинской этики, излагающей на уровне принудительной морали правила военного поведения, которые направлены на обеспечение «благополучия» армии, развития у воинов взаимной выручки, товарищества, доверия и других обеспечивающих боевой успех качеств¹¹.

Таким образом, в своем сущностном выражении доктрина представлялась прежде всего как учение о современной войне, своеобразная суворовская «наука побеждать» для

⁹ Традиционными факторами силы русской армии считались: личность полководца (командира); духовная стойкость солдат; традиции воинской части.

¹⁰ См.: Парский Д. Наши новые воинские уставы // Военное дело. 1918. № 11–12. С. 532–536.

¹¹ См.: Борисов В. Военная этика как отдел военной доктрины // Военное дело. 1918. № 16. С. 1.

данной исторической эпохи. Это учение должно было носить государственно-политический характер и обеспечивать подготовку страны и армии к будущей войне, победу в ней с наименьшими потерями и наибольшими достижениями. Не исключалась возможность понимания военной доктрины как широкого комплекса мировоззренческих знаний, идей и принципов, позволяющих ясно и правильно ориентироваться во всех явлениях и взаимосвязях военного дела и отраженных в гибкой системе руководящих документов, наставлений, традиций и верований, согласованных между собой «верным взглядом военным».

Несмотря на то, что многие причины поражений России в XIX–XX веках связывались о отсутствием официальной военной доктрины, признавалась опасность ее принятия в жестком, сыром, заимствованном, особенно, ложном виде.

2. Какой смысл имело принятие военной доктрины?

Надлежит признать, писал в 1918 году В. Апушкин, что «смелая наступательная тактика» Суворова вполне гармонировала «смелой завоевательной» политике Екатерины II, вытекала из нее, находила в ней опору и оправдание. Как бы мы не оценивали екатерининскую политику, но ясная и твердая, она давала определенный смысл бытию русской армии, создавала в ней тот воинский дух, который служит основанием военной доктрины. Она вдохновляла вождей армии и давала им необходимую «мочь». Екатерининская резолюция: «Победителя не судят» — есть часть военной доктрины, фактор, ее образующий. Именно эта политика создала плеяду «Екатерининских орлов» — генералов и «чудо-богатырей» — солдат... А без тех и других военная доктрина — мертвая, кабинетная теория, производная «гоф-кригс-рата»¹².

Принятие военной доктрины в новых условиях должно было вынудить русское правительство вернуться к определенной, последовательно проводимой и национально ориентированной политике, ясно обозначить государственные задачи на длительный период а перейти к устойчивой планомерной работе по укреплению военного могущества России.

Следовало устранить колебания и «смену вех» в военной политике, неподготовленность к войнам, восстановить историческую преемственность в развитии русской армии, которая за последние два века находилась в явно ненормальном состоянии; она расцветала и загнивала, увеличивалась и уменьшалась, постоянно меняла организационно-штатную структуру и формы, распадалась и создавалась заново, была «белой» и «красной», правительственной и народной, парадной и боевой, побеждаемой и победительницей.

В то время как судьба России и ее армии определялась непредсказуемыми случайностями, непродуманными действиями, ложными теориями и заимствованными стратегиями, правительства Германии, Франции, Японии сформировали свою военную мощь по определенному государственному плану, использовали ее в соответствии с конкретными национальными интересами и идеалами, формулируя этот процесс в эффективных доктринах. Неудивительно, что из катаклизмов XX века эти страны вышли в конечном итоге с меньшими потерями и потрясениями, чем Россия.

Нельзя было более мириться с отсутствием результативной работы и хронической незаконченностью планов в военной сфере. В свое время программа милютинских реформ оказалась преждевременно свернута. Военная реформа, последовавшая после поражения в Русско-японской войне, также не была доведена до завершения. Ключевым ее звеном явилось принятие (с запозданием) Большой военной программы (1913–1917 гг.), которая так и не была выполнена в связи с начавшейся мировой войной. План войны, разработанный для этого случая, оказался неудачным¹³. К 1917 г. оказалось к тому же нарушенным единство армии; она вышла из-под контроля правительства и разложилась. Стало очевидным, что «принятие доктрины определенного типа (германской, французской, национальной. — А.С.) явилось бы делом огромного государственного значения, ибо практически определяло пути устройства, развития и будущих действий российских вооруженных сил»¹⁴.

Военная доктрина требовалась не только для устойчивого государственного развития и плановой работы в области военного дела. Процесс ее создания привел бы к интенсивному и систематическому изучению России и ее вооруженных сил, расцвету русской военной мысли, ее переплавки в принципы военного искусства, совершенные формы организации вооруженных сил. Тем самым в военную политику были бы внесены осмысленность и осознанность; оживилось бы военное дело.

Все силы и средства, создающие победу, а также эксплуатация их являются, по меткому выражению А.К. Байова, продуктом работы человеческой мысли. Отсюда — огромное значение доктринального обобщения этой мысли, приспособления ее к потребностям военного искусства и целям войны на основе изучения военной истории, глубин национального мировоззрения и самой живой практики. «Надо же сознать, — пишет В. Апушкин на страницах “Военного дела”, — что военные доктрины не выдумываются, не сочиняются ни одним лицом, ни кружком лиц. Они творятся самой жизнью, вырастают из ее

¹² Апушкин В. Первоисточник военной доктрины // Военное дело. 1918. № 21. С. 2.

¹³ См.: Военная доктрина, русский план войны и наши поражения // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1937. 4 декабря (статья написана под псевдонимом «Р.Х.»).

¹⁴ Штейфон Б.А. Национальная военная доктрина. Профессор генерал А.К. Байов и его творчество. Таллин, 1937. С. 206.

почвы, т.е. являются результатом весьма сложного и длительного процесса возникновения идей, их развития и воплощения. Те, кого мы называем творцами той или иной доктрины, — лишь наблюдают этот процесс, анализируют его отдельные явления, синтезируют их, делают выводы и устанавливают соответственно им “линию поведения” на будущее, создавая комплекс правил и форм, формулируя догматы, принципы. Только таким путем создавшиеся доктрины — не мертворожденные учения, а плодотворные “символы веры”, ибо прежде осознания их в ряде формул они уже живут и действуют в душах и нервах людей»¹⁵.

Принятие доктрины имело целью нейтрализовать основные недостатки русской армии и повысить тем самым ее боевое качество.

На рубеже последних веков Россия обладала массовой армией, основанной на системе «вооруженного народа» (всеобщей воинской повинности). Такая армия требовала сильной мотивации, искусного управления, специальной системы воспитания и обучения, заблаговременной организации и участия в защите Отечества всех живых сил страны, больших резервов, ориентации на длительные боевые столкновения и т.д. Она не обладала особенно высоким качеством из-за большой численности и небольшого срока службы¹⁶. Талантливые вожди появлялись крайне редко. Между профессиональным ядром армии и солдатской массой не было необходимого единства.

В этих условиях (для такой армии) абсолютно необходима была единая «средняя» и всеобхватывающая школа боевой подготовки, дающая максимальный результат при использовании количественного преимущества массовой армии. Принципиальное значение имели общее военное мировоззрение, тщательно продуманная, обучающе-воспитательная военная доктрина, простые уставы, инструкции, популярная литература. «Для того чтобы народ мог быть уверен в своей армии, а армия черпала в такой доверии свою нравственную силу, — подчеркивает А. Геруа на страницах данного сборника, — необходимо популяризовать военную доктрину, в особенности во всем, что касается военной организации, не только в рядах войск, но в среде демократии...»

Другими словами, массовой армии требовался гражданин-воин; крепость ее в значительной степени определялась его «средней» подготовкой, согласованностью усилий каждого в стремлении к победе, устойчивым патриотизмом и желанием самоотверженно защищать Отечество. Эту линию развития армии и следовало отразить в военной доктрине.

На доктрину возлагалась надежда повышения профессионализма армии, обучения ее уже в мирное время эффективным способам ведения войны, соответствующим условиям и возможностям России. А.К. Байов отмечает: «...Нужно признать, что в значительной степени

¹⁵ Военное дело. 1918. № 21. С. 1.

¹⁶ См.: Байов А.К. Несколько мыслей по вопросу о военной доктрине // Военный сборник. 1924. № 5. С. 69.

мы вели войну кустарно, так сказать по-любительски, а не как профессионалы, знающие и любящие свою профессию, и вследствие этого в общем успехи наши были случайны, а неудачи, неудачи естественны, логично вытекая из общего уровня малой военной просвещенности командного состава всех степеней, мало развитой у нас военной культуры.

Наши генералы в большинстве случаев за отсутствием определенной систематически разработанной и обязательной для всех доктрины действовали как бы по наитию, по одному вдохновению. Это же вдохновение, не опираясь на основные принципы военного искусства, могло при благоприятных обстоятельствах дать успех и победу, но нецелесообразно направленное за недостатком прочной научной основы, оно в большей части случаев приводило к неудаче...

Таким образом, опыт войны 1914–1918 гг. показывает, что доктрина, как единая школа, как единое учение о войне, необходима для того, прежде всего, чтобы война велась не случайно, не кустарно и чтобы вследствие этого она приводила к наиболее решительным результатам в наиболее короткий срок с наименьшими усилиями и с наименьшими жертвами, чтобы, по бессмертному выражению нашего великого полководца Императора Петра I, победы доставались бы «с легким трудом и малой кровью»¹⁷.

Своеобразные условия существования, цивилизация и культура России породили особый тип русской военной школы, характеризующейся преобладанием духа над материей, высокой духовной настроенностью русской армии и, соответственно, некоторой отсталостью и пренебрежением техникой (материальным фактором). Основа военного успеха и военного прогресса в России во многом определялась моральным состоянием армии, духовной стойкостью русских солдат, военным образованием офицеров и их интеллигентностью, уровнем развития творческой военной мысли. Разложение русской армии в 1917 году, когда она была технически оснащена уже вполне удовлетворительно, наглядно подтверждает следующую мысль А.К. Байова: «Оружие (машины) приобретают значение только в войсках, обладающих высокими нравственными качествами. Напротив того, в войсках, у которых дух слаб, оружие-машины не только не дадут положительных результатов, но могут послужить лишь легкими трофеями для противника и привести даже к катастрофе»¹⁸.

При деятельности в сфере военного искусства духовная природа и психология русского человека всегда использовались политиками и военачальниками в интересах успеха, как дополнительное оружие (не только Петром I, Суворовым, Скобелевым, но и Разиным, Пугачевым, Лениным). Русская военная система была сильна наличием «души».

¹⁷ См.: Байов А.К. Несколько мыслей по вопросу о военной доктрине // Военный сборник. 1924. № 5. С. 56–57.

¹⁸ См.: Байов А.К. Начальные основы строительства будущей русской армии // Русский колокол. 1929. № 9. С. 22.

Военная доктрина и должна была стать важным элементом (и, соответственно, недостающим звеном) всей духовной организации русской армии, ее идейным руководством.

Итак, принятие военной доктрины имело для России и армии следующее значение:

- уберечь страну от государственных катастроф и военных поражений;
- обеспечить единство армии и народа в деле защиты Отечества;
- определить государственный смысл и истинную линию развития русской армии;
- максимально улучшить ее в профессиональном отношении с учетом существующих недостатков и достоинств;
- придать устойчивый, планомерный характер работе по созданию, совершенствованию и использованию военного могущества России (ее военной доктрины);
- усилить и максимально использовать для успеха военного дела духовные возможности и качества русской армии и народа.

3. Исходные положения русской военной доктрины

В ходе дискуссии решались не только методологические вопросы. Были сделаны выводы об основах строительства будущей русской армии. К их числу профессор А.К. Байов отнес прежде всего: 1) знание и уважение в смысле следования, применения принципов военного искусства; 2) преимущественное значение качества перед количеством; 3) важность духовной стороны по сравнению с материальной; 4) первенствующее значение человека, а не машин; 5) превосходная всесторонняя подготовка начальников и б) необходимость следования национальным путем¹⁹.

В созвучии с этим разрабатывались основные положения русской военной доктрины, которые «были, есть и будут».

1. Военная доктрина России должна быть собственной, национальной, исторической, органически присущей характеру русского народа, государственно-общественному строю, традициям и быту русской армии, национальным особенностям и культуре России, ее геополитическому положению и т.д. Ее следует выработать на основе критического изучения собственной богатой событиями и уроками военной истории, с учетом современной борьбы России, которые «не представляют собой пустыню Сахару» и дают все необходимые элементы для создания русской военной доктрины. «Будем помнить, — продолжает далее А. Свечин, — что мы станем непобедимы, когда найдем свою верную форму и выльем ее в единую русскую доктрину, но для этого обратимся к зрячим вождям. А какой простор для работы!»

¹⁹ Русский колокол. 1929. № 9. С. 29.

Наряду с этим необходимо изучать иностранный боевой опыт, чужие военные системы и теории, избегая механического и непродуманного заимствования. Нельзя брать на вооружение доктрины, созданные под другие армии, цели и условия («что немцу хорошо, то русскому смерть»). Но для собственного военного дела можно использовать все хорошее: и немецкое, и французское, и английское. Военная доктрина в этом случае отразит настоящую меру собственного и чужого. «Технику и практические приемы никогда не страшно, а временами неизбежно необходимо заимствовать там, где это лучше, где они уже испытаны и проверены, вместо того чтобы “своим умом”, но очень медленно прийти к тому же»²⁰.

2. Глубинную основу русской военной доктрины составляет суворовская «наука побеждать», примененная к современным условиям войны и боя. Она отражает национальный способ ведения войны, не имеющий ничего общего с теорией «заманивания» противника на свою территорию, позиционными и революционными войнами.

В суворовском духе формулирует положения боевой доктрины А.К. Байов, выводя их из опыта Первой мировой войны: учить войска тому, что необходимо на войне; поддерживать на высоком уровне духовную и боевую мощь армии; действовать против живой силы врага; учитывать соотношение сил; не относиться с пренебрежением к врагу; знать противника, его слабые и сильные стороны; ставить себе цели независимо от воли противника; тщательно готовить операцию и бой; стремиться к полевому бою как результату маневренной войны; оборона должна рассматриваться как временный способ действий, в котором необходимо не только отбиваться, но и самому бить; главный способ действий должен заключаться в наступлении в условиях столкновения сдвигающимся навстречу противником; усилия направлять преимущественно на фланги противника и стремиться к его полному окружению, при этом иметь безопасными свои фланги и тыл; после успешного боя энергичным образом преследовать разбитого противника; войска должны быть деятельны, инициативны, подвижны, смелы, но и осторожны, спокойны; необходимо всегда и всеми мерами поддерживать дух армии; уважительным отношением с подчиненными сделать себе их добровольными сотрудниками и т.д.²¹

3. Участники более поздней дискуссии соглашались с мыслью о необходимости для России «отборной (небольшой)» армии:

Русская армия XVIII века — прежде всего армия отборная, этим объясняются все ее подвиги в тот великий век (А. Керсновский).

²⁰ Незнамов А. Военная доктрина // Военное дело. 1918. № 13. С. 2

²¹ Военный сборник. 1924. № 5.

«Одним из главнейших оснований будущей военной доктрины должно быть осуждение массы как главного фактора победы. Но, конечно, идти к этой цели невозможно путем простого и быстрого сокращения численности уже существующей армии и призывной системы, обеспечивающей ее. Нужный для этого путь гораздо сложнее. Необходимо постепенно количество компенсировать качеством и техникой... Количество, качество и техника в их взаимодействии дают наилучшую военную организацию. До последнего времени замечалось злоупотребление количеством за счет техники и, особенно, качества. Необходимо обратить сугубое внимание именно на последнее, т.е. на усиление и улучшение кадров профессионалов. Здесь же кроется и секрет ограничения вооружений: “числом поменьше, сортом получше”» (А. Геруа).

Вынужденная отказаться по соображениям идейным и финансовым от системы полчищ, национальная Россия должна избрать систему «отборных армий». Это название будет более понятно и полно выражать идею «качественных войск». Будущая российская «отборная армия» мыслится по численности такой, какой была императорская армия мирного времени... В связи с отказом от всеобщей воинской повинности увеличатся сроки действительной воинской службы... По своей природе новая армия должна обладать большой маневренной способностью... (Б. Штейфон)

4. По мнению А. Керсновского, русская военная доктрина должна также носить в себе отпечаток высшей гуманности, утверждать превосходство духа над материей, основываться на религиозном начале и национальной гордости, формировать сознательное отношение к военному делу.

История и геополитика России предопределили для нее особую значимость национальной военной доктрины. По сравнению с другими странами выработка такой доктрины началась запоздало.

Впереди — серьезная исследовательская работа по изучению военного прошлого России, современных войн и различных военных систем. На этой основе и будет постоянно строиться здание военной доктрины новой России. Его устойчивость в значительной степени будет зависеть от того, насколько усвоены те методологические выводы, которые были сделаны участниками дискуссии о военной доктрине в 1911–1939 годах.

1994 г.

А. Савинкин

Часть I

ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЯ

К ВОПРОСУ О ЕДИНОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЕ

(ПОЛЕМИКА В «РУССКОМ ИНВАЛИДЕ»)

Устав и доктрина

Н. Четыркин

Работа в армии в духе единой доктрины, единых взглядов, конечно, желательна, но при обязательном условии, чтобы в основании доктрины лежали незыблемые принципы военного искусства; иначе доктрина, кроме вреда, ничего не принесет. Работа членов гофкриг-срата, современников Суворова, была также в духе единой военной доктрины, и результаты этой работы нам известны. Во всяком случае, гораздо лучше, если армия будет работать, не руководствуясь единой доктриной, чем идти в работе по ложному пути, могущему привести только к полному упадку военного искусства...

...Указания Петра Великого дают нам определенные и ясные директивы для составления устава полевой службы:

1) устав должен давать только руководящие указания вне условий обстановки и ни в каком случае не представить собой сборника рецептов для действий;

2) Исполнители не должны искать в уставе конкретных указаний, а проявлять во всех случаях собственную инициативу...

Что же касается доктрины, объединяющей работу армии, то в основание ее должна быть положена идея боевой подготовки армии при условии: чтобы знание шло рука об руку с умением, чтобы инициатива каждого, от рядового до главнокомандующего, могла проявляться в пределах их деятельности, чтобы организация управления армией давала возможность быстро направлять совокупные усилия всей армии или части ее к достижению поставленной цели. При этом очевидно, боевая подготовка частей армии возможна только в условиях, близких к боевой обстановке, а не на плацах и учебных полях без местных предметов...

(Русский инвалид. 1911. № 260)

Единство военной доктрины

В. Доманевский

Совершенно естественно, чтобы в основу военной доктрины легли вечные неизблемые принципы военного искусства.

Истина неоспорима. Академия несомненно и руководствуется ими, национальными особенностями нашего военного искусства, приемами ведения современной войны, современного боя, в трудном деле установления отправных взглядов, военной доктрины...

Не на ложный путь, а на верный, единственный к победе путь приведет нас принятие такой военной доктрины. Суворовская «Наука побеждать», даже написанная в свое время хорошо была известна армии. На ней воспитывались все от мала до велика. При частых войнах, сравнительно малой армии, огромных сроках службы тогда легко было провести в армии единство взглядов.

Теперь же гораздо труднее: армия обратилась в вооруженный народ, кадры ее невелики, войны редки. Тем более нужна тщательно продуманная военная доктрина. Кому же, как не людям, всецело посвятившим себя военно-научному труду, разрабатывать и распространять единую военную доктрину — суворовскую науку побеждать, примененную к современным условиям войны и боя?..

...Необходимо теперь же скорее приступить к проведению в армии единой доктрины, хотя бы и не самой лучшей: сдвинуть армию с понимания лишь командного языка на столь свойственную ей высоту общего тактического языка — прекрасный случай, а вместе способ внедрить доктрину во все слои армии, — новый устав полевой службы.

Армии, выдвинувшей из рядов своих Суворова, сделать это легче, чем кому бы то ни было в мире.

Ни сбиваться, ни останавливаться на этом пути нельзя, ибо «промедление времени — смерти невозвратной подобно» (Петр Великий).

(Русский инвалид. 1911. № 274)

Единство военной доктрины

(Опасности и увлечения)

А. Зайончковский

В последнее время все чаще и чаще провозглашается в нашей военной повременной печати лозунг «единства военной доктрины» и некоторые авторы возлагают на военную академию задачу выработки такой доктрины.

К сожалению, содержание статей провозвестников этой идеи исчерпывается общими местами, и трудно сказать, в каких конкретных формах единство доктрины разумеется авторами. Они говорят то об «единстве взглядов», объединяющем всю армию, против чего нельзя было бы возразить, если бы можно было бы поручиться за правильность этих единых взглядов; то об «единстве тактического языка», очевидно тоже полезном, так как никто не станет доказывать, что приказания следует отдавать через переводчика; то, наконец, об единообразии применения полевых и строевых уставов.

Если к этому добавить, что в упомянутых статьях предполагаемая будущая «единая военная доктрина» приравнивается к суворовской науке побеждать, примененной к современным условиям ведения войн, то остается только развести руками.

Суворов и... доктрина! Ведь это сопоставление белого с черным, дня с ночью, инициативы, силы воли и светлого ума с пассивностью, безволием и педантизмом!

Очевидно, сторонники единства военной доктрины говорят не о ней, не о неизменном, установленном для всех и всем прививаемом учении, так как слово «доктрина» если не на общетактическом, то на всех человеческих языках именно только и означает такое учение, а о чем-то другом, туманном и неопределенном. Как бы мы ни открещивались от идей австрийского гофкригсрата восемнадцатого века, но это туманное и неопределенное все-таки представляет опасность попасть на дорогу, по которой некогда столь печально и упорно шествовало это пресловутое учреждение.

Опасно самое слово «доктрина», и да спасет Бог нашу армию и от слова, и от содержащегося в нем начала ослабления воли и мысли каждого воина. Ведь считается в живом деле всегда с доктриной, да еще с единой, т.е. обязательной для всех, от мала до велика, значит связывать себя по рукам и ногам, значит вопрошать, когда не время и не место для вопросов, согласны ли задуманные действия с велениями доктрины, и вводить сомнения и колебания там, где должны безраздельно господствовать решимость и твердость.

Меня прямо пугает насаждение «доктрины» в таком живом деле, как война, которая давала феерические картины блестящих побед там, где ярким светочем блистало искусство,

талант, сдобренные соответствующей научной подготовкой и ничуть не стесненные пагубным во всяком живом деле доктринерством. Но сейчас же на светлом фоне таких великих страниц военной истории и рядом с ними вырисовывается мрачная картина австрийского доктринерства восемнадцатого столетия с его знаменитым упреком Суворову в том, что он побеждал французов в Италии не согласно с установленными для военных действий правилами, и с карикатурным вейротерским «die erste Kolonne marschiert».

Что такое доктрина? В конце концов, это все-таки есть стремление связать известными теоретическими условностями живое искусство, убить в нем дар небес — душу и регламентировать его такими не жизненными, а умственными формальностями, которые могут быть очень хороши в теории и всегда пагубны на практике. Доктринерство в живом деле — это никогда не удававшаяся попытка решить одно уравнение со многими неизвестными. Какими бы фразами ни окружать вопрос об единой военной доктрине, она не может влиться ни во что иное, как в пагубные рецепты; говорю пагубные, так как даваемые вне времени, пространства и обстановки, они иным чем-нибудь быть не могут. Я хотел бы поборников единства доктрины попросить привести мне хоть один пример в области живого искусства, к каковым, бесспорно, принадлежит и война, в котором единство доктрины помогало бы расцвету этого искусства, а не вводило бы его в рамку посредственной бездарности.

Возьмем хотя бы медицину. Кому же, как не Военно-медицинской академии, вырабатывать медицинские доктрины? И ежели бы такие были выработаны и было бы настойчиво приказано всему институту врачей проводить их в жизнь, то неужели же нашлись бы талантливые доктора, которые заурядно применяли бы их ко всякому пациенту, не сообразуясь с видоизменяющимися до бесконечности субъективными особенностями лечимого и его натуры, для которых как нарочно не найдется особого рецепта в единой доктрине, выработанной высшим ученым медицинским учреждением. Наверное, врач талантливый, самостоятельный бросит единую доктрину и начнет врачевать страждущего так, как ему укажет свыше данный дар, окрыленный и обоснованный исследованием различных элементов медицины и развитый разумным изучением особенностей каждого пациента и средств, которые широкий опыт предшествовавших поколений указал на пользу страждущего человечества... Большинство же врачей, скованных единой доктриной, поступит гораздо проще: они на законном основании предписанной им доктрины без всякой ответственности будут отправлять своих пациентов в тот мир, где нет ни печали, ни вздыханий. Если единая доктрина недопустима даже в прикладной медицине, то что же сказать о нашем военном деле?

Но доктринерство в живом деле, да к тому же насильственно насажденное, приводит и к еще более пагубным последствиям. Оно атрофирует желание самостоятельно работать в области развития этого искусства и неукоснительно ведет к падению его, к прозябанию. Нужно появление гениев в известной области искусства и особенно благоприятной обстановки, чтобы снять путы доктринерства и вновь поставить его на правильную стезю. В мрачную эпоху австрийского доктринерства восемнадцатого столетия, как светочи, блистали гениальные вспышки Фридриха, Суворова, но и их было мало для того, чтобы открыть глаза слепым. Для этого нужен был гениальный пожар Наполеона, который счастливый случай соединения в одном лице полководца и императора могущественной империи дал ему возможность произвести.

Война есть искусство, и великое искусство. Поэтому надо от всего сердца пожелать нашей армии избавиться от всяких доктрин, а тем более от единой.

Если бы наша последняя война выдвинула гения и этот гений вздумал бы составлять для армии единую доктрину, то и тогда следовало молить Бога, чтобы он избавил нас от нее. Впрочем, гений, наверное, и не взялся бы за это ненужное дело. Он дал бы нам высокие образцы остроумного применения основных принципов военного искусства, показал бы, как новые технические данные воздействуют на форму применения на театре военных действий и на поле сражения все тех же вечных, как история войны, основных принципов нашего родного искусства; но за единую доктрину он наверное не взялся бы.

Если бы среди нас был такой великий военный мыслитель, каковым был бы незабвенный Генрих Антонович Леер, то он, наверное, всесторонне исследовал бы нашу последнюю войну и в этом исследовании дал бы обоснованные, удобопонятные руководящие идеи, изучение которых расширяло бы кругозор исполнителей и позволяло бы им, ничуть не стесняя необходимой самостоятельности, работать и действовать во всеоружии последнего боевого опыта; но за составление единой доктрины он наверное бы не взялся.

Что же такое случилось, что заставляет некоторых представителей нашей армии желать единой доктрины? Где те новые Наполеоны и Суворовы, действия которых давали бы право на вытаскивание такой метафизической идеи восемнадцатого века на свет? Да ежели бы таковые и были, то где те Лееры, которые могли бы талантливо справиться с такой деликатной задачей, не затянув ее мертвой петлей условных рецептов и предвзятых решений?

Наша последняя война? Да разве она проиграна потому, что русское военное искусство стояло на невысоком уровне, или потому, что наши уставы стесняли исполнителей в разумном применении их к новой обстановке, вызванной появлением новых факторов? Я

лично глубоко убежден, что ни то и ни другое не было причиной нашей неудачной войны. Оно, разумеется, легче валить всю вину на наших учителей, но, право же, мы виноваты сами: наше невежество, наш халат и неумение вместе с нежеланием использовать тот большой материал, который мы получили от своих учителей.

Мне кажется, что мы в последнее время сильно увлекаемся ломкой всего старого и погоней за чем-то новым. И так как солидное новое создать трудно и не удастся, то принимаемся за теории, которые могут свернуть на ложный путь нашу армию, начавшую с нервным напряжением ума, воли и сердца учиться, учиться и учиться на пользу своего родного дела...

Изучать военное искусство надо очень осторожно. Применение его в каждом частном случае требует разнообразного сочетания такой массы отдельных составных частей, материальных, духовных, что никакой точной регламентации оно не подлежит. Одни только познания и наука не могут сделать из нас хороших военачальников. Они расширяют военный кругозор, они знакомят с тем материалом, который мы имеем в руках, с той физической силой, которой будем наносить удар врагу. Но больше этого от военной науки и даже всей практики мирного времени ничего не требуйте, так как она ничего полезного не дает и в армию может войти только пагубное доктринерство.

Большое затруднение в изучении военного дела заключается еще в том, что настоящая практика, война выпадает очень редко. Современникам весьма трудно выяснить действительные причины побед и поражений. Они вполне естественно склонны преувеличивать все то, что было у победителя, и, особенно, все новое, бьющее в глаза; склонны устраивать чрезмерный культ поклонения этому новому, приписывать ему одному свершившуюся победу. В этом почти всегда пристрастном и одностороннем культе воспитывается армия в течение последующих десятков лет до новой боевой практики.

Истинные причины поражений большей частью кроются не в том, о чем много кричат. Найти их вообще трудно, так как для этого необходимо всестороннее, беспристрастное исследование всей войны, а не изучение и составление истории ее налегке по реляциям высших начальников.

И вот из вполне понятного желания избежать нового поражения с торопливостью начинают врачевать побежденного по наружным более видимым признакам, не определив настоящим образом основу поражения. Такая горячка в лечении особенно велика, но и особенно страшна для армии, когда неудачная война совпадает в государстве с общей переоценкой ценностей, с некоторым сдвигом вековых устоев страны. Здесь возможно, что горячность дойдет до крайних пределов.

Разрушить старое по силам многим, но в короткое время соорудить новое, хотя бы только не хуже прежнего, по силам далеко не многим. Гораздо безопаснее произвести хороший ремонт тому старому, которое хотят разрушать, если нет под рукой достойного величия задачи архитектора. «Лучшее — враг хорошего»; но не надо забывать и другую, более подходящую к вопросу о ломке армии поговорку: «Семь раз отмерь и один отрежь».

Да не подумает читатель, что я враг усовершенствования нашей армии, эволюционирования военного искусства в зависимости от новых факторов и на основании новых опытов и новых исследований. Напротив, все это очень и очень нужно, но к капитальной ломке уставов следует относиться весьма осторожно. Кафедра, книга, газета, беседы — вот те средства, которые безопасно для армии предназначены быть проводником новых идей; здесь даже самый односторонний взгляд и мнение принесут свою долю пользы. В устав же должно входить уже только перебродившее и всосавшееся в большинство армии. Это еще большой вопрос — устав ли должен вести армию или он должен следовать за ней...

Армия не нуждается ни в какой «единой доктрине», ни даже в «единстве взглядов», о котором пишут и говорят его приверженцы. Если «единство взглядов» — перевод французского «unites des vues», то это перевод не точный. Приведенное французское выражение означает не единство взглядов, а единство стремлений и целей, т.е. нечто совсем не похожее на единую доктрину.

Армия нуждается не в единстве доктрины, а в единстве воли, чувств и стремлений, базирующихся на широком образовании и непрерывной практике.

Победа, как истина. Она не так часто дается пытливному уму, как беззаветно жаждущему ее сердцу, и великой армией является не та, которую излишне сплотило единство учения, а та, в миллионах людей которой согласно бьются сердца.

Часть великих принципов военного искусства по существу своему понятна более сердцу, чем уму. Где же тут место для доктрины? Что она может дать герою, окрыленному стремлением, корни которого глубоко кроются в сверхсознательных тайниках человеческой души?

На какие конкретные вопросы может дать ответ доктрина? Можно ли, например, с несколькими эскадронами напасть на нерасстроенную дивизию пехоты? В иных случаях это будет бесполезная гекатомба (Балаклава), в других — залог победы (Кустоцца). Доктрина именно тем и опасна, что она дает основание для подобного рода вопросов в такое время, когда их вовсе не должно возникать. Неужели же мы опять хотим поставить себе за идеал регламентирование боевых порядков наподобие четырех порядков времен пятидесятих годов прошлого столетия, от которых пришлось отказаться после первого пушечного выстрела.

Чем скорее забудется мысль создания единой доктрины, тем будет лучше. У военных наук есть много более серьезного дела, особенно при современных технических и экономических условиях ведения войн. Потрудимся над этим, а остальное «приложится». Смешно сказать, а у нас в настоящее время многие ведут тактические занятия, строго придерживаясь руководства немецкого полковника или французского генерала.

Бросьте, господа, мертворожденную идею, которая опасна еще и потому, что ее осуществление может создать в военной среде странную аристократию авторов и хранителей «единой доктрины», ее, так сказать, официальных представителей.

(Русский инвалид. 1911. № 280)

Единство военной доктрины и полевой устав

В. Доманевский

...Одними основными, незыблемыми принципами военного искусства в уставе ограничиться нельзя. В нем должны быть даны и всегда даются руководящие указания для управления и действий армий, руководящие основания ведения боя, разведки, охранения, походных движений, отдыха... Задача огромной важности.

Удачно разрешить ее очень трудно. Составитель такого устава должен дать по всем перечисленным вопросам-отделам сводку наиболее жизненным, почвенным отправным взглядам; отнюдь не связывая исполнителей, он должен создать для них только точки соприкосновения, общий масштаб для оценки обстановки, оформить общий, всем одинаково понятный тактический язык с тем, чтобы явилась, наконец, полная уверенность в тождественности понятий, влагаемых в одни и те же слова разными лицами.

Вот эти-то руководящие основания, отправные взгляды и составляют военную доктрину армии, они создают ее тактический язык.

Слово доктрина происходит от латинского глагола *docere*, что значит учить.

Общепринято понимать под этим словом учение, совокупность мнений и понятий какой-либо школы.

Правда, производное слово того же корня — доктринерство, доктринеры — получило несколько иное значение.

Этим именем в начале прошлого столетия французы окрестили последователей политической партии Ройе Коллара, который стремился примирить убеждения всех крайних партий, конституционный строй с сильной правительственной властью.

Партия эта имела блестящего вождя в лице Гизо, но, благодаря своей нетерпимости, не смогла не только примирить кого бы то ни было, но даже вооружила против себя и врагов, и друзей. Она была немногочисленна и, как говорили, «вся могла поместиться на одном диване». Скоро сошла она с политической сцены, примкнув к умеренным консерваторам (поставив целью установить «настоящую средину» — «*juste milieu*»).

Многие под доктринами до сих пор понимают нетерпимых теоретиков, любящих бесплодные рассуждения, оторванные от действительной жизни... Было бы ошибкой связывать такой взгляд с понятием «военная доктрина». Было бы преступною близорукостью прививать такую мертвую доктрину армии.

Итак, военная доктрина является сводкой руководящих взглядов принятого в данной армии, в данную эпоху, основного учения. Наиболее полно выражается военная доктрина в полевом уставе.

Ясно, что она должна быть единой, всем хорошо знакомой, всеми определенно понимаемой.

Счастлива армия, которая вовремя получает выражение наиболее полной, цельной доктрины — одного из залогов успеха, фундамент, на котором возводится здание обучения как начальников, так и рядовых бойцов...

...Только при единстве доктрины обеспечено взаимное понимание руководителей и исполнителей; что единство это прочнее всего укрепляет между ними взаимное доверие. Взаимное же доверие создает ту атмосферу нравственной самостоятельности, вне которой немислимо ожидать проявления разумного частного почина; а ведь в инициативе лежит «ключ к разъяснению духа, характера... нынешней тактики» (Леер).

В современной войне вождение армий сведется к постановке лишь общих целей, к общей ориентировке. Частным начальникам, иногда даже очень маленьким, придется самим выбирать не только средства, но и частные задачи, широко себя самих ориентировать, чтобы быть в состоянии действовать не только без приказаний, но даже вопреки приказаниям, не отвечающим обстановке.

Одним из верных средств достичь этого, выработать начальников и является воспитание армии в духе широкой, вполне современной, но единой военной доктрины...

Расцвет военного искусства создается общей культурой эпохи, народа, редкими гениями. Военная же доктрина — лишь выражение господствующих взглядов, основных принципов тех же гениев, примененных к современным условиям. Создать расцвет никакая

доктрина сама собою не может. Такие притязания были бы жалкими потугами бездарности, признаком полного непонимания сущности военного искусства, в котором воля может творить чудеса, а ум служить только основой.

Но нельзя закрывать глаз и на то, что прочно внедренная в прусскую армию военная доктрина, крепко привитое единство взглядов во многом помогли немцам в шесть недель окружить три гордые армии, прийти от Иены через Кениггрец к Седану и обратить маленькое Прусское королевство в большую Германскую империю!

Совершенно несправедливо и голословно утверждать, что «Суворов и... доктрина! Ведь это сопоставление белого с черным...». Так что же, как не военная доктрина, суворовская «наука побеждать», его «Словесное поучение солдатам о знании для них необходимом»?

Бойтесь слова «доктрина», назовите это учением. Дело не в словах, а мысль останется все та же. Насколько же Суворов заботился привить эту свою доктрину, свое учение не только русским, но и войскам чужим, призванным работать под его началом, видно из его предписания Багратиону (30 мая 1799 г.), с которым он отправлял Багратиона к Бельгарду, в Александрию, нарочито для того, чтобы «таинство избиения неприятеля холодным оружием Бельгардовым войскам открыть и их к сей победительной атаке прилежно направить». Это все та же забота сделать всем понятными принятые приемы действий, установленную военную доктрину.

Таким образом, и военная история подтверждает и неизбежность существования военной доктрины, и пользу ее единства для данной армии, части которой призваны работать плечо о плечо...

(Русский инвалид. 1912. № 5. С. 5)

Еще по поводу доктрины

А. Зайончковский

...Г. Доманевский, отвечая на первый свой вопрос, протестует против смешения доктрины с доктринерством. Было бы весьма приятно констатировать сознание такого различия, если бы опыт всех стран и народов и во всех отраслях духовной человеческой деятельности не доказывал, что приверженность ко всякой доктрине, т.е. к учению определенной школы, фатально вырождается в доктринерство...

Полевой устав никоим образом не наука, не учебник. Он не учит, как действовать на войне, а помогает; в этом отношении его правильнее было бы приравнять к категории пособий; в данном случае это есть пособие для решения войсками разных задач на войне. Разница между таким пособием и излюбленными у нас в настоящее время иностранными пособиями заключается в том, что оно официальное и обязательное для всех, а потому должно быть составлено весьма деликатно и жизненно...

Автор требует одинакового понимания всеми явлений войны и боя, а несколько далее — даже одинакового для всех метода решения каждой боевой задачи. Он, увлеченный единой военной доктриной, как бы не замечает, что такие требования, в сущности, невыполнимы и если бы они были бы серьезно предъявлены армии, то превратили бы ее в пассивное стадо. Автор, являясь сторонником единого метода решения боевых задач, по невероятному недоразумению с убеждением повторяет слова покойного генерал-лейтенанта Леера о частном почине, являющемся ключом к разъяснению духа нынешней тактики. Где же место частному почину, если каждый обязан разрешать данную ему боевую задачу по одному и тому же методу?..

Чем дальше в лес — тем больше дров... Автор обратил свое благосклонное внимание на мои слова: «Суворов и... доктрина! Ведь это сопоставление белого с черным» — и, назвав их голословными, победоносно спрашивает: «Так что же, как не военная доктрина суворовская наука побеждать?»

Нет, не доктрина, а нечто другое. Неужели вы в приведенном вами же отрывке предписания Суворова не заметили, каким священным словом сам великий полководец назвал эту «науку»?

Победа дается не доктриной, а «таинством»²², тем великим священным подъемом духа, доступным в большей или меньшей мере лишь гениям и талантам, при котором взор проясняется, мысль окрыляется вдохновением, а воля напрягается до беззаветной решительности. Таинство есть дар высшей благодати, а не рассуждений, и воспринять его могут ряды войск только под личным влиянием вождя. Суворов не посылал союзникам никакой доктрины, а послал человека (князя Багратиона), в котором признавал присутствие военной благодати, способной приобщить австрийцев к таинству победы. Смешно же, действительно, было бы думать, что Багратион был послан учить войска Бельгарда производству штыкового удара!

²² «Таинство избияния неприятеля холодным оружием Бельгардовым войскам открыть и их к сей победительной атаке прилежно направить», — таково было предписание Суворова, приведенное В.Н. Доманевским.

Как же нам, строевым начальникам, не кричать во все горло караул против насаждения в армии единой доктрины, если к тому же выработка этой доктрины будет передана в руки таких решительных людей, которые признают только свою непогрешимость и только себя одевают правом работать идее.

Не в словах дело, но зачем же, приготавливая по секрету для армии, может быть, весьма вкусное пирожное, называть его в меню ядом?

Об единой доктрине я высказал все и в дальнейшие дебаты об этом яде живого военного дела вступать считаю бесполезным...

В последнюю войну мы узнали многих героев и небольшое число избранных талантов. Против такой аристократии, против открытия ей широкой дороги к отличиям и к руководящим ролям в деле воспитания и военной подготовки армии никто, кому дорога наша военная слава, возражать не будет. Но самозванная аристократия доктринеров, убежденных в своей непогрешимости и в своем призвании учить армию единой доктрине, поистине, не заслуживает ничего другого, кроме предостережения как по ее адресу, так и по адресу армии: не увлекайтесь громкими словами, не забывайте из-за них дела!

(Русский инвалид. 1912. № 7. С. 3–4)

На злобу дня

А. Незнамов

...А что такое германские «Grundzüge der höheren Gruppenführung» написанные фельдмаршалом Мольтке и изданные заново к 1 января 1910 года (когда они были вручены императором Вильгельмом представлявшимся ему корпусным командирам?). На мой скромный взгляд, и то, и другое, и третье — руководящие основания для ведения современной войны и современного боя, а значит, и «руководящие основания для боевой подготовки армии в данную эпоху».

Когда мы имеем перед собою сборник таких оснований, официально принятый в данной армии, то называем его французскою, немецкою, турецкою, китайскою... доктриною.

А так как все в мире изобретается (принимается) кем-нибудь ранее других, то все последующие, схожие начинают именоваться по имени первой принявшей их армии. Таковы и будут «доктрины немецкая и французская».

За «изобретателями» идут и другие, но идут, конечно, не по симпатиям или каким-либо другим скрытым мотивам, а потому что признают тот или другой образ действий наиболее рациональным в условиях современного состояния военного искусства.

Таким является сейчас (в крупных чертах) немецкий; поэтому его большинство европейских армий (и японская) и приняло; склоняются к нему теперь и французы.

Кроме основных, так сказать, вечных (неизменных) принципов военного искусства, в различные эпохи существуют равно с первыми одинаково для всех обязательные основания для современного образа действий. Они не принадлежат ни японцам, ни французам, ни русским. Они международны и, как уже сказано выше, равно обязательны для всех. Раз мы по той или другой причине запоздали и своевременно сами не выработали таких руководящих оснований раньше других — делать нечего, приходится пользоваться готовой работой других, ибо сами, вероятно, придем к тому же, но только потеряем время (как французы) или, спаси Бог и помилуй, дотянем наши опоры до экзамена на поле сражения, а это, как показала нам последняя война, уже нежелательно.

(Русский инвалид. 1912. № 12. С. 4–5)

Любителям «доктрины»

К. Адариди

...Слово «доктрина» теперь у всех на языке и применяется, безразлично, почти ко всем решительно отраслям военного дела. «Доктрин» этих народилось столько, что и не разберешь: есть стрелковая, фортификационная, тактическая, просто общая военная, и я не удивлюсь, если услышу, что появились канцелярская или обмундировальная.

Вопреки опыту последней войны у нас за последнее время стало встречаться много лиц, стремящихся держаться устава «аки слепой стены»; для них, конечно, было бы желательно найти способ оправдать свое нежелание или неумение проявить самостоятельность и самодеятельность, а потому они ухватились за «доктрину» и стали настойчиво требовать ее узаконения. Лица эти, очевидно, забыли, что «в уставах порядки писаны, а времени и случаев нет» и что в умении считаться с этими «временем и случаем» вся суть военного творчества, без которого наше дело обратится в мертвый шаблон, всегда ведущий к поражениям.

(Русский инвалид. 1912. № 14. С. 3)

Военное искусство

Е. Кривцов

...Можно ли назвать наукой умение управлять людьми? Жизнь, которой всецело принадлежит эта способность, не дает для этого умения никаких верных и непреложных рецептов. Все зависит от обстоятельств и обстановки. Существует некоторая преемственность опыта. Скобелев как деятель, Драгомиров как писатель — во многом ученики Наполеона и Суворова, Наполеон и Суворов учились у Цезаря, Аннибала, Тюренна, Густава Адольфа, Евгения Савойского.

Но военный гений не должен и не может замыкать себя в рамки опыта своих учителей, как бы велики они ни были, более, не должен даже слишком увлекаться данными собственного опыта. 1812 год показал это Наполеону, а Суворов, быть может более всех других великих полководцев обладавший драгоценной способностью быстро применяться к любой обстановке, недаром восклицал перед итальянскими победами:

— «Безбожные, нечестивые французишки хотят с нами драться. Они воюют колоннами, и мы их будем бить колоннами!»

Можно ли сказать, что взгляды хотя бы Мольтке исключают совершенно взгляды Наполеона, что Фридриху Великому нельзя подражать в том или другом случае только потому, что линейная тактика отжила свой век? Думаю, что нет. Но возможно ли что-нибудь подобное в науке, где одно открытие погребает безвозвратно целые, нередко веками созданные, положения и системы?

Нет, военное дело — искусство, и всякий народный вождь, всякий художник и проповедник ближе полководцу, чем ученый.

Будет весьма жаль, если голос г. Зайончковского не встретит поддержки в академической сфере. Пора перестать засушивать мозги будущих вождей армии условной доктриной и рецептами «до поры до времени». Тактика — дочь военной истории, а не старшая ее сестра. Больше фактического материала и свободы творчеству каждого, меньше положений, теорий, фальшивых аксиом. Талантливому, как справедливо замечает и г. Зайончковский, они свяжут, а бездарного или бестолкового совсем с толку собьют...

(Русский инвалид. 1912. № 16. С. 5)

Вавилонское столпотворение

А. Дмитриевский

Даже у настроенного самым оптимистическим образом читателя возникают невеселые думы и недобрые предчувствия, слушая споры о «доктрине».

Разномыслие по поводу необходимости единства доктрины в военном деле, т.е. разномыслие по поводу необходимости одного направления для достижения цели всеми составными элементами одного организма — безусловно симптом зловещий. В блестящей полемике о «доктрине» наблюдающему как бы с аэроплана слышится разговор на разных языках...

Послушает свежий человек, пощупает себя — не спит ли он, не видит ли он какой-то кошмарный сон, и с ужасом начнет размышлять о том, куда может привести отсутствие единства доктрины именно в том деле, где все основано на единстве стремлений, усилий, цели и, наконец, результата...

Стоит только осмотреться кругом; посмотреть на здравомыслящие практические народы (не говоря про армии), не зараженные русским нигилизмом; подумать над значением «доктрины Монро» (Америка для американцев), так укрепившей, так возвысившей, так оказавшейся полезной для Северо-Американских Штатов тем, что она сплотила, дала направление, дала стремление, то есть дала силу не то что армии, а целому народу, несмотря на его разношерстный состав.

Подобная доктрина имеется и у англичан, и у германцев, и это объединяет их действия и в то же время дает смысл существованию этих народов, придает их деятельности характер исторической планомерности...

Будь это еще спор о ценности, достоинстве, состоятельности той или другой доктрины! Но спор идет о том, нужно или не нужно единство доктрины вообще в военном деле. А это в связи со всем тем, что ныне наблюдается в жизни и в наивыгоднейшем ее отражении — в военной печати, в связи с весьма разнообразными взглядами на нравственные начала и идеалы, — это означает, что мы уже перестаем понимать не только друг друга, но и самих себя, перестаем понимать основное требование строительства единого здания, называемого военным делом.

Это основное требование — солидарность и согласованность в действиях всех работников данного дела... Одному работнику, одному борцу не нужно единства доктрины, единства способов; но артели рабочих, совокупной массе борцов, бойцов немислимо достигнуть удовлетворительного результата при разных, тем более взаимопротивоположных,

доктринах. Не быть же доктрине совсем — явление невозможное в разумном труде, хотя она не всегда определенно выражена.

Отсутствие единой доктрины — это буквально запряжка в воз лебедя, щуки и рака, а спор о том, нужна или не нужна единая доктрина — это невозможность продолжать построение башни из-за смешения языков...

Нет единства доктрины — каждый работник и понимает работу, и поступает по-своему; это будет разговором на разных языках, и при таких условиях совместная, согласованная работа немыслима, а потому немыслимо доведение до конца постройки грандиозного здания.

Неугодное Богу Вавилонское столпотворение прекратилось именно после того, как все заговорили на разных языках, т.е. перестали понимать друг друга...

А мы сами начинаем проповедовать о том, чтобы уничтожить единое понятие о способах военных действий, заменив его разноязычием даже в самих действиях, в надежде, что талантливая кладка стены небольшого числа работников возместит грубые ошибки огромного большинства остальных работников, не могущих работать без шаблона...

Спору о единстве доктрины навязчиво просится в прообраз смешение языков Вавилонского столпотворения; и пугает мысль о неизбежном за сим рассеянии и прекращении работ по возведению начатого грандиозного здания!..

Здесь результат спора не так важен, как важен самый факт спора о том, с чем, казалось бы, нельзя спорить...

В армии отсутствие единства в основных понятиях военного дела — это разные языки Вавилонского столпотворения; это страшное Божье наказание, ведущее к рассеянию и разброду, прекращению строительства, упадку дела.

(Русский инвалид. 1912. № 18. С. 4)

Толчение воды

Б. К-ский

Поднятый несколько опрометчиво вопрос о единстве военной доктрины для нашей армии вызвал появление на столбцах «Русского инвалида» ряда блестящих статей, которым, однако, недостает конкретного содержания. Никто пока не высказал, что же такое столь

горячо желанная одними и вызывающая столь серьезные опасения других «единая военная доктрина».

Ее сторонники возлагают будущую выработку таковой на военную академию, косвенно тем самым признавая, что у них нет пока определенного представления о рекомендуемой армии панацее. Внимательно вчитываясь в их статьи, я до сих пор не мог найти точного указания ни на существо, ни на объем, ни на характер прославляемой доктрины.

Голый лозунг, и только.

Для г. Дмитревского, статья которого «Вавилонское столпотворение» подкупает искренностью тона и который ужасается самому факту спора о необходимости для армии единой военной доктрины, видя в нем признак нигилистических веяний и чуть не нравственного развала армии, дело чрезвычайно просто. Единая военная доктрина есть нечто вроде американской «доктрины Монроэ» или вроде... формочки для выделки кирпичей, а то, пожалуй, вроде нравственного завета неприкосновенности семейного очага товарищей для донжуанских попользований любителей нарушения седьмой заповеди. Автор, столь разносторонне определяющий единую военную доктрину, «с ужасом начинает размышлять о том, куда может привести отсутствие единства доктрины именно в том деле, где все основано на единстве стремлений, усилий, цели и, наконец, результата...» и замечает, что спору о единстве доктрины просится в прообраз смещение языков Вавилонского столпотворения.

Печально, конечно, присутствовать при споре людей, говорящих на разных языках и не понимающих друг друга, но еще печальнее, когда кто-нибудь слишком поспешно провозглашает идеи, неясные ему самому и не вылившиеся в точные, полные определенного содержания формы. Такова именно туманная идея единой военной доктрины; ее преданным защитникам следовало бы прежде всего уяснить себе и другим, а не затемнять ее странными сравнениями и не наделять еще более странными свойствами какой-то нравственной неприкосновенности.

«Comparaison n'est pas raison», — издавна говорят французы, и автор статьи «Вавилонское столпотворение» может легко на этой же статье проверить истинность приведенной поговорки. Излишне доказывать, что доктрина Монроэ и единая военная доктрина для армии не имеют между собой ничего общего, кроме случайного названия. Ставя политике Соединенных Штатов определенную задачу не допускать вмешательства заокеанских держав в политические дела и распри американских государств, завет Монроэ нисколько не касается средств и способов достижения указанной им цели. Военная же доктрина, о которой ее сторонники говорят сами, что она шире незыблемых принципов

военного дела, стремится, по-видимому, именно к тому, чтобы дать какие-то рецепты единообразия в средствах достижения поставленных целей, в методах решения всяких военных задач.

Обращаясь к другому сравнению г. Дмитревского, позволительно спросить, что сказал бы он, если бы кто-нибудь вздумал создать единую архитектурную доктрину, единый архитектурный стиль, заставить художников зодчества подчиниться единообразным правилам сочетания линий и поверхностей. Дело ведь не в кирпичах и их кладке, ни в однообразии вооружения и строя, даже не в правилах строительного и воинских уставов, а именно в всеобъемлющей доктрине, указывающей не на технические и военные незыблемые принципы, а стремящейся к порабощению творческих порывов во имя априорных, для всех обязательных положений, выработанных досужими проповедниками в тиши уединенного размышления.

Мне кажется, что ужас перед фактом спора о военной доктрине является несколько преждевременным. Быть может, можно надеяться, что сторонники единства военной доктрины заговорят понятным языком и скажут нам наконец, что же она, по их разумению, такое? Наступила, казалось бы, пора перейти от общих мест, трагических восклицаний и неубедительных сравнений к точной, не вызывающей сомнений формулировке существа «единой военной доктрины», как оно представляется ее сторонникам. Пора перестать блуждать от заатлантических заветов к кирпичной кладке, от полевого устава к суворовскому «таинству» победы и уверять нас, скромных свидетелей сих блужданий, будто где-то в их путанице кроется всеспасительная единая военная доктрина. Покажите нам свое сокровище, господа доктринеры! Может быть, оно в самом деле столь очевидно драгоценно, что мы примем его из ваших рук как прекрасный дар судьбы, как залог возрождения и желанных в будущем побед.

Но пока у нас все основания для сомнений, и, следуя мудрому правилу воздержания при наличии последних, мы не можем устремляться на дорогу, неизвестную даже тем, которые нас на нее направляют.

(Русский инвалид. 1912. № 21. С. 5)

К спору о злободневном вопросе

В. Доманевский

Вопросы

1. Отчего у нас спорят сильно в таких истинах, кои нигде уже не встречаются ни малейшего сомнения?

(Фонвизин)

Ответы

1. У нас, как и везде, всякий спорит о том, что ему не нравится или непонятно.

(Императрица Екатерина II)

«Собеседник любит. российск. слова» ч. III,
1783 года

...Внимательно вчитываясь и вдумываясь во все за последнее время высказанное по вопросу о доктрине, чувствуешь, что дело обстоит совсем не так просто, что разногласие лежит гораздо глубже и далеко не в одних словах, не в одних определениях...

Если резко разделить мнения на два лагеря, то окажется, что одна сторона чувствует потребность дисциплины мысли, а другая проповедует отрицание ее, анархию мысли, вред единства взглядов, свободное творчество, по одному вдохновению, не связанное никакими путями...

Понять иначе ополчение против внедрения в армии единства откровенных взглядов на основные вопросы (обратите внимание, лишь взглядов, а отнюдь не решений в каждом отдельном случае), казалось бы, нельзя. Опасения, что такое единство (доктрина) скрывает за собой шаблон, трафарет, рецепты на все случаи, вряд ли основательно потому, что под шаблоном разумеется застывшая, сковывающая форма, образец решения на все случаи, независимо от обстановки, а ведь учение, претендующее на современность, никак не может вылиться в такие формы, нормы, схемы... Оно устанавливает лишь известный общий масштаб для оценки обстановки, способствует взаимному пониманию начальников и подчиненных, укрепляет взаимное между ними доверие (до некоторой степени, может быть, умеряет требовательность сообразно капризным вкусам), а за ним следом явится и единство стремлений, чувств, которое, как необходимое, противопоставляется единству взглядов.

Во всяком случае, такие опасения понятны в отношении какого-либо определенного, данного учения (доктрины), зарекомендовавшего себя как шаблонное, но совершенно непонятны в отношении стремления к единству взглядов, наиболее отвечающих современным условиям?

Ведь побуждение к такому объединению не вымучено искусственно, не высижено за одной кабинетно-книжной работой, а навеяно самой жизнью, той невообразимой неразберихой, которая творится кругом. Оно является результатом сознания необходимости вырваться из тех оков, которыми (может, с лучшими побуждениями) уже начинают грозить армии, сознания опасности положения, когда перевод из одного округа (даже корпуса, а иногда и дивизии) в другой близок к переводу в иностранную армию... Совершенно естественно, чтобы такое объединение было не оторванным от всего прошлого, не только подражательным, а потому непрочным, но чтобы совершилось оно на почве преемственного развития взглядов, почерпаемых из русского военного искусства и применяемых к современным условиям (техника)...

Сковать творчество, стеснить его такое объединение взглядов не может потому, что к области творчества относится идея каждой ставимой себе задачи, решение которой ни подсказать, ни тем менее навязать никакое современное учение (доктрина) не в состоянии. Даже оценивая обстановку одним мерилom (приемами, методом), разные люди неизбежно придут и должны идти к разным выводам. Субъективность оценки, а отсюда и решения — творчества, совершенно неотвратима. Только люди, проникнутые единством взглядов, воспитанные в одном определенном учении, придут к решениям, одинаковым по духу и различным лишь в подробностях; люди же, привыкшие каждый мыслить об основных вопросах военного дела по-своему, легко могут принять решения совершенно противоположные. Казалось бы, с этим обстоятельством надо очень и очень считаться, готовясь к современной войне не отрядов, а армий, к войне, в которой армиям и подразделениям их (иной раз даже малым) будут ставить лишь цели, выбора же средств к достижению их (частных задач, решений) никто не подскажет. Вот почему рядом с вопросом частного почина и в полном с ним согласии ныне особенно отчетливо выдвигается необходимость идейной дисциплины, которая лучше всего способствует согласованию действий, подчинению всех общему интересу...

(Русский инвалид. 1912. № 23. С. 4–5)

Доктрина

«Без подписи — по-английски»

Надо вспомнить, когда возникло у нас стремление к «общей военной доктрине» и чем оно было вызвано.

Первые статьи о «доктрине» появились перед японской войной. Это было во время борьбы между противниками и поборниками военной науки.

Поборники военной науки объявили девизом ее «наука должна все объяснять и ничего не навязывать». Эта школа предполагала, что достаточно всесторонне объяснить каждый элемент военного дела, каждый способ действий, чтобы исполнитель нашел сам дорогу к верному решению. Эта школа страшилась шаблонов, боялась убить в исполнителях дух самостоятельности, творчество и остановилась ни выработке только принципов, норм и сноровок... Она боялась давать правила, формы, точные цифры, столь легко переходящие у исполнителей в рецепты и шаблоны.

Работы этой школы — стратегия Леера, тактика — Гудим-Левковича.

Другая школа объявила себя поклонниками не науки, а практики. «Советы и объяснения первой школы она объявила «общими, пустыми местами; витанием под облаками...» Жрецов первой школы предводители школы второй объявили «идеалистами», а себя — «рационалистами». Они объявили, что истинное учение нельзя найти в «кабинете» с помощью «критико-исторического метода», что истинное учение можно найти только в близком общении со строем, с войсками, на повседневной службе... Это был такой же лозунг, как известное стремление либералов — «в народ!». К «теории», так они называли науку, они предъявили требование — «дельных, детальных, технических указаний». Эта школа громко говорила, что такие указания могут дать только «практики», а не «исследователи»...

По-моему, нашим теперешним доктринам надо вернуться к старой заброшенной дороге — искать определение ценности каждого новшества в тактике старым критико-историческим путем. Я не говорю, чтобы не надобно было гоняться за каждой технической новинкой, — напротив. Но наряду с этим следует глубоко зарыться в принципиальную часть «теории» и довести ее исследования до того, чтобы через их толщу, как через стекло, были видны все достоинства и недостатки каждого новшества. Все в военном деле должно получить строгую классификацию, терминологию... Вместо неясного слова «доктрина» надо вернуться опять к единому понятию — наука (чистая и прикладная)... Только таким путем — единством идейной критики и можно добиться единства исполнения. Другим нельзя.

Хотят наши доктринеры испробовать последний путь — путь приказа: вот, говорят они, выйдет новый наш устав, куда мы снесли все наши бездоказательные технические новинки, и исполнитель будет обязан всегда и везде поступать по общему для всех параграфу!

Но сила мышления не покорится; она тотчас примется за критику, и исполнитель скажет: «На войне я один отвечаю своей головой за все, и я буду поступать по своему убеждению»...

Поэтому, господа, бросимте спор о «доктрине» и будем добиваться единства убеждения старым, заброшенным путем, строго научным, а не переводным немецким.

(Русский инвалид. 1912. № 29. С. 5)

Доктрина, штунда и рутина

В. Г.

...Доктрина — животворящая идея в нашем деле. Что тут сказать? Доктрина и важные военные дела, решающиеся вместо трех дней три месяца! Доктрина и заевшая все наше дело бумага, переписка, самообман. Доктрина и отсталость народная, ум, не готовый к восприятию идей современного боя, современных национальных, кровных интересов! Доктрина и тактика, на почтительном расстоянии ковыляющая вслед за уроками войны, а не опережающая их! Доктрина и разрушительные бомбы наших соседей, от которых кувыркаются морские колоссы! Доктрина и несовершенная сеть отечественных дорог, почти на всех пунктах задавленная сетью неприятельской! Доктрина и караулы, караулы без конца — десяток старослужащих в казарме! Доктрина и все это... Что тут сказать?

Однако не может же армия жить без основной и единой животворящей идеи в стратегии и тактике, не может особенно в нашу эпоху, когда успех войны подготавливается задолго, за десятки лет до начала ее, подготавливается в школе народной, в школе военной, в мозгу армии, в теле ее!

Подготавливают успех войны штабы и ярко выраженная доктрина, правильное воспитание в ней войск и народа, верно разработанные основные идеи возможных операций на всех театрах военных действий и вполне отвечающая им материальная сторона вопроса — в мирное время.

В минуту военной грозы — осторожный, расчетливый, работоспособный, без шампанского, без женщин, без сибаритства и вражеского шпионажа штаб и дерзкий полководец. Дерзкий, властный, ясновидящий, могучий и непреклонный в своих решениях. Провидением и армией хранимый!

Пусть будет доктрина — философия военного искусства нашей эпохи, основанная на современных данных духа и материи. Ведь это показатель того, что мозг армии работает, живет, ясно сознает и живо чувствует ответственность за победу и поражение, лежащую на нем.

Пусть будет вечно движущая сила — «штунда», от критического усвоения конечных выводов западноевропейской военной науки до мелкого шпионажа.

Пусть будет не разрыв, а постоянная и деятельная связь с Европой, связь, которой не боится истинный народный гений.

Пример — Великий Петр, Великая Екатерина, великий полководец и учитель...

Для нас не должна быть страшна доктрина, не должно быть опасности в штунде, а должна быть всегда и во всем истина, знание и прогресс, кипучая жизнь, горнило, из которого рождаются идеи и решения могучие и светлые.

За животворную доктрину, за вечно движущую силу — штунду — врага рутины, за технику во всем — в штабной работе, в маневре и в стрельбе, ни в чем не уступающую неприятельской, за постоянный свет и труд в казармах и палатах подает армия свой голос; за полководцем с ясным, творческим умом и вдохновенным, твердым сердцем, за полководцем, до самозабвения преданным Царю и Родине, пойдет она вперед, к победе...

(Русский инвалид. 1912. № 31. С. 5)

Доктрина — наука, учение

В. Григорьев

...Нет, без единой военной доктрины нет и надлежащей маневренной и боевой практики, нечего практиковать, нечего обсуждать, нет запасов специальных знаний, без которых нечего делать и здравому смыслу.

По мере своих сил и разума я старался выяснить великое значение военной науки — единой военной доктрины, а затем намечу лишь, в чем должна заключаться предварительная по ней выучка.

Необходимо изучить принципы боевого дела, принципы стратегии и тактики. По боевым примерам изучить методы ведения операций и боев великими полководцами, манеры как их, так и других боевых генералов, ведения боев, проявления характеров, верных военных взглядов и глазомера. Изучению этому много способствуют аналитические, синтетические и критико-исторические исследования военных писателей по стратегии и тактике.

Затем необходимо изучить правила ведения операций, боев, т.е. как их вели правильно в старину и как следует правильнее вести их ныне. Для сего создаются разные уставы как формы, нормы и шаблоны, без которых уставы (установления) немислимы; создаются разные инструкции как категорические указания на те или другие действия, и, наконец, создаются наставления, которыми предлагается, советуется принимать к руководству те или другие способы и приемы для соображений и действий.

И все это, как видите, не что иное, как доктрина!

На войне же повелевает обстановка, быстро и здраво понять которую, а равно и употребить в дело разведки надлежащие способы и средства может только научно и практически подготовленный военный человек; но не одною практикою, или одним натаскиванием тож, где каждый вопрос начинается вновь, где часто повторяют чужие ошибки и не дают людям дальнейшего усовершенствования, где в лучшем случае стараются подражать образцам великих генералов, в худшем — бесконечно толкуются на месте... Не подражать надо, а руководствоваться по совету Наполеона, который сказал: «Ведите войны так, как вел их Александр, Аннибал, Цезарь, Густав Адольф, Тюренн, Евгений и Фридрих; читайте, перечитывайте историю 83 походов и сообразуйтесь с ними; это единственное средство сделаться великим полководцем и постигнуть тайны искусства; ваш ум, просвещенный таким путем, заставит вас отвергнуть основоположения, противные основоположениям этих великих людей».

Но прежде не было столь подробных и поучительных учебников и научных трактатов, как теперь, а потому приходилось лично каждому читать и перечитывать, чтобы разыскать истинные основоположения, на которые и указывает Наполеон. Теперь же, благодаря трудам талантливых исследователей (как профессор генерал Леер, см. его Стратегию и Прикладную тактику и др.), нам облегчили указываемую Наполеоном работу; остается лишь освежить готовое своими личными воззрениями, своею самостоятельною критикою, с которою, однако, не следует спешить.

(Русский инвалид. 1912. № 36. С. 4–5)

Наболевший вопрос

Б. Никулищев

...В настоящее время вновь возбуждается вопрос о доктрине. Этот вопрос роковым образом с давних пор преследует нашу армию. Разве не пользовались мы уже этими доктринами в войну 1853–55 годов, в 1877 году и, наконец, в последнее время — на полях Маньчжурии? Разве в Крымскую войну не признавались доктринами действия пехоты сомкнутыми массами с соблюдением равнения и красоты строя, различные «*orde de bataille...*», известный порядок номеров частей, строжайшая централизация власти, порядок демонстраций, поклонение уставным порядкам и т.п.? Разве в турецкую войну не господствовала доктрина «шапками закидаем», а в японскую, когда последнее не удалось, мы не стали придерживаться доктрины пассивного сопротивления, отступлений и укрепления позиций? Что бы ни говорили защитники доктрины, а плодами ее нам приходилось уже пользоваться. С точки зрения истинного военного искусства решительно все равно признавали за доктрину, как говорит г. Незнамов, то, что говорят «одни и другие», или залог победы видеть в особом размещении номеров частей, как требовалось это в эпоху Крымской войны. Можно с уверенностью сказать, что как в том, так и в другом случае мы очутимся в одинаковом положении.

Пока защитникам доктрины не угодно будет понять, что война не мертвое, бумажное дело, а сама жизнь в наиболее рельефной своей форме, до тех пор, как это и доказывается продолжительной полемикой на страницах «Русского инвалида», им трудно будет доказать всю ее несообразность. В военное время они и без официальной доктрины явятся с нею — в образе ли официальных уставов или полуофициальных «тактик» и «стратегий» последнего времени. Официальная доктрина только объединит их, составив новый тормоз для армии...

Нашей армии недостает не доктрины (и сейчас у нас ее довольно), а истинного военного образования — правильного взгляда на военное дело. Под этим последним следует разуметь не бесполезное заучивание разного рода правил, учебников и личных маленьких доктрин гг. профессоров, а обширное самоличное ознакомление с общим развитием военного дела, критическое к нему отношение, самостоятельный вдумчивый разбор военно-исторических событий, всестороннее знакомство с весьма небольшим числом непреложных принципов военного искусства при применении их к делу; все остальное будет принадлежать здравому смыслу.

И если при этом в армии будет господствовать дух истинной дисциплины, не может быть и речи об отсутствии единства действий в бою, ибо всякий военный, задавшийся при подобных условиях своей особою целью и нарушивший принцип этого единства, совершил бы не только преступление, но доказал бы и невежество свое в военном искусстве.

(Русский инвалид. 1912. № 47. С. 4–5)

Военное искусство или военная наука

Н. Четыркин

...Разница между наукою и искусством то, что первая имеет дело с исключительно точными, неизменными законами, добытыми путем наблюдения и изучения окружающей природы, между тем как теория искусства занимается исследованием элементов этого искусства. Наука сама не создает ничего; искусство же использует законы, открытые наукою, для создания своих произведений. Науку двигает исключительно человеческий ум; искусство же существует только благодаря изобретательности и способности к творчеству человека; поэтому наука исследует и устанавливает законы, а искусство создает. Наука всегда интернациональна; искусство же глубоко национально. Наука имеет дело только с знаниями; между тем как искусство не может существовать без форм, техники и творческой способности. Если формы необходимы для создания произведений искусства, то применение этих форм составляет удел умения и творчества и не может быть регламентировано указаниями знаний. Техника вырабатывается путем практики, а умение — применением техники и знаний...

Единство взглядов в решении вопросов о военном искусстве или о военной доктрине — военной науке, о боевой подготовке войск, об итогах опыта последних войн — безусловно желательно; что же касается единства взглядов в деле применения уставных форм и в способах решения боевых задач, то здесь оно приведет неминуемо к шаблонам, так как это область творчества, а в ней все зависит от глазомера и от инициативы...

Нет сомнения, что в нашей армии под влиянием неудач последней войны и вследствие желания выйти из тяжелого положения происходит эволюция переоценки ценностей, так обычная в последнее время. Стремление, быть может, и естественное, но не следует при нем забывать и того, что все попытки решения боевых задач научным путем до сих пор всегда оканчивались неудачами и разочарованиями.

Теория нашего военного искусства до сих пор разрабатывалась совершенно правильно и со времени барона Медема была на верном пути: она при исследованиях применяла научные методы (Леер), но не стремилась решать боевые задачи научным путем и превращаться в военную науку.

Неудачи последней войны прежде всего были вызваны не ошибочным направлением движения нашего военного искусства, а недостатком техники, несовершенством боевой подготовки масс нашей армии и стеснением инициативы действий исполнителей...

Ярко выразившееся стремление последователей военной доктрины превратить теорию военного искусства в военную науку не может не вызывать опасений: такое превращение должно иметь последствием полный упадок русского военного искусства, так как искусство этим превращением низводится на степень ремесла. Барон Медем говорит, что теория военного искусства исследует только свойства военных элементов, а не занимается постановкою правил для применения, между тем как наука устанавливает законы, а при недостатке данных принимает и гипотезы; следовательно, при превращении теории военного искусства в военную науку оно должно постановлять законы и правила для применения форм и тем уничтожать инициативу. Военная наука не может существовать без точных законов; военное же искусство, при применении форм, не может подчиняться законам и правилам, не утратив возможности проявлять творчество и инициативу.

(Русский инвалид. 1912. № 64. С. 4)

Теория и устав

Ф. Огородников

...В каждой армии есть свои достоинства и свои недостатки, короче, своя национальность, которая имеет огромное значение. Развивать это замечание в пределах этой заметки нет возможности по недостатку места. Но, я думаю, не нужно доказывать, что многие свойства народа и явления государственной, народной и общественной жизни самым решительным образом отражаются на организации, комплектовании и снабжении армии, а тактика, в свою очередь, самым действительным образом зависит от особенностей организации, комплектования и снабжения, а также от всего того, что следует подразумевать под бытовыми условиями армии.

Было бы ошибочно предполагать, что достаточно написать для армии хороший полевой устав или, еще проще, перевести для нее хороший устав с какого-нибудь иностранного языка — и дело сделано. Может легко оказаться, что идеальный (по «международным понятиям») устав окажется малопригодным, т.е. малопонятным, недоступным для данной армии. И чем древнее армия, чем больше в ней зарыто разного рода корней и традиций, тем труднее ее «переучивать». Это все равно что одним почерком пера взять и изменить все ее условия организации, комплектования и снабжения, что, до известной степени, может оказаться не под силу никакому перу на свете.

Наша народная пословица говорит: «Что русскому здорово, то немцу смерть», — и в этих словах заключается глубокий смысл, который, между прочим, может открыть глаза на многие выгодные свойства нашего народа и нашей армии, кстати, очень хорошо известные иностранцам. Но та же пословица может оказаться справедливой и в обратном смысле, с немца на русского, а потому да избавит нас Бог от переводных уставов.

Таковы некоторые признаки одной неосторожности, которую делают, по-видимому, защитники доктрины.

Другая, как было выше замечено, заключается в наклонности придавать теоретическим выводам слишком непреложное значение.

Те, кто следит за нашей военной литературой, за последние три-четыре года, вероятно, признают, что у нас за последнее время многие теоретические положения привыкли выражать весьма решительным тоном.

Был, например, спор о том, что выгоднее: наступление или оборона. В конце концов на страницах «Инвалида», насколько помню, победил наступательный дух. Но остался как-то в тени вопрос о подготовке к наступательной тактике, без которой эта тактика едва ли может быть особенно выгодной. Позднее зашел очень оживленный спор о том, в какой мере надо считаться с действиями и намерениями противника, чтобы победить его. В этом вопросе решительно восторжествовала «доктрина» об инициативе действий. В «указаниях по некоторым вопросам тактики» также говорится, что «они, т.е. действия противника, ни в коем случае не должны служить отправной точкой для нашего основного решения». А между тем — сколько побед одержано именно с этой «отправной точки», пользуясь ошибками противника! Один Аустерлиц чего стоит!..

(Русский инвалид. 1912. № 79. С. 3)

Эпилог спора о доктрине

А. Дмитриевский

Итак, довольно длинный спор о том, есть ли вообще доктрина, нужна ли она, — кончился.

Подобно тому, как некогда разыскивали в Петербурге меридиан, так недавно разыскивали доктрину, причем многие заявили, что не поверят в нее, пока им не покажут.

И как меридиан нашелся в географии, так доктрина нашлась в словарях военной истории и... отчасти в уставах. Как я уже имел удовольствие сообщить в № 72 «Русского инвалида», в словарях доктрина обозначает науку, учение, в практическом смысле — направление, имеющее целью осуществление научной системы. Если так, то суворовская наука, учение, направление есть не что иное, как суворовская доктрина; драгомировское учение — значит драгомировская доктрина.

Доктрины драгомировская и даже суворовская и наполеоновская, вообще великих полководцев и учителей военного дела, имели своим основанием некоторые неизменные принципы (отправные идеи), которым следовали величайшие полководцы мира (Александр Македонский, Аннибал, Цезарь, Густав-Адольф, Тюренн, Принц Евгений, Фридрих II). Этими принципами и на них основанной военной доктриной (учение, наука, практическое направление), как нам всем известно, прониклись и Суворов, и Наполеон. Они никогда не переставали сами изучать и постоянно другим советовали изучать упомянутых величайших полководцев. Но они же поняли, что именно в этом вечно, применимо всегда и что для их времени уже не применимо. Затем упражнялись в применении на практике, а затем уже собственными деяниями, опытом расширяли военную науку, т.е. эволюционировали доктрину, после получавшую свое имя уже от них.

Таким образом, даже признанный за величайшего военного гения всех времен — Наполеон I не гнушался следовать принципам и доктрине (учению) своих предшественников; наоборот, он учил, требовал абсолютного единства военной доктрины во всей своей армии, от всех своих маршалов, несмотря на несомненную талантливость многих из последних. Как мы знаем, единство доктрины, единство мнений не приводило армию Наполеона к разгрому...

И Наполеон, и Суворов — самые яркие выразители и проводники той или другой единой военной доктрины (собственно, одной и той же, но разно выраженной).

«Глазомер, быстрота, натиск» — чудная единая военная доктрина, так как является целым учением, наукой и в то же время направлением, осуществляющим научную систему.

В ослеплении увлечения декадентствующим нигилизмом, отрицающие пользу единства военной доктрины, очевидно, не задумались над вопросом: «Возможно ли, мыслимо ли полное отсутствие военной доктрины?»

Если бы этот вопрос был задан, то ответ мог быть только один: «Немыслимо! Если есть учение, есть военная наука, есть направление, осуществляющее на практике научную систему, — значит, есть военная доктрина».

Но, конечно, если военное дело не может быть без доктрины, то необходимо выбрать и развить одну, наиболее подходящую к духу народа, армии, времени, средствам...

Верен или нет мой вывод из целого ряда наблюдений, предоставляю судить читателю. Мне кажется, что недовольство вообще против всякой доктрины возникло благодаря инстинктивному чутью, верно, хотя и бессознательно, определившему что-то неладное в доктрине нашей армии...

Вот о чем стоило бы поспорить!.. Какая именно доктрина установилась в нашей армии?.. Но этого мы не выяснили и не выясняем. «Доктрина, шаблон!» с презрением и даже с ужасом кричим мы, чуть только заметим что-нибудь планомерное или какую-нибудь определенную систему и, как страусы, прячем голову, хотя тут же попадаем в лапы доктрине или шаблону, несравненно худшему, устаревшему, неподходящему, но давно забытому, а потому кажущемуся нам чем-то новым.

Мне кажется, что в то время, когда у всех наших соседей доктрина сознательно эволюционирует, мы во всем ищем идеалов у себя сзади, в прошедшем, и приняли поэтому как бы невольно военную доктрину 1812 года...

Доказывать правдивость этого предположения долго; ограничусь напоминанием системы военных действий с нашей стороны во время Русско-японской войны: ведь ни тогда, ни после — вплоть до настоящего времени, критика не коснулась общего плана войны и ведения военных действий; разбирали, критиковали и порицали лишь отдельные эпизодические промахи, но никто, никто не заметил странности: в 1904 году в Маньчжурии мы умышленно хотели повторить в отношении японцев наше вынужденное «заманивание» французов в 1812 году.

Большинство говорило, что мы только тогда сами начнем бить, когда нас побьют и больно чем-нибудь избьют, например сожгут Москву. И несмотря на то что Ойяма — далеко не Наполеон и японцы далеко не наполеоновская армия, мы их стали заманивать в Сибирь.

Значит, это является совокупностью мнений армии, т.е. доктриной. Еще совокупность живучих мнений в нашей армии — это проклятое наваждение, будто мы пушечное мясо и потому должны не уничтожить врага, а сами красиво погибнуть. Право, мы не так гордились

бы «Варягом», если бы он потопил несколько японских броненосцев и спасся, чем его красиво и эффектно гибелью.

Если бы Василий Рябов выполнил данную ему задачу и затем сумел бы нанести вред японцам, мы бы его не славили...

Во время войны, в трудных положениях мы сейчас же ищем эффектных жертв, которые бы напоминали нам оставление и пожар Москвы в 1812 году: во время Крымской кампании эффектная жертва — потопление флота — принесло больше вреда нам, чем союзникам... Искали жертв и в японскую войну...

Мы забросили, считаем устаревшую суворовскую доктрину, однако к русской армии наиболее подходящую и применимую (русским всегда были более по душе лихие набеги, удаль, самоотвержение, например набеги новгородской вольницы, Ермака Тимофеевича в Сибири, Суворова в Италии); твердим, что мы непобедимы только в обороне за валами крепости, в позиционной войне, в отступлении; поэтому усвоили себе доктрину Фуля и Толя и думаем и в следующие войны продолжать тактику «заманивания вглубь страны»... Считаем, что это будет тактикой наверняка...

Впрочем, это, так сказать, неполная наша доктрина, т.е. неполная совокупность мнений нашей армии. Много еще укоренилось вредных учений и направлений в осуществлении на маневрах и даже на самой войне военной научной системы (т.е. доктрины) и вот трудная, но славная задача для работающих в военной литературе: постараться выяснить и проанализировать в точности, какая доктрина преобладает в нашей армии и какая была бы нам наиболее подходящей и применимой.

Начнем же новую повесть «выяснение нашей доктрины», а старую повесть «долгой единую военную доктрину» отметим словом: конец.

(Русский инвалид. 1912. № 102. С. 3)

Значение доктрины в военном искусстве

Н. Четыркин

Что военные доктрины существовали или существуют во всех европейских армиях, этого, я полагаю, никто не будет отрицать; весь вопрос в данном случае состоит исключительно в том, насколько желательны и полезны для дела эти доктрины?

Теория военного искусства исследует свойства военных элементов или факторов войны вообще или боя в частности. Элементы эти известны из курсов стратегии и тактики.

Числительность армии, вооружение, снаряжение, обозы ее зависят главным образом от средств государства, между тем как боевая подготовка войск подчиняется прежде всего взглядам руководителей армии и тем доктринам, которые создаются и проводятся ими. Хотя доктрины возможны не только при решении вопроса о применении каждого из военных элементов, но даже и в применении стратегических и тактических приемов, тем не менее для культивирования доктрин в деле боевой подготовки армии представляется самая благоприятная почва.

В нашей армии во второй четверти минувшего столетия прочно установилась доктрина исключительно строевой подготовки на плацах...

В расцвете строевой доктрины родилась новая доктрина — универсальных боевых порядков.

После севастопольской кампании создалась, пышно расцвела и надолго прочно укрепились новая доктрина: знание было поставлено выше всего; дополнением к нему служила хорошая строевая подготовка при очень умеренной подготовке в поле по определенным шаблонам. Эта доктрина привела к замещению сначала высшего командного состава, а затем и большей части состава командиров отдельных частей лицами с высшим образованием, уровень офицерского образования был поднят, а нижние чины засели за «словесность».

Все это было бы прекрасно, если бы одновременно с знаниями путем постоянной и усиленной практики в поле удалось бы добиться и умения от всех чинов армии, начиная с высших генералов и кончая рядовыми. К сожалению, вера только в знания и в строевую подготовку и недоверие к подготовке войск, к действию в поле массами и усвоению ими техники маневрирования и применения приемов привели к тому, что в японскую войну нам пришлось убедиться в несостоятельности одной только теоретической подготовки; пришлось убедиться, что с одними только знаниями все, начиная с главнокомандующего и кончая последним разведчиком, прежде всего терялись в поле, постоянно сомневались и в себе, и в своих товарищах, и в своих подчиненных.

Независимо от этих главных, общих доктрин в деле боевой подготовки нарождались частные доктрины, или, вернее сказать, «моды», увлечения теми или другими отделами обучения, в зависимости от взглядов различных начальствующих лиц. Например, увлекались гимнастикой, стрельбой, самоокапыванием. Во всех этих доктринах, увлечениях, модах, конечно, не было бы ничего худого, если бы предлагавшие их не видели в них «тайну к победам» и не увлекались ими в ущерб другим отделам обучения или в ущерб применению других элементов. Давно ли проповедовали, что тайна «победы в ногах», а г. Ф. Огородников уже возвестил, что «тайна победы в управлении войсками» («Русск. Инв.» № 104)! Какое

отношение к победе могут иметь ноги или управление войсками, если эти последние слабы числом, или плохо вооружены, или не имеют боевой подготовки и т.д.?

Победа может быть только тогда вероятна, если все военные элементы в армии имеют соответствующее их значению место и ни один из них не развивается в ущерб другому; при таком условии сочетание всех военных элементов в армии сделает ее способною всегда действовать в зависимости от условий обстановки (на войне повелевает обстановка), не подчиняясь никаким доктринам или рецептам для действий. Это и составляет главное и неперемненное условие для победы.

Нарушение гармонии в сочетании военных элементов неминуемо поведет к появлению доктрин, увлечений...

(Русский инвалид. 1912. № 112. С. 3–4)

Национальные черты в военном искусстве

А. Свечин

...Интернациональный флаг в руках возражающих мне является плодом тяжелого недоразумения. Мне нетрудно будет доказать, что лица, не признающие никаких особенностей тактики или стратегии на русской почве, охотно мирятся с существованием соответствующей французской и немецкой тактики. Все они являются ведь горячими сторонниками единства военной доктрины. Есть много слов, в которых плохо разбираются. Если на меня обрушилась целая фаланга за один намек на приспособление тактики к русской обстановке, то она же отдала бы мне почтительно честь, если бы я выразился, в сущности, решительнее: о русской военной доктрине. И сам патриарх единства военной доктрины у нас прежде всего возражает против отмежевания нашей доктрины от соседней. Бедная логика!

Что такое доктрина — доктрина единая для армии? Я пробегал столбцы, которыми пестрели эти страницы год тому назад, во время завязавшейся полемики, выяснившей трудность столкнуться, когда люди говорят на разных языках, как во время Вавилонского столпотворения. В чем разница между наукой и доктриной, если не в том, что единая доктрина — это та же наука, но утратившая свой бестелесный лик и воплощенная в национальном образе. Единая военная доктрина — это военная наука, переработанная исключительно с точки зрения условий борьбы данного государства. При этом часть важнейших принципов тактики и стратегии отступает на второй, даже на третий план; те же начала военного искусства, которые сами по себе имеют, может быть, второстепенное

значение, но роль коих в данных условиях особенно обостряется — выдвигаются вперед. Совершенно естественно, что немецкая доктрина рассматривает явление войны под углом зрения наступления превосходных сил на широком фронте, на еще не изготовившегося и не собравшегося противника, фланги коего надо немедленно охватить и смять. Совершенно естественно, что французская военная доктрина рассматривала до последнего времени все явления войны с точки зрения прикрытия операции — авангардом, сторожевым охранением, так как обстановка на лотарингской границе складывалась против налета французов и за выжидание ими подхода второочередных частей и перехода армии в наступление. Кто еще сомневается в том, что особенности обстановки дают яркую окраску стратегии и тактике, пусть попробует примерить французскую доктрину к германской армии и наоборот. Впрочем, французские штундисты охотно последнее и выполняют, подражая примеру их русских коллег.

Нужно очень неглубоко смотреть на военное дело, чтобы весь вопрос о военном искусстве в России — о нашей доктрине — сводить к давно затасканному уже противоположению штыка и пули. Кто не хочет идти в немецкую школу, тот враг разумного пользования огнестрельным оружием, гласят штундисты. Кто за огонь, тот с нами, к Шлихтингу! Какое легкомыслие! Как будто на пространствах нашей огромной Империи, ее важнейших, типичных театров борьбы, в организации и комплектовании наших армий нет никаких особенностей, кроме старой традиции, выработанной вековой борьбой с турками — о предпочтительности разметывать их плохо спаянные и подверженные панике орды быстрым натиском перед вступлением с ними в длительную борьбу за перевес в огне; а в последней борьбе турки могли выказать все сильные стороны своего солдата и укрыть свою неспособность быстро парировать неблагоприятное изменение в обстановке.

Не приглашая вовсе следовать за теми, кто перескакивает от древней русской старины к современной неметчине и доказывает, что Суворов, вопреки поговорке «пуля — дура, штык — молодец» являлся глашатаем самой современной тактики ружейного огня, или за теми, кто стремится доказать, что наша армия в XVIII веке предупредила французскую революцию в ведении боя в рассыпном строю и в установлении идеи общего резерва, позволительно все же поставить вопрос: неужели наша военная история и наши современные условия борьбы с важнейшим противником представляют пустыню Сахару, которая не дает никаких элементов для создания русской военной доктрины, оставляя жевать вопрос только о пуле и штыке? Неужели на карте к востоку от Немана и Вислы тянется совершенно белое пространство, на котором ничего нельзя прочесть? И, значит, правы те, кто русскую единую военную доктрину, т.е. русскую страницу стратегии и тактики, списывают с Шлихтинга?

(Русский инвалид. 1912. № 263. С. 5)

Какая мертвая тоска — зубрить чужой букварь, насаждать чужие шаблоны, подобострастно ссылаться на чужие авторитеты, признавать гегемонию противника! Кто признал необходимость иметь свою доктрину, тот уже схизматик, тот тем самым уже отказался от единых вселенских шаблонов, от единой — бездушной и бесплотной — военной науки, тот высказался за живое, разнообразное, в каждой стране, в каждую эпоху проявляющееся в различных формах военное искусство. Будем помнить, что мы станем непобедимы, когда найдем свою верную форму и выльем ее в единую русскую доктрину, но для этого обратимся к зрячим вождям. А какой простор для работы!

(Русский инвалид. 1912. № 264. С. 5)

Сторонники единой военной науки, вероятно, не поймут безусловной необходимости раздробить в солдатском понимании военное искусство на пехотную, артиллерийскую, кавалерийскую доктрину, быть может, даже частью противоречащие друг другу. Но я убежден, что найду сторонников, утверждая, что привитая многим из нас (и мне, как бывшему артиллеристу, в том числе) в мирное время мысль о всемогуществе шрапнельного огня являлась в бою тяжелым грузом. Если теперь связь пехоты с артиллерией найдет в нашей армии выражение в том, что пехота будет заражена артиллерийским убеждением, что шрапнель может скосить в несколько минут пехотную часть на лугу так же регулярно, как коса косит спелую траву; если мы позволяем себе на артиллерийских полигонах показывать пехотным офицерам шрапнельные фокусы, не осуществимые в боевой обстановке, но воспоминание о коих заставит пехотинцев тесно жаться в бою на дно окопов, то такую связь родов войск, такое единство доктрин не следует ли признать наибольшим злом? Холера и чума не так опасны для армии, как потеря солдатом той точки зрения, которая составляет его идейную силу. Тот же вопрос об едином или национальном военном искусстве в миниатюре — бесконечная вариация темы о том, что русскому полезно и представляет немцу смерть, переложения уже, вместо разных государств, на голоса разных родов войск... И вся Австро-Венгрия со своей слабой числом артиллерией, старыми гаубицами, бронзовыми, быстро изнашиваемыми пушками — не имеет ли она армию резко пехотной окраски и не прав ли был Конрад фон Гётцендорф, давший единой австрийской доктрине тот же резкий пехотный оттенок, с которым говорит своему взводу о действительности артиллерийского огня пехотный поручик?

Идеи не всемогущи; идеями нельзя компенсировать отсутствие артиллерийских снарядов; но армия вправе требовать, чтобы идеи не подрубали тот сук, на котором зиждется ее могущество; она вправе требовать такой доктрины, в которой занималась бы точка зрения, на которую можно опереться в бою. К чему единая военная наука, если она может висеть только камнем на шее в нашем тяжелом плавании, как висела в Австрии до 1903 года включительно?

(Русский инвалид. 1912. № 272. С. 5)

Если интеллектуализм дошел до экзаменов на генерала, но не додумался еще до экзамена на главнокомандующего, то он строит свою Вавилонскую башню в другом направлении. Вавилонская башня — это единая военная доктрина. Таковая действительно существует в Германии, но эта доктрина — в стране, где о ней вовсе не говорят, доктрина не мозгового порядка, а доктрина единства сердец, единодушного отвержения интеллектуализма, единодушного преклонения перед Клаузевицем, единодушного признания решающего значения волевого начала... Не так понимает единство военной доктрины интеллектуализм; для интеллектуализма единая военная доктрина — это венец творения, это будущее, это спасение, на которое он уповает. Доктрина — не только единая метода, единая мозговая дисциплина, единое точное толкование слов; доктрина задается не только тем, чтобы всякая мысль была точно изложена, передана, понята и послушно исполнена — чтобы люди говорили на едином общем языке; доктрина задается большими претензиями. Она хочет вдохновлять и руководить начальниками в бою; единство доктрины стремится ввести единство и гармонию в боевые действия.

Гордая была мысль у людей — построить башню, которая вознесется до неба. Но не было в сердцах их согласия, они перестали понимать друг друга и стали бессильными...

(Свечин А. Интеллектуализм в военном воспитании // Военно-педагогический журнал. 1920. № 1–2. С. 49)

Единая военная доктрина

М. Бонч-Бруевич

Из всего, что появилось за последнее время в периодической печати по поводу «единой военной доктрины», ясно только одно, что существует, пока еще неведомая по своему численному составу, группа лиц, признающая, что для успеха в будущей войне нашей армии недостает кем-то выработанной и общеобязательной «единой военной доктрины». Что именно следует разуметь под этой «доктриной» — остается пока невыясненным и, так сказать, в долгу за теми, кто о ней проповедует. Поживем, подождем; быть может, и узнаем — в чем именно заключается «доктрина».

Однако тем, кто стремится к разрешению разного рода армейских дел и делишек в «практическом» смысле, неудержимо хочется заранее узнать, каких же именно областей армейской действительности коснется эта ожидаемая единая военная доктрина? Будет ли она направлена к единомыслию в вопросах ведения войны (стратегии) или только ограничится областью тактики; коснется ли она вопросов подготовки армии в мирное время (воспитания и образования) или пренебрежет ими так же, как и ныне пренебрегает этими вопросами наша военная школа всех степеней и проч. В периодической печати мы не находим прямых ответов на эти вопросы, но, тем не менее, «кое-что» написанное о «военной доктрине» и наблюдения над обстановкой, среди которой зародилась мысль о ней, заставляют предполагать, что ожидаемая «доктрина», во всяком случае, будет нечто «декадентское».

Дабы не оказаться легкомысленными в предположениях относительно «декадентского» характера ожидаемой «военной доктрины», предложим здесь вниманию читателя наши соображения и наблюдения о декадентских признаках пока еще только зарождающейся «единой военной доктрины», не касаясь ее неведомого существа.

Вот эти тревожные признаки, добытые из современной действительности:

I. Единую военную доктрину некоторые предлагают «составить» в тиши кабинета (или, быть может, в «дебрях» канцелярии!) и объявить ее к общему и неуклонному исполнению. Это предложение находится в полном противоречии с обыкновенным приемом выработки единства основных взглядов во всяком практическом деле; прием этот освящен опытом и временем; он заключается в совместной работе в области практики в течение многих лет. При таком условии сам опыт вырабатывает ту степень «единства», наличность которой возможна без вреда для дела; за эту степень единства начинается стеснение творчества и самостоятельности, пагубно отзывающееся на живом практическом деле,

каковым и является в данном случае военное искусство. Повторяем, «единство» мысли предписываемо быть не может.

II. Единая военная доктрина должна служить основой деятельности армии и ее частей на войне. До сих пор было так, что основой для действий войск служили: «управление со стороны высшего командного состава» и «полевой устав».

III. Стремление создать такое практическое руководство, которое называлось бы «полевой устав», а по своему содержанию являлось бы регламентацией действий старших начальников (полководцев). Между тем полководческое искусство, по самому существу дела, не может быть изложено ни в каком уставе. Такого изложения не дал еще ни один из великих полководцев всех времен и народов, а многие из них даже выразили, что подобных руководств и существовать не может. Высшие начальники должны вырабатываться путем непрестанной работы над собою, путем изучения военной истории и современной теории военного искусства, а также маневренной практикой с войсками. Только при таком условии «управление высшего командного состава» будет стоять на должной высоте. Что же касается «полководцев», то они и выработаться могут далеко не из каждого «начальника».

«Полевой устав» существует для войск, а не для высшего командного состава, который, конечно, должен твердо знать устав, должен требовать от войск его исполнения, но ведь совершенно очевидно, что с одним только уставом дело высшего управления войсками на войне далеко не пойдет.

«Полководческое» дело находится вне компетенции «уставов» и «доктрин».

IV. Одновременно с проповедью необходимости «единой военной доктрины» не стесняются порочить всякими приемами и способами действующий полевой устав. «Полевой устав» 1904 г. не удостоился испытания в минувшую войну, 1904–1905 гг., ибо там, в Маньчжурии, все, от мала до велика, как известно, старались изобрести во что бы то ни стало свою новую стратегию, свою новую тактику, свой собственный устав... Им было не до таких мелочей, как исполнение «полевого устава русской армии»... Но и после войны на наш полевой устав продолжали сыпаться упреки.

С усердием, достойным лучших дел, продолжалось опорочивание действующего «полевого устава» не только в частных разговорах, но и в военной школе, и во многих официальных сообщениях перед лицом обширной офицерской и юнкерской аудитории. Изощрялась в издевательстве над «полевым уставом» периодическая военная печать; издевались над ним и отдельные авторы, посвящавшие действующему «полевому уставу» свои удивительные по степени необоснованности и ненависти брошюры, наполненные какими-то неврастеническими причитаниями.

Забыто было всеми, что лучше твердое знание армией хотя бы и посредственного полевого устава, чем подрыв веры в него, чем вовсе незнание существующего и, в силу этого, общеобязательного устава!

Не проснулось и теперь у многих логически ясное сознание, вернее — долг исполнять действующий «полевой устав»; не проснулось оно, но взамен его послышались возгласы: «Дайте нам “единую военную доктрину”»; сочините ее! Мы ей поклонимся!»

Это ли не «декадентщина» 96-й пробы!!

В унисон со всеми этими данными обстановки, при которой предполагается зарождение «единой военной доктрины», звучат разного рода плохо продуманные учения о бое, разведке и проч., вытекающие из чистейшей фантазии их авторов, противоречащие даже опыту мирного времени, не говоря уже о войне, и лишь изредка покоящиеся на притягиваемых к ним, как говорится, «за уши», фактах, не в пору будь помянутого, опыта маньчжурского позора...

И потому если велением судьбы неминуем период «декадентства» и в военном деле, то на совесть каждого военного, не утратившего еще искру Божию, пусть ляжет обязанность свято блюсти основы родного военного искусства, завещанные нам боевою славою и венчанные кровью предков... Пусть для всей армии останутся в качестве единой военной доктрины: чувство долга, доходящее до самоотвержения; чувство взаимной выручки; свободное от шаблонов и схем творчество в пределах поставленной задачи и проч., что выработано прошлым нашей родной «русской» армии.

Пусть ныне действующий «полевой устав», а за ним и тот, который, как говорят, вот-вот появится в армии, будет тою «единою военною доктриною», руководствуясь которою «по духу» наша армия сбросит с себя гнет маньчжурского позора.

(Бонч-Бруевич М. Разведчик. 1912. № 1113. С. 141–142).

Противники теории обыкновенно ссылаются на практическое направление иностранной военной литературы как на довод против необходимости обращения к теории, но при этом они забывают, что там военная доктрина и глубже разработана, и всем приемлема, и вообще пользуется большим почетом в армии. Иностранным военным писателям поэтому очень доступно углубляться непосредственно в прикладную область

тактики на почве выработанных и всеми приемлемых теоретических основ, ибо они знают, что эти основы давно уже сделались достоянием системы подготовки войск в мирное время, уставов и наставлений, а также потому, что они могут быть всегда уверены и в достаточном единстве военной доктрины.

У нас единство доктрины и уважение к ней только в зачатке, поэтому обращение в область теории у нас неизбежно должно предшествовать каждому труду, относящемуся к прикладной части тактики.

С полным убеждением говорим, что только тогда, когда военная доктрина завоеует должное единство и практическое значение, — только тогда прикладная область тактики подвергнется более глубокому анализу.

(Бонч-Бруевич М. Бой. Киев, 1909. С. XI)

О военно-политической доктрине

В. Апушкин

Не случайность, не каприз чьего-либо ума поставили на очередь вопрос о русской военной доктрине, обсуждаемый уже два года на страницах военной печати. Спор о ней то затихал, то разгорался, часто разменивался на мелочи и в общем производил такое впечатление, что спорящие не уяснили себе самое понятие военной доктрины.

Однако все согласно признавали, что военная доктрина существует и у французов, и у немцев.

Но, конечно, не одно ребяческое желание «и я хочу!» вызвало у нас разговоры о русской военной доктрине. Переживая после Русско-японской войны эпоху непрерывных колебаний в деле воссоздания военного могущества России, мы ощутили наконец потребность в устойчивой планомерной работе, осуществляющей один какой-либо глубоко и всесторонне продуманный план и ведущей к определенно поставленным целям. Так именно, чувствуем мы, ведется военное и морское дело во Франции и Германии, гарантируя одну от новых великих поражений, а другой гарантируя ее великие победы. Не эта ли устойчивость в постановке военного дела, свидетельствующая о продуманности идей, начал и принципов, положенных в основу его организации, побудила в свое время Грецию выписывать для своей армии военных инструкторов из Франции (ген. Эйду), а Японию и Турцию — из Германии

(Меккелль, фон дер Гольц, ныне — Сандерс)? Правда, было время, когда и русские инструкторы были в цене и их трудами создавалась болгарская армия. Но это было в то время, когда, казалось, из великих милютинских реформ, на почве славного боевого прошлого создавалась русская военная доктрина. Создавалась она потому, что Милютин был не только военный министр, но государственный деятель в широком смысле этого слова, как Мольтке и Роон — в Германии, Гамбетта и Фрейсинэ — во Франции. Свои военные реформы он ставил в органическую связь с общегосударственными мероприятиями и задачами, и недаром он, а не кто-либо другой из министров исполнял временами обязанности канцлера князя Горчакова как министра иностранных дел. Чувствовалась тесная внутренняя связь русской внешней политики с русским военным делом. Но отошел от последнего Милютин — и слабые ростки русской военной доктрины заглохли, и теперь некоторые уверяют, что ее и быть не может, что ее не нужно...

Доктрина военная в широком и главном смысле слова есть совокупность руководящих идей, положенных в основу военной мощи страны в тесной связи с ее международным политическим положением, политическими идеалами и основными государственными задачами. В более узком смысле военная доктрина есть учение о войне, т.е. органическая совокупность принципов военно-административных, военно-воспитательных, стратегических и тактических, как выведенных из военно-исторического опыта, так и созданных силою гения или таланта отдельных лиц. В частности, каждая группа принципов этой чисто военной доктрины образует свою доктрину — тактическую, стратегическую и т.д., т.е. совокупность взглядов в одной какой-либо области военных знаний и военного дела. Создателем первой, т.е. государственной военно-политической доктрины, является гений народа, само государство и в отдельных его представителях находит свое выражение (Петр Великий, Фридрих II, Наполеон); доктрина чисто военная создается «гениями войны» — полководцами (Фридрих II, Наполеон I, Суворов), или талантливыми военными организаторами (Ип. Карно, Шарнгорст, Мольтке, Роон, Милютин), или выдающимися военными мыслителями (Бюлов, Жомини), и, наконец, частные военные доктрины есть результат научных исследований и военного опыта в своей области таких людей, как Леер, Шлихтинг, пр. Гогенлоэ, Ланглау, Драгомиров.

По мере того, как понятие «вооруженного народа» приобретает все более значение в деле создания военной мощи страны, а политическим лозунгом всех государств становится правило: «Хочешь мира, готовься к войне», — выработка военно-политической доктрины становится все более насущной. Наличие ее обеспечивает успех не только на войне, но и в международной политике; она создает более устойчивое политическое положение, давая руководителю внешней политики прочную опору в налаженной соответственно ее целям

военной организации; она экономизирует материальные средства государства определенностью всех мероприятий в деле государственной обороны; она вселяет в бойцов и граждан моральную уверенность в себе, в согласованность всех частей и органов вооруженных сил государства, наконец, она же в случае войны объединяет армию, флот, народ и правительство в сознании ее целесообразности во имя достижения основных, серьезных политических задач государства и охраны его интересов. Такая военная доктрина естественно и логически вытекает из самоопределения государства, т.е. ясного сознания своей исторической миссии, своей роли на арене мировой политики и своих государственных интересов и неуклонного настойчивого их осуществления. Так как для достижения всех этих целей и служат прежде всего вооруженные силы, то понятно, в какой тесной связи, в какой зависимости от политики государства стоят их развитие, организация, направление их деятельности, способы и средства государственной обороны...

Что касается России, то отсутствие в ней издавна, со смерти Петра Великого определенно сознанный внешней политики не позволяло создаться и русской военной доктрине, ростки которой гибли, не успевши расцвести. До сих пор не решив вопросы, где наши ближайшие и насущнейшие интересы — на Ближнем и Дальнем Востоке, в чем наша историческая мировая миссия, и не поставив себе твердо и определенно политических задач, мы стоим все еще перед рядом недоуменных, разъединяющих и ослабляющих нас вопросов: какой флот нам нужен и нужен ли он вообще; какую роль играют крепости в обороне наших границ и нужны ли они вообще; должно ли развивать и поддерживать казачество и где его место и т.д. Сегодня эти вопросы решаются так, а завтра — иначе... Правда, положение наше не из легких и по обширности территории, по слабости развития путей сообщения, и по различию культур европейской России и России азиатской... Но все же русскую военную доктрину создать можно и должно. Она должна покоиться не на преданиях о гибели Карла XII под Полтавой и Наполеона I — в Москве, а на живом сознании действительности, на соответствии военных средств и способов борьбы с твердо поставленными задачами державной политики России.

(Новое звено. 1913. № 1 С. 14–15; № 2. С. 46–47)

Часть II

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

Русская военная доктрина

В. Борисов

Было время, когда русская армия обладала наисовершеннейшей военной доктриной, давшей целый ряд блистательных побед и разработанную до деталей для обучения в мирное время. На военной памяти об императоре Павле лежит великий грех перед государством за неумение оценить даваемую ему судьбою доктрину. Он, как говорит Драгомиров, «дал всем своим сыновьям строевое направление столь прочное, что они до конца жизни не только ему не изменили, но стремились усовершенствовать». Это сразу задержало развитие у нас великополководческой доктрины. Интересные картины нашей тогдашней тактической подготовки рисует Епанчин в своем труде «Тактическая подготовка русской армии 1828 г.». Мы тогда портили не только свою армию, но и дружественную нам прусскую, внося в нее «парадирование» и «смотровую» тактику. К довершению такого зла в тактической нашей подготовке присоединилось еще засилье ген. Жомини в нашей стратегии. Его превратные объяснения сущности военного искусства опирались на ложные истолкования действий Наполеона; что проверить было почти невозможно, так как французский военно-исторический архив скрывал тайны наполеоновского искусства. Поневоле приходилось верить «участникам» походов великого полководца. Генерал Леер, впервые в 1867 г. напечатавший свой курс стратегии, обосновался на выводах и фактах Жомини и тем продолжил наши стратегические заблуждения. Так создалась у нас «операционно-линейная» стратегия, дополнившая «парадовую» тактику стратегической «боязливостью», оглядыванием на тыл и фланги, и с сильным стремлением еще до боя принять все меры «обеспечения успеха».

Так истребилось в русской армии всякое понятие о суворовской «победительной» доктрине. Эта доктрина погибла для русской армии, но военной наукою, всецело военной наукою, Мольтке и его Генерального штаба, переработана в нынешнюю германскую доктрину. Французская военная доктрина, культивируемая ген. Фошем, исчезла с полей сражений с первых дней войны. Здравый смысл ген. Жоффра подсказал ему, что с «зонтичной» французской доктриной нельзя упорствовать против суворовско-германской, опрокидывающей все на своем пути. А мы? Мы тяготели к французской доктрине и

почитывали немецкие книжки, и усердно переводили их под смешным названием «современной» войны. Добрые немцы, вроде ген. Гольца, предостерегали нас, говоря, что немецкие книжки для нас опасны, ибо они выработаны для армии иного склада, иной подготовки, иных воззрений. Но мы на это не обращали внимания. Немецкую доктрину, воспроизведенную Суворовым в сражении на Треббии и изображенную на прилагаемой схеме, мы неудачно попытались применить под Мукденом в 1905 г. и повторили в катастрофе Самсонова в 1914 г., несмотря на печальные рассказы Гольца о таких же попытках турок применить немецкие книжки в войну 1897 г.

Суворов остался для нас лишь регалией, памятником о былых победах, но его животворящий дух был утрачен. Его чисто солдатский афоризм «пуля — дура, штык — молодец» был принят как аксиома суворовской доктрины в ее полном содержании. И в 1905 г. находят, что «афоризм Суворова, развешанный в казармах, понижает в глазах нижних чинов значение обучения стрельбе». Как должен устыдиться Суворов за своих потомков! Между тем в 1794 г. самому Суворову отвечают в один голос два его чудо-богатыря гренадеры: «Штык-то у нас молодец, и пули-дуры не пустим мимо, когда дело до нее дойдет». Так солдат 1794 г. понимал афоризм Суворова, а солдат 1905 г. уже настолько не понимал своего великого полководца, что даже надписи на стене о «пуле-дуре» трепетал.

Еще более подчеркнем утрату понимания Суворова, если скажем, что Суворов учил стрелять залпами, но залпы его не были нашими залпами, всецело «смотровыми». Он практиковал не общепринятый, а свой собственный метод залпа. Когда произносилась команда, то каждый солдат должен был выстрелить, но не иначе как порядочно прицелившись и не гонясь за одновременностью звука всех выстрелов. Эффект звука утрачивался, а эффект неприятельской потери увеличивался. Такие залпы и теперь можно производить, эта стрельба с контролем пуль. Так и в этом отношении наш солдат не понимает суворовского и хуже, чем тот, действует залпами, несмотря на лучшее ружье. Солдат 1905 г. по ст. 36 своего пехотного устава должен выстрелить по команде «пли», тогда как суворовский чудо-богатырь еще подождет.

Мы восхваляем 14-ю дивизию за атаку при Сандепу «без выстрела», думая, что это чисто по-суворовски, а Суворов в своей «Науке побеждать» останавливает пехоту в 300 шагах от неприятеля и дает 6–8 залпов.

Так у нас последовательно утратилось понимание Суворова и его доктрины. До сих пор мы не имеем его штабной переписки, его подобной наполеоновской «Корреспонданс», хотя она нам оставлена великим вождем и существует в архиве. Сто лет, с 1794 по 1899 г., план его сражения при Крупчицах лежал в общем хламе военно-ученого архива, и мы не знали, что это подлинник великого Суворова. Мы до сих пор не понимаем стратегических

взглядов Суворова в его походе против французов в 1799 г. уже потому, что они вразрез со взглядами его современников. Он многократно говорил, что вторжение во Францию подымет все ее население на защиту родины и что пока республиканская армия не заявит себя за прежнее правительство, до тех пор восстановление старого режима окажется исполнимым лишь на бумаге, на языке у эмигрантов, сторонников династии Бурбонов. Его стратегическая доктрина и сообразовалась с его военной политикой: «Главкомандующий не может быть без своих политических правил; о политическом по связи с операционным должно сообщаться со мною как хозяином обстоятельств», — говорил Суворов, упирая на свою «военную» политику.

Суворовская доктрина «Наука побеждать» выработалась в крайне интересный период военного искусства. Тогда многие генералы и военные писатели работали над установлением такой тактики, такого тактического боевого порядка, которые были бы победоносны сами по себе, как римский легион, «внушенный самим Богом». Над этим вопросом работал и Фридрих Великий и выработал «косвенный боевой порядок». Работал и его современник, наш Суворов, и создал «смелую, наступательную тактику», как он сам называет свою доктрину.

Так, после одного незначительного, но стоившего потерь дела, Суворов дает объяснение своему начальнику в январе 1770 г.: «Они рекогносцировали, а что так дерзновенны, я один тому виной; как в Ладогe, так и под Смоленском, зимою и летом, я их приучал к смелой, наступательной тактике».

Этот термин «наступательная» тактика яснее термина «наступательная» выражает характер действий Суворова. Он иногда наступал, иногда оборонялся, но всегда держался наступательной тактики. «Великие полководцы всех времен действовали активно даже тогда, когда оборонялись. И не надо забывать, что не случайно, а в силу закона необходимости только деятельный собирает плоды случайностей», — говорит немец, учение Мольтке, и этими словами связывает немецкую доктрину с суворовской.

Как русскую доктрину — смелую, наступательную тактику — внести в жизнь? Драгомиров говорит: «Пока тактика не будет разложена в ряд практических приемов, показываемых в поле с разделением, показываются уставные отделы, до тех пор она не может перейти в жизнь». Как разложить суворовскую доктрину в ряд практических приемов? Как выполнили это дело немцы, гордо, не менее, чем Суворов, смотрящие на свои легионы?

(Военное дело. 1918. № 10. С. 2–3)

Суворов говорит: «Не нужно методизма, а нужен верный взгляд военный»...

Как выработать этот «верный взгляд военный»?

Практическим образцом такой работы служат труды германского Генерального штаба в форме «Студий по военной истории и тактике», и надо удивляться уменью германского Генерального штаба поставить свое военно-историческое отделение на практическую почву... Это делает для каждого германского офицера и генерала осуществимым практическое исполнение ст. 15 германского полевого устава, не боящегося упоминания в уставе термина «военная история»: «Изучение военной истории вырабатывает у офицера правильный взгляд и дает ему масштаб для суждения о том, что действительно целесообразно на войне и что возможно лишь в мирное время».

У нас, в Генеральном штабе, не было такой постоянной, непрерывно работающей организации, которая бы стремилась «вытекающие из военных событий поучения применить в будущем на пользу нашей армии»... Из подготовительной работы военно-исторического отделения начальник Генерального штаба и созидает военную доктрину.

(Борисов В. Военная доктрина // Военное дело. 1918. № 9. С. 2)

О государственной военной доктрине

В. Анушкин

Вопрос о военной доктрине сравнительно с историей военного дела весьма молодой и в военной литературе разработан очень слабо. Резко отграничивая понимание его от различных стратегических систем и учений о войне и бое (Лойда, Бюлова, Жомини, Клаузевица и т.д.) и от «полководческой» практики Петра Великого, Фридриха II, Суворова и Наполеона, мы вправе думать, что понятие военной доктрины зародилось лишь в начале XIX века и росло в соответствии с ростом и проведением в жизнь идеи «вооруженного народа». Последняя родилась во Франции, в эпоху великой революции, но заглохла там вместе с революцией и наибольшее свое выражение получила в Германии, где она практически и теоретически разрабатывалась трудами Шарнгорста, Бойна, Боника, Раона, Мольтке и фон дер Гольца...

Есть склонность приписывать создание германской военной доктрины Мольтке, это мнение основывается на изучении инструкций, положений и уставов, созданных Мольтке

для германской армии и ее Генерального штаба. Не надо, однако, забывать о деятельности того же Мольтке в рейхстаге. Здесь он шел рука об руку с «творцом новой Германии» Бисмарком, осуществляя каждый в своей сфере одни и те же цели и намерения. А они были поставлены Германии, еще задолго до появления на посту военного руководителя Германии Мольтке. Вот что писал еще в 1821 году принц Вильгельм, будущий король Пруссии и первый император Германии генералу Нетцмеру: «Посмотрите на наше политическое положение: слабость его бросается в глаза, если сравнить его с соседями. Эту слабость мы должны корректировать интеллектуальной силой, а последняя должна развиваться и поддерживаться через войско; для этого война прекрасное средство».

В этих мыслях принца Вильгельма берет свое начало германская военная доктрина. К проведению их в жизнь постепенно призывались генералы Боник, Бойн, Клаузевиц, Раон и Мольтке. Они все вместе и преемственно творили германскую военную доктрину при могущественной поддержке Бисмарка. И они все были не только «военными специалистами», но и государственными людьми крупного масштаба.

Они понимали, что вооруженная сила народа есть производная от его государственности, что она не самодовлеющая в государстве величина и что та или иная форма их определяется государством и стоит в соответствии с формами государственности и государственными задачами. Органическая связь с ними, установленная германскими военными деятелями, и обусловила расцвет германской военной и государственной мощи. И если эту мощь мы видим ныне сокрушенной, то это обстоятельство заслуживает вдумчивого отношения к себе и по вопросу о военной доктрине. Могут указать, что эта прославленная германская доктрина не спасла Германию от катастрофы. Нужна ли, стало быть, военная доктрина вообще? Надо ли стремиться к выработке ее у себя?

На эти недоуменные вопросы скептиков следует ответить положительно.

Германская военная доктрина обеспечила Германии блестящую подготовку в мировой войне. Она дала возможность ей при весьма тяжелых политических, экономических и стратегических условиях войны быть победительницей в течение трех с лишком лет. И если катастрофа все-таки произошла, то причину таковой надобно искать не в военной доктрине, а, если можно так выразиться, в исторической иррациональности политических задач, поставленных себе Германией. Задачи эти сводились к установлению германской гегемонии над миром. История показала, что идея гегемонии одного народа над всеми остальными есть идея утопическая, неосуществимая, каким бы арсеналом средств и сил ни обладал претендующий на гегемонию народ. Быть может, самая идея эта лежит вне плана мировой гармонии и противоречит ее законам — законам жизни. Неосуществимость, непосильность задачи, поставленной германской государственной политикой своей военной доктрине,

долженствовавшей обеспечить ее осуществление, и привела к тому, что самая совершенная военная доктрина не смогла спасти в конце концов армию и государство от поражения.

Пример Германии красноречиво убеждает нас, во-первых, что военная доктрина не есть сама по себе ни стратегия, ни учение о бое, все это было у германцев высшей марки в смысле разработки, и победили их вовсе не гениальные полководцы, а нечто высшее, куда стратегия и тактика входили лишь как частности, как средства, и, во-вторых, что военная доктрина стоит в тесной связи с государственной политикой, сама являясь для нее лишь средством, и если эта политика задается утопическими планами и не считается с пределами реальных сил, хотя бы «вооруженного народа», военная доктрина может оттянуть крах государства, но не спасти его.

Что «великополководческая стратегия» не есть уже сама по себе военная доктрина, ясно из того, что у Франции, имевшей беспримерного, непревзойденного мастера войны — Наполеона, должна была быть хотя в какой-либо период XIX века наилучшая военная доктрина. Но Наполеон оставил ей и всем другим военным деятелям лишь высокие классические образцы своего военного искусства. Военные мыслители вывели из них законы, практики пытались применять их, но никакой военной доктрины из наполеоновского мастерства не вышло. А создать ее могло любое государство, ибо Наполеона разбирали, описывали, изучали все. И это случилось потому, что как военное искусство Наполеона было производной его личности, так и его политика была его личным делом, актом творчества его личности. С его смертью французская политика не получала ни преемственности, ни устойчивости в достижении новых политических задач. И только погром 1870 года поставил перед Францией определенные государственные цели и сообщил ее политике черты устойчивости и преемственности. Так как цели эти преследовали государственную оборону, возвращение отторгнутых провинций и были проникнуты идеей реванша, то военные запросы имели в ней важное значение. Только в силу этого в ней постепенно начала создаваться военная доктрина. Сложиться и окрепнуть, выявить свои типичные черты ей помешала вспыхнувшая в 1914 году война, в которую Франция должна была вовлечься в силу своих обязательств перед Россией. То, что называли военной доктриной Фоша, было лишь приемом борьбы, стратегическим планом, основанным на вероятном соотношении сил и предполагаемом плане действий противника. Так называемая «зонтичная» стратегия Фоша тотчас же отпала, была самим им брошена, как только изменилась стратегическая обстановка. С военной доктриной так поступить нельзя, ибо она коренится не в чьей-либо одной голове, а в мировоззрении народа и его правительства, в нервах и крови каждого воина и гражданина и связана тысячами нитей с политикой и экономикой государства.

Убедительным примером этого служила до сих пор Англия. Ни одна из европейских держав не отличается такой устойчивой преемственностью и определенностью своей внешней политики, как Великобритания. Положение ее как первоклассной державы обеспечивается обширностью ее колоний. Ее заботы направлены к охране, благоустройству и расширению их. И вот мы видим в ней издавна уже наличие государственной военно-политической доктрины, основой которой является преобладание флота в составе великобританских вооруженных сил. Флот Англии был до сих пор важнейшим орудием ее политики; созданию могущественнейшего флота подчинены были многочисленные интересы государства; флоту уделялось огромное внимание не только английским правительством, но всей нацией, каждым англичанином. Не наличности ли такой доктрины с преобладающим значением в ней флота Англия обязана плеядой выдающихся флотоводцев-моряков, отличной постановкой военно-морского дела во всех его отраслях. Несомненно, как органическая часть государственной политики, есть жизненная школа, воспитывающая деятелей, а не только обучающая их своим уставам и инструкциям.

Что касается сухопутных вооруженных сил Англии, то до мировой войны их устройство, численность и распределение точно так же были всецело подчинены основному положению английской политики — свое могущество базировать на своих колониях. Их главный контингент был — колониальные войска. Им были отданы преимущественные заботы и внимание правительства, и, в частности, военного министерства. И они, как флот, воспитывались в сознании, что колонии, для защиты которых они собраны, есть жизненный нерв Англии. И эта мысль, продиктованная государственной политикой, была положена в основу воспитания и боевой подготовки колониальной армии. Все в деле устройства этой армии было подчинено этой мысли, и она опять-таки лежала в сознании не только лондонского кабинета, но и каждого британца. И в этой области военная доктрина Англии, являясь жизненной школой, создала целую плеяду военных деятелей, среди которых имена Кляйва (Clive — 1725–1774 г.) и Китченера (1850–1916) составляют целые эпохи в истории колониальной английской политики.

Россия до сих пор не выработала себе никакой военной доктрины — ни частной, стратегической, тактической, ни государственной, военно-политической.

Не было частной военной доктрины, потому что не было общей как фундамента первой, а последней — потому, что русская внешняя политика со времен Екатерины II утратила свою определенность и свою самостоятельность, а во внутренней жизни русской армии, как и всего народа, не было благоприятных данных для творческой работы. Между тем для создания таковой в самой армии и в историческом ходе русской жизни были благоприятные элементы и моменты. Цикл войн екатерининского царствования, осиянных

именем Суворова, и Отечественная война с заграничными походами 1813–14 гг., проведенная учениками суворовской школы, подготовили прекрасный материал генеральский, офицерский и солдатский — для создания у нас военной доктрины; нужна была лишь государственная идея, определяющая цели русской внешней политики, способная воодушевлять народ и армию. Но ее не было. Сперва интересы государства приносились в жертву задачам Священного Союза, потом жандармская политика в Европе Николая I. Россия то воевала с Турцией (1827–29), то защищала ее целостность (1833), то спасала Австрию от мятежных венгров, то в Крыму отстаивала гроб Господень от осквернения его турками, то умирала единокровную себе Польшу. Во всем этом не было никакой государственной целостности, чувствовалось политическое бахвальство своей силой, противное душе народа инстинктивно и потому оставлявшее его ко всем этим событиям глубоко равнодушным; армия же честно исполняла свой воинский долг, ревнуя лишь о добром своем имени — армии победоносной, но, в сущности, также безразличной будет или нет Турция владеть Египтом, а Австрия — Венгрией. На этой почве механического выполнения долга доктрина сложиться не могла; ее заменяла муштра. Начало царствования Александра II ознаменовалось довершением завоевания Кавказа, продолжалось завоевательными экспедициями в Средней Азии, закончилось войной за освобождение славян. И в этот период в политике России не было определенной цели, программы, плана. Действовали то элементарный расчет — сознание необходимости закончить наконец затянувшееся на сто лет замирение Кавказа, то подчинение стихийной силе, толкавшей нас вглубь Азии, — Невельского за Амур, Черняева за Ташкент, то готовы были судить, то награждали, — то увлечение своею сострадательностью к бедствиям славянства под игом Турции, — увлечение, от которого без большой борьбы Россия отказалась на берлинском конгрессе. Но в это царствование был момент, благоприятный для создания государственной военной доктрины. Под влиянием побед немецкого народного учителя над французами в 1870–71 гг. у нас восторжествовала наконец идея вооруженного народа. Введена была всеобщая воинская повинность, очень быстро оправдавшая себя. Несмотря на все ошибки дипломатии и своих вождей, милютинская армия вышла победительницей из войны 1877–78 гг. Новый состав армии, новый дух в ней, целый ряд милютинских реформ, планомерно задуманных и осуществленных, казалось, давали возможность зреть у нас военной доктрине в сознании народа и армии. Ведь свои военные реформы Милютин ставил в органическую связь с общегосударственными мероприятиями и задачами; его имя связано с «эпохой великих реформ» не только в области военной, но и в других. Он был настоящим государственным человеком. И в силу этого казалось, что между дипломатией и вооруженными силами страны

создается связность действий. Недаром он, Милютин, а не кто-либо другой заменял князя Горчакова в руководительстве внешнею политикою России.

Но отсутствие преемственности — первородный грех нашей прежней государственности. Сошли со сцены Александр II, Милютин, — и потекла река обратно. Милютина сменил Ванновский, Царя-Освободителя — Царь-Миротворец, совершеннейшие антиподы первых. Но и эти антиподы действовали внутренне не вполне между собой согласно. В то время как новый военный министр старался насаждать в армии под новой маской новую муштру, видя в ней залог воинского духа армии, государь этот дух в ней угашал, снискивая славу «миротворца». Его преемник стремился приобщиться к ней, славословя «незабвенного родителя» за необнажение меча, украшая грудь каждого военного медалью в память этого «необнаженья», оспаривая у Вильгельма II первенство на идею о разоружении народов и созывая в Гааге мирные конференции. Такое умонаклонение «Верховного Вождя» вооруженных сил России не могло служить, конечно, фактором, содействующим выработке государственной военной доктрины, тем более что внешняя политика шла вопреки заявленному миролюбию.

Сперва участие в карательной экспедиции против Китая, потом — двусмысленное поведение в отношении концессий на Ялу, приведшие к войне с Японией, и наконец — заступничество за Сербию, вовлекшее Россию в войну, принявшую мировые размеры. В самой армии — подавление всякой инициативы, обезличение не только солдата, но и офицера, подавление в них чувства гражданина, подбор высших начальников не по способности, а по угодливости и угодности их монарху, воспитание — в духе преданности династии, а не отечеству, не народу и на этой почве превращение вооруженных сил в институт грубой полицейской силы, охраняющей штыками трон и подавляющей народные бунты. При таких условиях о какой государственной доктрине вообще — и военной в частности могла быть речь. Когда же о ней все-таки заговорили, сперва после неудачной войны с Японией, потом — под влиянием войн на Балканах в 1912–13 гг., последовал окрик Николая II бросить «эти бредни»... И мы зажили опять обывательскою жизнью — «без руля и без ветрил» во всех областях жизни, в том числе и военной. Творчеству военной мысли в этой жизни не на что было опереться, не из чего исходить, неизвестно, чему служить и для чего работать.

Грянула мировая война — и мы вышли на нее с лишенным самостоятельности высшим командным составом, без определенных взглядов не современную войну, на ее масштаб, на ее потребности, без плана укомплектования, без плана мобилизации государственных сил и средств. И началась импровизация во всем: импровизация промышленности, импровизация снабжения, импровизация запасных частей, офицерского

корпуса. Наскоро сочиняли «положения», «инструкции», «наказы», но за всем этим не было живого воинского духа, воспитанного чрез организацию, не было сознательности, отложившейся в нервах, уме и сердце. Разгром был естественным следствием нашей неподготовленности к войне, невоспитанности в ясном представлении о ней.

И вот мы опять ощутили потребность в устойчивой, планомерной, воспитательной работе в области создания военного могущества России, работе, осуществляющей один какой-либо глубоко и всесторонне обдуманый план и ведущей к определенно поставленным целям. Опять заговорили о военной доктрине. Но ее сочинять нельзя досужим людям. Она творится жизнью, являясь результатом весьма сложного процесса возникновения идей, их развития и воплощения. Только таким путем всякая доктрина не становится «теорией», лишенной почвы, утопией, созданной воображением фантазеров, рисующих себе действительность такую, какою она им нужна для торжества своих идей, а действенным «символом веры», запечатленным в уме, душе и нервах каждого деятеля и проводимым им в жизнь всегда, везде и во всем — большом и малом, — во имя ясно сознанный цели своего предназначения и бытия.

Военная доктрина есть органическая совокупность теоретических учений и практических мероприятий, касающихся организации вооруженных сил государства, их боевой подготовки, деятельности на войне, характера и способов ведения последней в связи с современным состоянием военного дела вообще, особенностями военно-политического и экономического положения государства, его культуры, социального строя и поставленных им себе задач в области политики как внешней, так и внутренней.

Момент для закладки фундамента нашей военной доктрины настал. Россия порвала с своим тяжелым прошлым, омылась от многих грехов, освободилась от многих обязательств, давивших ее. Мы начинаем жить сизнова. Заново строится государство, создаются новые узлы, связующие его элементы, определяются новые внешние отношения, ставятся новые цели, к которым оно пойдет новыми путями.

В соответствии с этим и в области организации вооруженных сил России провозглашен новый принцип — «Милиция». Это и есть исходное положение для военной доктрины. Связь ее с государственной — очевидна. Она — производная от нового государственного строя. Военным людям, ревнующим о воссоздании военной мощи России, нужно вдумчиво и пристально вглядываться в государственное строительство и в органической связи с этим осуществлять милиционное устройство армии. Оно потребует совершенно нового устройства государственной обороны, военно-административной и тактической организации ее на началах, совершенно отличных от прежних, нового порядка прохождения службы, иной организации снабжения, иной системы воспитания, обучения,

боевой подготовки и мобилизации, новых форм военного быта. Вся совокупность этих творческих процессов, объединенных единой мыслью, единым государственным принципом, направленных к определенным целям, поставленным себе государством, а не самодовлеющей в нем армией, и даст в своем конечном результате военную доктрину — государственную. Она сложится сама собою, органически связанная со всеми культурно-социальными и экономическими факторами народной и государственной жизни. И только такую она может служить гарантией побед. Ибо современная война ведется уже не просто «вооруженным народом», как возглашалось еще недавно, а мобилизованным государством.

(Апушкин В. Вестник милиционной армии. 1920. № 2. С. 14–19)

«Суворовская доктрина», выражаясь языком В. Борисова, перестала быть у нас потому, что начиная с имп. Павла русская государственная политика утратила свою определенность, данную ей Петром Великим и продолженную Екатериной II. Россия потеряла свой собственный круг в политике — не ставила себе более ясных политических задач. Говоря проще, ее политика перестала быть русской, национальной, народной, самодовлеющей. И соответственно этому русская армия стала служить задачам международной политики, осуществлять интересы не России, а так наз. европейского концерна. К тому же ни один из ее верховных вождей-императоров не имел в своих качествах и нервах ничего полководческого. Это были вахт-парадники, плац-парадники, манежники, но не полководцы. Обстоятельство это не могло не отразиться на духе армии, на ее воспитании, на ее боевой подготовке, утратившей определенное назначение. В таких условиях русская военная доктрина, хотя бы и выраженная в лице Суворова, окрепнуть не могла. Посмотрите, как быстро под влиянием нового курса русской политики «смелая наступательная тактика» Суворова сменилась осторожной оборонительной стратегией Барклая и Кутузова. И если хотите, она-то и стала «русской военной доктриной». Доктрина эта, — не добром она будь помянута, — продержалась у нас весь XIX век и в начале XX вылилась в знаменитую куропаткинскую формулу: «терпение, терпение и терпение». Она лежала в основе всех наших военных мероприятий и планов; она держалась про запас во все войны; на ней базировали свои рассуждения о будущей войне военные профессора (Гулевич А. «Война и народное хозяйство»); с ней мы начали и мировую войну.

(Апушкин В. Первоисточник военной доктрины // Военное дело. 1918. № 21. С. 2)

Основы военной доктрины

А. Свечин

Тезисы:

1. В области военного мышления в России царит интеллектуальная анархия.

2. Необходима радикальная перемена в программах теоретической военной подготовки, с изгнанием из стратегии и тактики элементарного, чисто отвлеченного спекулятивного отдела, с перестройкой этих наук в теорию военного искусства, с переносом центра тяжести на военную историю, с ослаблением в академии математической подготовки и съемки.

3. Необходимо расчленить вопрос о военной доктрине от вопроса об единой военной доктрине.

4. Доктрина должна заимствовать у морали ее методы, правила и заповеди и должна быть прежде всего доктриной сердца.

5. Доктрина, являясь проявлением воли к победе, ферментирует переход мысли в действие. Масштаб для оценки доктрины; насколько она толкает к активности, настолько она проникнута и распространяет лозунги действия, как она отражается на действиях армии.

6. Начальники и войска нуждаются в доктрине; но создание ее требует огромного общего усилия и подъема и большой работы и согласия наставников армии.

7. Доктрины должны создаваться на военно-исторической работе; работающим над ней органом должна быть Военно-Историческая Комиссия.

8. Доктрина должна быть перелита из работ Военно-Исторической Комиссии в уставы.

9. Доктрина является тактическим мирозерцанием, находящимся в тесной связи с условиями эпохи и характером народа и войск. Поэтому доктрина не может быть переведена или заимствована, а должна быть хищной и суровой, безжалостной к поражению и побежденным...

ЧТО ТАКОЕ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА?

Военной доктриной называется угол зрения, под которым понимается военная история и освещается ее опыт и поучение.

Доктрина — дочь истории.

Военная доктрина является военным, и в особенности тактическим, мировоззрением; доктрина создает убеждения, в которых — душа всякого действия.

Понять чью-либо доктрину — это позволяет глубоко проникнуть в мысль и отчасти предвидеть действие.

Учение, не создающее доктрину, сводится исключительно к гимнастике мышления, к схоластике, не объединяющей взгляды. Чтобы в области военного мышления армия не представляла людскую пыль, а сплоченное целое, нужна доктрина. Спекулятивная военная наука вынуждена маскировать отсутствие положительного содержания расхвалением значения метода и фразами «хорошо развитая голова лучше хорошо наполненной».

Уставов недостаточно — нужна доктрина, которая их пропитывает и дополняет.

Доктрина руководит тактическим обучением войск.

Доктрина освещает все частные вопросы военного дела. Она помогает приступающим к изучению военного дела накапливать не разрозненные, пестрые, мозаичные знания, а связывать каждую прочитанную статью в одно стройное целое и позволяет критически отнестись к каждой строке. Поэтому доктрина является и лучшим методом обучения.

Доктрину обвиняют в том, что она представляет определенную точку зрения, которая по необходимости скоро останется позади, так как жизнь идет вперед. Неверно: не только сама доктрина способна к эволюции, но она, устанавливая интеллектуальные взгляды и тенденции, коллективное тактическое мировоззрение, надежнейшим образом подготавливает способность армии к дальнейшему тактическому развитию. К дальним исходам дисциплинированный батальон подготовлен много лучше разношерстной толпы.

Доктрину обвиняют в предвзятости; тогда как спекулятивная теория военного дела ничего не решает, позволяет делать все так и эдак, позволяет посмотреть на дело с одной стороны и признается, что можно прийти к противоположному выводу, если посмотреть с другой стороны, доктрина стремится всегда толкать человека по определенному направлению. Но всякое убеждение — тоже предвзятость. В одном частном случае, разбираемом совершенно бесстрастно, без убеждений, без доктрины и ее руководства, может быть, и получится более легкое решение. Но в массовой работе, на дальнем пути без руля доктрины армия далеко уйти не может. Это возражение — возражение обывателя без дела — о преимуществе не иметь убеждений и связанной с ними предвзятости.

Солдатам в их лагере нужны боги и нужны скрижали завета.

Не следует смешивать с доктриной национальные особенности, имеющие свою равнодействующую, проявление коей в жизни и армии какой-либо нации можно подметить в течение многих веков. Например, немецкий народ является особенно пригодным для выполнения заранее намеченной недробной и точной программы, но импровизирует с

большим трудом и ошалевает при внезапности; он особенно способен к одновременному, линейному напряжению всех усилий. Эти его расовые особенности не являются доктриной, но, разумеется, должны быть взяты на учет последней, чтобы выдвинуть вперед сильные стороны немецкого народа и организовать сознательную борьбу против его слабых сторон. Доктрина далеко не эта пассивная национальная равнодействующая, а боевой лозунг, — призыв, будящий сердца и умы. Напомню стихи Гейне о доктрине:

Возьми барабан и не бойся
.....
Сильнее стучи и тревогой
Ты спящих от сна не буди!
Вот смысл глубочайший искусства!
А сам маршируй впереди.
.....
Давно я постиг эту тайну,
Лихим барабанщиком стал!

Каждое развитое тактическое мировоззрение, приведенное в стройность, являющееся достоянием не отдельного лица, а хотя бы школы, кружка и стремящееся не замкнуться в самом кружке, а выйти на простор для широкой агитации и пропаганды, имеет право называться доктриной. В одной и той же армии могут существовать одновременно несколько доктрин. Это ведет, однако, к прискорбному делению на «своих» и «чужих» в области военной мысли — к расколу, к делению на правоверных и еретиков.

Драгомиров стремится построить русскую военную доктрину на том прочном фундаменте, который дает русская военная история в лице Суворова. Но русская армия уже забыла и утратила драгомировское учение и не имеет сколько-нибудь твердой доктрины. Будущим строителям русской доктрины придется заново повторить и продолжать работу Драгомирова. Необходимая предпосылка: расцвет русской военной истории, которая только и может произвести на свет русскую доктрину.

Раскол станет опасным лишь тогда, когда «хорошо развитые» спекулятивной наукой головы начнут «наполняться» содержанием, которое дает трактовка военного дела как искусства, когда от приемов научного мышления мы перейдем к мастерству. Тогда и более уместно будет перенести центр тяжести вопроса на «единство» доктрины.

В русском языке в слове «ремесленник», заключается обидная нотка. Русскую армию долгое время составляли люди, очень далекие от военного ремесла. Между тем единственная

задача теории военного дела — поднять ремесло на степень мастерства. «Только в правильной мере познается мастер», — писал Гете. Выкачать из истории эту правильную меру, вложить идеологию в рецепты устава, облагородить искусством ремесло — может только доктрина.

Ереси можно не бояться только на кладбище.

(Военное дело. 1920. № 2. С. 38–41)

Военная доктрина

А. Незнамов

Уже две пятницы дебатировался доклад А.А. Свечина о «военной доктрине», но пока все эти дебаты не привели еще к определенному выводу; пока не выяснилось даже, что же такое «Военная доктрина».

Пока одни говорили, что она необходима, находились другие, считавшие ее вредной; первые утверждают, что она расширяет и направляет военную мысль, вторые — что она все убьет, свяжет исполнителя.

Так как ясно, что поиски военной доктрины (по крайней мере, теми, кто хоть не против нее) ведутся для улучшения, усовершенствования армии, естественно — одна должна вести военную мысль, направлять организацию.

Тезис 10-й А.А. Свечина прямо говорит, что она «должна иметь фронты, обращенные для борьбы с материализмом и интеллектуализмом», т.е., значит, не оставаться без влияния и на всю государственную жизнь, корректируя ее течение и даже направление. Но в то же время мы слышали упрек и по адресу докладчика, и последующих оппонентов, что все они, видимо, забыли наши родные особенности, проявленные в войнах 19 века (после Суворова) — отсюда-де надо черпать доктрину. Таким образом, здесь, если принять во внимание, что в 19 в. и в Русско-японскую войну мы ничего крупного не дали — косвенно рекомендуется смирение, незлобие, совет довольствоваться судьбой.

Было предложение строить военную доктрину на свойствах и особенностях Красной армии. И, наконец, было утверждение, что военная доктрина «общей быть не может», т.к. она продукт истории народа. Таким образом, пока полное разномыслие, самое различное понимание да вдобавок еще и различия-то не формулированы конкретно. Не дала (мне, по крайней мере) ясного представления и попытка А.А. Свечина точнее определить это

понятие: «Военная доктрина, — говорит он (№ 2 В.Д. 1920), — угол зрения, под которым понимается военная история и освещается ее опыт и поучение». Не уяснило ничего мне и определение И.И. Вацетиса, «Военная доктрина — пророческий глас военного гения».

Ввиду всего изложенного позволю себе и я предложить свое толкование как личное мое мнение.

На мой взгляд, в этом вопросе надо различать три момента и рассматривать то, что мы называем сейчас военной доктриной:

1. Как взгляд на войну данного общества и правительства, еще лучше всего народа, если он для этого созрел. Соответственно этому взгляду будут и внешняя политика вестись, и строиться вооруженные силы (до экономики и воспитания детей включ.).

2. Как современные чисто военные взгляды на эксплуатацию вооруженной силы на войне: то, что у немцев мы видели в их «Основных указаниях старшим войсковым начальникам» или у французов в «Reglement sur la conduite des grandes unites».

3. Как вывод из обоих первых: а) полевой устав армии, т.е. современный военный катехизис для второстепенных начальников и б) прочие уставы — общий символ веры для массы армии.

Второй очень важный вопрос, поскольку тесно военная доктрина связана с жизнью народа, т.е. ее национальные черты.

Раз существует «национальный характер», который «выражает собой особую комбинацию психических сил, внешним проявлением которой служит национальная жизнь» (А. Фуллье. Психология французского народа), конечно они не могут не быть связанными между собой; но человечеству пока не дано средств уловить эту связь в полной мере: «Национальный характер далеко не выражается наилучшим образом толпой, ни даже наличным большинством» (А. Фуллье); «Часто бывает огромная разница между волею всех и общею волей» (Руссо).

«Отдельные умы — факторы национальной воли, но ни один из них не воплощает ее в себе». Индивидуум не может «сознавать национальную волю, составляющую известную равнодействующую всех индивидуальных желаний. Эта равнодействующая всегда идет далее предвидений и желаний каждого отдельного индивидуума» (А. Фуллье).

Наконец, «национальный характер ничего не объясняет; он сам должен быть объяснен» (О. Вауер).

Так говорит современная социальная психология.

После этого я позволяю себе высказать положение, что упоминаемая выше связь должна быть рассматриваема очень условно: национальный характер может лишь облегчать или затруднять, ускорять или замедлять возвращение новой «доктрины», он, конечно, внесет

свое в детали ее проведения; но сделать ее совсем неприемлемой он не может. Ведь и «доктрина» — разумная, конечно, — не с неба будет падать, а неизбежно будет вытекать из современных условий. Одни уловят эти условия раньше и тоньше и путем «государственного насилия» будут проводить в толщу народных масс. Сами массы никогда первого шага сделать в этом смысле не могут.

«Различие культуры резко разграничивает нации вопреки кровному смешению».

Поэтому одну доктрину — 1-й момент по приведенному выше делению — насаждают Александр Македонский, Петр Великий, Бисмарк, Кавур... очень часто совсем без спроса у старой истории; другая — 2-й момент — уже обязательна, т.к. она вытекает из современного оружия и прочих факторов вооруженной борьбы.

Современным нам, например, оружием нельзя бороться пассивно; активность — непереносимое условие, без которого из него нельзя извлечь всей присущей ему полезной работы. Третья — уже прямое следствие второй.

Жизнь подтверждает это: немцы убежденно формулируют свою военную «доктрину» после успехов 1870–71 гг. (Шлихтинг); французы — хотя источник тот же — Наполеон I, и даже французам более близкий — только в октябре 1919 г. доходят буквально до тех же основных положений, лишь высказанных еще ярче. Та же комиссия должна была составить в развитие этого «положения об управлении крупными войсковыми соединениями» и полевой устав, но, видимо, до начала Великой войны не успела, а вероятнее предположить, что он вышел уже во время войны (до нас пока не дошел). Мы — с легкой руки славянофилов московского толка все искали в истории основ своего национального военного искусства и последние 100 лет несем поражения (до Русско-японской войны включит.), и чем дальше, тем хуже.

Да и немудрено: из американского пулемета и французской или немецкой пушки мы как будто хотели стрелять как-то по-русски: пушка скорострельная, а нас учат: «Стреляй редко, да метко»; винтовка магазинная, а нам твердят: «Береги пулю на три дня».

Если это было убеждение — значит, мы вдумывались в военную историю и пренебрегали здравым смыслом; если это «образный язык» — не по адресу написано.

«Уважать свои традиции — это одно из условий, необходимых для сохранения народом своей самобытности; уметь понемногу избавляться от них — условие, обеспечивающее прогресс» (Г. Лебон).

(Военное дело. 1920. № 4. С. 97–99)

По внешности современная «военная доктрина», признанная авторитетной властью в данной армии, чаще всего представляет собою небольшое официальное руководство, предназначенное прежде всего объединить боевые действия крупных войсковых соединений. Такими руководствами у немцев до войны служили: «Основные принципы высшего командования» (впервые разработаны еще фельдмаршалом Мольтке и вновь изданы с необходимыми поправками и дополнениями в 1910 году); во французской армии то же назначение имела утвержденная Президентом Республики в октябре 1913 года «Инструкция для управления крупными войсковыми соединениями». Оба названные издания — очень небольшие по объему, а по построению и изложению скорее напоминают подробный конспект (но не устав).

Эти официальные пособия, понятно, в каждой армии могут иметь свою собственную внешнюю форму и строиться по своей собственной программе, но затрагиваемые ими вопросы по существу будут одни и те же.

(Незнамов А. Военная доктрина // Военное дело. 1918. № 12. С. 2)

Основы военной доктрины

П. Изместьев

В № 2 «Военного дела» редакция под указанным заголовком поместила тезисы доклада А.А. Свечина с целью вызвать широкий обмен мнений.

Вопрос о военной доктрине перед мировой войной некоторое время не сходил со страниц военной прессы, вызывая горячую полемику. Горячо дебатировался он и во Франции, где так же, как и у нас, находилось немало военных писателей, рабски следовавших германской доктрине. Нельзя, к сожалению, не констатировать факта, что ни у нас, ни у французов дело дальше горячей полемики не пошло. Ныне вновь возбужден этот вопрос, и, быть может, мы, работники военной мысли, до чего-нибудь в конце концов договоримся.

А.А. Свечин первым своим тезисом ставит, что в области военного мышления в России царит интеллектуальная анархия. С таким положением нельзя не согласиться, ибо анархия эта была еще и перед мировой войной, а силы военно-научные ныне настолько

распылены, а частью переселились в «лучший из миров» или же причислены к общему сонму «спецов», что только теперь, со вступлением революции на путь творческой, созидательной работы, можно начать борьбу и с анархией в области военного мышления. В старой армии проведение в жизнь какой-либо доктрины было делом почти невыполнимым, так как верхи безмолвствовали, а кипучая работа шла на низах. На это тяжелое положение мы в свое время указывали в своих статьях о боевой подготовке армии на страницах «Русск. инв.». Не имея своих взглядов на основные принципы высшего командования войсками, мы питались германскими, не подлежавшими притом оглашению, или даже вдоль и поперек штудировали откровения Шлихтинга.

Второй тезис Свечина по своей редакции несколько туманен. Он требует радикальной перемены в программах теоретической военной подготовки с изгнанием из стратегии и тактики элементарного, часто отвлеченного спекулятивного отдела, с перестройкой этих наук в теорию военного искусства, с переносом центра тяжести на военную историю, с ослаблением в академии математической подготовки и съемки.

Цитируя этот тезис, мы не можем себе объяснить, что понимает А. Свечин под «элементарным, чисто отвлеченным спекулятивным отделом»? Словом элементарный у нас часто жонглируют, придавая ему значение иногда первоначальных знаний, а иногда всестороннего изучения элементов военного дела. Этот-то в последнем смысле элементарный отдел безусловно нужно изучать в академии, ибо без него не мыслим мы дальнейшее прохождение курса. Затем, непонятно, почему Свечин соединяет «отвлеченный и спекулятивный». На наш взгляд, эти два понятия в серьезных вопросах совмещать немислимо. Мы объясняем это лишь игрой словами, к которой любит иногда прибегать талантливый А. Свечин.

Поневоле приходится напомнить ему слова Мефистофеля:

Коль скоро недочет в понятиях случится,
Их можно словом заменить.

Неправильна мысль автора, что тактика и стратегия должны быть перестроены в теорию военного искусства, ибо и тактика, и стратегия, и все прочие военные дисциплины составляют в целом теорию военного искусства, значит, нечего и перестраивать.

В свое время крупные военные авторитеты дали определение, что, собственно, следует понимать под «военным искусством». Некоторое разногласие существовало лишь в отношении стратегии, которая одними понималась как философия всего военного дела (Леер), другими как искусство, а третьими как наука и искусство. Так, Леваль говорит, что

стратегия складывается из мысли и ее применения, данных духовных и материальных, логики и расчета, умозрительной и положительной, т.е. она соприкасается и с наукой и с искусством.

Безусловно правилен взгляд Свечина, что центр тяжести надо перенести на военную историю, т.е., другими словами, он является сторонником прикладного метода изучения военного искусства. Мысль эта не новая, стоит вспомнить Рюстова, Верди дю Вернуа, нашего талантливого профессора А.К. Пузыревского, а в последнее время большинство профессоров академии с Головиным во главе.

Непонятно, почему Свечин умалчивает об истории военного искусства, без чего не мыслим мы продуктивного изучения теории военного искусства в стенах академии.

Талантливый профессор и выдающийся практик А.К. Пузыревский так определял задачу истории военного искусства: «Специальная задача истории военного искусства, — говорил он, — заключается в исследовании тех путей, по которым шло его развитие, понимаемого в обширном смысле, и тех причин, которыми обуславливалось это развитие. Задача истории военного искусства вполне аналогична с задачей общей истории, исследующей пути развития человечества или какого-либо народа. При бесконечной видоизменяемости исторической обстановки, а следовательно, и отсутствии повторяемости тождественных явлений ни общая история, ни история военного искусства не могут дать кодекса законов, подобных тем, которые установлены точным наукам; они могут лишь указать закон развития, каждая в области своего ведения». Вот почему, опираясь на это, на наш взгляд всеобъемлющее, определение военного искусства, мы и считаем изучение его безусловно необходимым.

В третьем своем тезисе Свечин требует расчленения вопроса о военной доктрине от вопроса об единой военной доктрине. Этот тезис не вполне ясен. Общность основ, вытекающих из природы вещей, делает военное искусство разных народов в значительной степени единым.

Это единство, конечно, касается главным образом идейной стороны, но способы применения к жизни общих основ несомненно зависят от особенностей той или другой национальности. Отсюда ясно, что идейная сторона должна быть изучаема в единой для всех военной доктрине, но каждый народ должен иметь и свою военную доктрину. Может, мы ошибаемся, но хотим именно так понимать тезис А. Свечина.

Все науки — общечеловечны, всякое знание ныне стало интернационально, но в то же время всякое искусство национально в том смысле, что оно содержит в себе черты народного характера, народной души, народных стремлений и идеалов, что они проявляются в определенной среде, в особенной у каждого народа обстановке.

Можно ли оспаривать то, что характер, душа, идеалы русского народа другие, чем они у народов желтой расы. Ясно, что мы, русские, должны иметь свою особую военную доктрину.

Переходя к следующему тезису, мы опять-таки не можем согласиться в полной мере со Свечиным, пишущим, что доктрина должна заимствовать у морали ее методы, правила и заповеди и должна быть прежде всего доктриной сердца.

Мы лично полагаем, что доктрина должна не заимствовать у морали, а опираться, базироваться на духовный, моральный элемент, который является главенствующим.

Доктрина, являясь синтезом взглядов всех военных наук, не может быть одним только собранием способов ведения войны, не исследовав в полной мере природы явлений войны. И в этом отношении она должна опираться на духовный элемент, на изучение души человека как бойца. Нельзя, однако, упускать из виду, что практическая деятельность человека состоит из предварительной подготовки им того или другого действия и выполнения. И в этот предварительный период нашей деятельности мы пользуемся познавательными способностями нашего ума, координируемого разумом. Разум, а не сердце дает нам возможность правильно направить наши способности к мышлению, к комбинированию и, наконец, прийти к известному суждению и умозаключению. Теоретическая деятельность разума состоит в уяснении и различении идей, в определении терминов и в строгом соединении мыслей по законам логики.

Результаты логической работы мысли и выразятся в практическом их применении к нашим действиям, т.е. к выработке доктрины.

Итак, если сердце должно участвовать в выработке доктрины, то разум, являющийся совокупностью представлений, утверждений, понятий и принципов, управляющий способностью мышления, переработки и комбинирования, создает доктрину.

Следующим тезисом А. Свечин несколько противоречит предыдущим, говоря, что доктрина, являясь проявлением воли к победе, ферментирует переход мысли в действие.

Но воля есть способность ума производить сознательно и обдуманно, произвольно и свободно какое-либо действие по собственному выбору. Сердце же не может ферментировать мысли в действие, значит, доктрина не может быть прежде всего доктриной сердца.

Далее Свечин пишет, что масштаб для оценки доктрины — насколько она толкает к активности.

Доктрина не толкать должна к активности, а дух активности должен проходить красной нитью через все ее положения. Духом активности она и не может не проникнуться, раз она создается, как дальше говорит сам Свечин, на военно-исторической основе. Нельзя

не согласиться, конечно, со Свечиным, что начальники нуждаются в доктрине. Что же касается войск, то ясно, что раз начальники воспримут ее, то и войска соответственным образом будут подготавливаться. Не понимаем мы, почему автор полагает, что создание доктрины требует огромного общего усилия и подъема и большой работы и согласия наставников армии. Нам кажется, что правильнее было бы сказать не «создание», а внедрение в толщу армии, распространение среди всех и вся.

Если наши центральные правительственные органы со вступлением в созидательный период революции всемерно уменьшают значение власти на местах, то и в разбираемом нами вопросе можно положить конец вредному для армии толкованию вкривь и вкось положений каждым начальником, что было характерным явлением в нашем недавнем прошлом.

Далее Свечин пишет, что доктрина должна создаваться на военно-исторической работе, причем работающим органом должна быть Военно-Историческая Комиссия. При чем же тут его предыдущий тезис, и не ясно ли, что сделанная нами выше поправка вполне соответствует мысли самого же Свечина. Это-то и дает нам право высказать предположение, что все наше с ним разногласие основано на неудачной редакции его тезиса. Что доктрина должна покоиться на данных военной истории, Свечин глубоко прав.

Небесполезным мы считаем привести следующие слова Мольтке: «Изучая военную историю, мы должны познать те постоянные данные, с которыми нам придется считаться. Только этим путем мы можем составить себе представление о том, что вообще возможно и выполнимо на войне. Только опыт войны даст нам возможность ознакомиться со значением тренировок, случайностей и личности на войне, т.е. с такими данными, которые почти не поддаются теоретическому исследованию».

Но в то же время опытом прежних войн можно пользоваться в такой степени, в какой он может быть приурочен к современности. «Нужно уметь вовремя отказаться от устаревших положений и заменить их новыми, соответствующими прогрессу эпохи» (Рюстов).

Малое знакомство с прошлым нашего военного искусства являлось одной из главнейших причин, почему мы стремились подражать западноевропейцам, как бы боясь проявить свою самобытность.

Мы кричали, что доктрина германская проникнута духом активности, а разве во времена Дмитрия Донского, Петра, Румянцева, Суворова, Скобелева мы не дали в деяниях их образцов активного начала?

Лесная, Ставучаны, Ларга, Кагул, все бои Суворова разве не образцы наступательных боев? Полтава, Кунерсдорф, Рущук — не выжидательные? Гросс-Эгерндорф, Цорндорф, Пултуск, Кулевча — не активно-оборонительные?

Миних еще писал: «Атака придает солдату бодрость и поселяет в других уважение к атакующему, а пребывание в недействии уменьшает дух в войсках и заставляет их терять надежду». Не Суворов ли еще писал: «Атака в центр невыгодна, в крыло, которое слабее, более удобна». Не мы ли кричали, что действия на фланги — прерогатива германцев.

Тот же Суворов требовал: «Само собою разумеется, что не нужно на гору фронтом всходить, когда боковыми сторонами оную обойти можно». И таких мыслей в прошлом нашей армии найти можно сколько угодно, не заимствуя не под маркой современности только потому, что они украшены словами «Made in Germany».

Свечин полагает, что доктрина является тактическим мирозерцанием, находящимся в тесной связи с условиями эпохи и характером народа и войск. С этим тезисом мы позволим себе не вполне согласиться. Мирозерцание требует работы воображения, которое только тогда бывает плодотворным, когда оно контролируется разумом.

Для создания доктрины нужно творческое сочетание представлений, сообразно с законами и целями разума. Эти сочетания будут чужды противоречий и образуют связное, стройное и гармоническое целое. Вот почему более понятным было бы, если бы Свечин сказал, что создание доктрины требует воспроизводящего и творческого воображения. Первое собирает материалы для второго. Воображение дает опору нашему уму, в которой он нуждается для сознания своих идей. Оно необходимо для подготовки будущего.

Что доктрина должна находиться в тесной связи с общими условиями жизни народа, с его социальным устройством, его характером — это истина, ибо военное дело — лишь осколок культуры в специальной среде. Создавая доктрину, нужно считаться с культурой, с цивилизацией народа.

Интересно, что понимает Свечин под тем, что доктрина должна иметь фронты для борьбы с материализмом и интеллектуализмом. Материализм неизбежен, а второе правильнее было заменить индивидуализмом. Далее он пишет, что доктрина почтения, прощения, соболезнования не способна выковать дух солдата. При чем тут доктрина? Затем он говорит, что она должна быть хищной, суровой, безжалостной к поражению и побежденным. Как согласовать это с требуемой доктриной сердца тем же Свечиным?

Заканчивая этим настоящую заметку, мы считаем необходимым подчеркнуть, что вовсе не стремимся к полемике, а лишь к вящему освещению важного вопроса.

(Военное дело. 1920. № 9. С. 257–258)

Если нас в минувшей войне побеждали или, вернее, имели успех над нами, то не потому, что у противников наших было все идеально хорошо, а потому, что многое, очень многое было плохо у нас самих.

Нам нужна армия, сильная своим духом, сильная своей дисциплиной и знанием своего дела, сильная верой в тех, кто ею руководит.

Без знания своего дела, без надлежащей подготовки всего командного и личного состава армия в век грандиозных успехов техники всегда будет иметь поражения.

(Измесьев П.И. Краткое руководство по элементарной и общей тактике. Петроград, 1919. С. 3)

О военной доктрине

Д. Парский

Я думаю, что доктрина есть совокупность общих основ, характеризующих принятое в армии учение о бое и подготовке к нему в широком смысле слова.

Основы эти проникают сквозь всю толщу армии и прививаются ей путем соответствующего ведения, т.е. воспитанием, специальным образованием и всем укладом военной жизни и службы.

Фундаментом для доктрины служат выводы из опыта военной истории и современное состояние военного дела.

Доктрина должна вполне соответствовать общему духу времени и складу военной жизни, а также — природным данным, особенностям и культуре народа. Иначе она не проникнет глубоко в массу армии, будет отвлеченной, книжной, а не жизненной, каковой непременно должна быть по существу и без чего не будет доктриной в настоящем значении этого слова.

Из этого следует, что одной общей, вполне одинаковой для всех военной доктрины быть не может; в силу тех или иных условий она может быть очень близка другой, но всегда будет от нее более или менее отличаться, носить на себе отпечаток известной особенности. И мы различаем доктрины немецкую, французскую и другие.

Чем культурнее или самобытнее народ, чем определеннее проявляются в общей и военной жизни его природные качества и особенности, чем более организовано его политическое и социальное устройство, чем большую, наконец, борьбу пришлось и приходится вести ему, тем определеннее и яснее выражена военная доктрина, тем больше будет отвечать она народной сути.

Смелая, наступательная доктрина немецкой армии, полная самоуверенности и проникнутая духом широкой инициативы, взаимной ориентировки и связи, явилась не сама собой, не только следствием соответствующего ведения армии, а была производной от общего состояния и свойств германского народа. Поэтому-то она и была именно такою, а не какою-либо иною.

Участников войны 1914–18 гг. поражало большое единообразие и согласованность в действиях немецких войск, которые мы не привыкли видеть у себя. Это было вполне естественно и обуславливалось тем, что немецкая доктрина была именно жизненной, проведенной сверху донизу сквозь всю толщу армии, сознательно ее усвоившей, вполне отвечала современному общему складу жизни и природным данным народа.

То же самое видели мы и в японской армии, с которой встретились в 1904–05 гг. Разве такой военно-нравственный кодекс, как Бушидо, мог дать армии какой-нибудь другой народ? И разве в этом кодексе не отразилась ярко душа Японии, как он сам говорит о том?

Наоборот, чем менее культурен народ и меньше сказалось на всем его творчестве, чем слабее организован он во всех отношениях или чем дальше стоял от широкой исторической жизни, тем неопределеннее обыкновенно доктрина армии, тем меньше проникает она в массу ее и связывает последнюю в одно целое. Физиономия такой армии не определена; она не имеет единого военного языка в широком смысле слова, и действия ее не могут отличаться необходимой согласованностью. Таковою во многом была наша старая армия в последнюю эпоху ее жизни.

У нас военная доктрина если и была, то больше отвлеченная, как бы официального характера и притом преимущественно заимствованная у других; она не проходила глубоко в толщу армии, в ее жизнь и службу, а потому и не могла прочно прививаться ей и сделаться доктриною по существу. Наш старый общий режим, наложивший на все и вся свою тяжелую и вредную печать, обусловил собою и соответствующий «казенный» уклад жизни и службы армии с его характерными чертами, давший в результате придавленность, отсутствие смелости мысли и духа, инициативы и самостоятельности, недостаток согласованности, связи и т.д. Природные свойства и особенности народа, его творчество не могли проявляться в армии, уклад которой был совершенно чужд русской душе.

Наши воинские части отличались большою пестротою своих боевых достоинств, а командный состав, слабый вообще, в особенности старший, поражал несовременностью своих взглядов и разнообразием военных понятий. Необходимых для успеха единообразия и согласованности в армии не было, что и сказывалось особенно рельефно в действиях больших войсковых соединений, управление которыми значительно сложнее и где запросы на взаимное понимание, связь и поддержку гораздо больше. В небольших частях, по отношению которых эти требования элементарнее, где сами действия проще, а положительные стороны войск сказывались сильнее, там мы действовали много лучше и нередко имели успехи.

Это явление, подмеченное наблюдательными иностранцами (Гамильтон, фон Теттау) еще в Маньчжурии, было чрезвычайно характерно.

Наши технические и боевые уставы и наставления были в общем не хуже заграничных, но влияние их в армии было невелико: идеи и требования этих войсковых руководств систематически разбивались о русскую военную действительность, о существовавший в армии жизненный и служебный уклад, в котором они не только не находили себе поддержки и спроса, но, наоборот, встречали полное и определенное несоответствие, почему и оставались преимущественно мертвой буквой.

Если бы у нас была военная доктрина в настоящем значении этого слова, то не было бы того шатания и «разнобоя», которые так характерно отличали наше высшее управление армией, безжизненности и бумажности большинства его требований и распоряжений; мы не имели бы таких несоответствующих основных уставов и не придали бы всему укладу воинской жизни и службы такого несовременного и вредного для дела направления.

В нашем прошлом военная доктрина Суворова была далеко не общим явлением в армии, а частности, не единой русской военной доктриной, а именно «суворовской», т.к. в ее духе велись только войска Суворова, она вдохновлялась его личностью.

Суворовская школа, давшая результаты непосредственно при его жизни и сказавшаяся, отчасти, в 1812 году, вскоре совершенно исчезла из обихода русской армии под влиянием николаевской эпохи с ее всеобщим напугом и зажатостью, казарменщиной и фронтовым одеревенением.

Существовала у нас долго и особая кавказская боевая школа, но она была опять-таки частным явлением; ее влияние почти не распространялось на остальную армию. Известно, что в последней кавказских служак ценили невысоко за плохое знание фронтовых тонкостей и плац-парадного обихода.

Конечно, в ограниченном, упрощенном смысле и николаевская армия имела свою доктрину, если только можно ее так назвать.

В дальнейшем, под влиянием общего духа времени и прогресса, с ростом численности и усложнением военного дела, наконец, с возраставшим все более значением техники, армия наша постепенно теряла свой характерный облик и твердую запечатленность уклада. Она обратилась в огромный организм (вернее, механизм), не объединенный единою военною мыслью и духом не имевший общего для всех языка и взаимной связи, а потому не способный к вполне согласованным действиям.

Отсутствие доктрины сказывалось все больше и чувствительнее и ярко проявилось в поражениях двух последних войн.

Из всего сказанного выше следует:

Во-первых, что нормально организованная и вполне боеспособная современная армия не может не иметь единой для всех доктрины. И, во-вторых, что доктрина должна быть вполне современна, вести армию за собой, а не плестись в хвосте общей и военной жизни; она не может оставаться неподвижною, застывшею, а должна постепенно преобразовываться, принимать новые формы сообразно с духом времени, ростом культуры, с состоянием военного искусства вообще и в частности с развитием техники, приобретающей все более и более могущественное значение в военном деле.

Естественно также, что и доктрины армий разных государств, связанных более или менее тесно во многих отношениях (историческая жизнь, экономическая связь, общая и военная культура и пр.), не будут обыкновенно резко отличаться между собой. Быстрый рост технических средств войны еще более способствует этому.

Понятие о военной доктрине обнимает собой не только умственную и техническую стороны военного дела, но прежде всего и нравственную, которая стоит на первом месте. Учение о бое должно исходить из внутренней природы человека, являющегося главным орудием войны. Суворовская «Наука побеждать» еще не исчерпывала всей его доктрины; как известно, ей предпосылался целый военно-нравственный катехизис в виде особых поучений.

Основы доктрины должны быть резко проведены через всякого рода подготовительные военные школы, сквозь весь уклад жизни и службы войск и всех учреждений армии; в последнем она должна находить себе вполне благоприятную почву, так как только жизненным, практическим путем можно распространить доктрину в толще армии и прочно привить ей все необходимое.

Ближайшим проводником и рассадником доктрины в армии является ее командный состав и Генеральный штаб вообще, а главным к тому средством — вся система ведения войск, и в частности, принятые в ней уставы и наставления; последними масса армии и руководствуется в своем воспитании в специальной подготовке, а потому они должны ясно и определенно выражать основы доктрины и находиться в полном с ней соответствии.

Военно-нравственная сторона доктрины должна быть проведена преимущественно в главнейшем из воинских руководств (я называю его основным уставом), едином для всех и заключающем в себе все важнейшие моральные воинские догматы и принципы.

Собственно боевая доктрина должна быть выражена как в наставлениях, ведающих технической подготовкою, так главным образом и в тех, которые указывают пути и средства для боевого использования войск (полевой устав и др.).

Все эти воинские руководства непременно должны исходить из основного воинского устава и тесно связываться друг с другом, представляя собой вполне цельную и стройную систему уставного законодательства армии.

Большую помощь в деле установления в армии единой доктрины должна оказать военная литература вообще и в частности учебники для школ, подготовляющих командный состав, Генеральный штаб и т.д. Поэтому направление военной литературы имеет чрезвычайно важное значение в этом отношении.

Как сказано было выше, доктрина должна сообразоваться со свойствами и особенностями народа, быть ему близкою, отвечать его существу и состоянию. Только тогда можно вызвать к жизни его наиболее сильные и полезные для дела стороны, что обусловит собою подъем военного творчества и придаст армии большую нравственную крепость.

Так вели свои войска все выдающиеся вожди. Величие Суворова главным образом и состояло в том, что он сумел это понять, расценить и использовать на деле, как никто другой: в этом отношении его школа, как близкая нам по духу и дающая быстрый беспромашный результат, является для нас особенно поучительной.

А для этого прежде всего необходимо стремиться как можно ближе познать народ (войсковую массу) с его основными чертами и особенностями и умело претворять последние в военную жизнь и службу с пользою для дела.

Эти черты и особенности должны быть соответствующим образом запечатлены во всем укладе войсковой жизни, и службы вообще, и в частности в основном воинском уставе, являющемся его выразителем.

Все технические, подготовительные руководства должны также считаться с этим в необходимой степени; в боевых же наставлениях упомянутые черты и особенности сказываются лишь постольку, поскольку могут быть согласованы с современным состоянием военного дела вообще и в частности с военной техникой.

Доктрина должна быть формулирована кратко, в самых общих чертах, отнюдь не входя в детали и подробности, а обнимая собою лишь главные основы современного учения о бое и подготовке к нему в широком смысле слова. Военная доктрина необходима не только командному составу, но всей армии в ее целом, от главы военного управления до рядового

красноармейца включительно, в каждой школе, воинской части, в любом штабе и учреждении, обслуживающем войска. Она должна быть единой для всех по существу, но разной по своему объему, вести армию за собой, связывать в одно целое все ее части и согласовывать их действия.

Высшее управление армией с помощью командного состава и Генерального штаба как органа, ведающего подготовкою к войне и боевым использованием войск в широком смысле этих слов, должно все время сохранять за собою главное руководство военным делом, вести его в определенном направлении и связывать в единое целое все его стороны и виды, приводя их в полное соответствие и гармонию как по отношению военной доктрины, так и друг друга. Оно обязано регулировать дело, своевременно вводя в него необходимые коррективы сообразно с выводами из современного боевого опыта и ходом общей и военной жизни, чутко реагировать на важнейшие их явления и сохранять с массою армии постоянную и тесную связь по существу.

Из этого следует, как важно для успеха дела создать прежде всего определенную военную школу и подготовить себе надежных помощников в лице командного состава и Генерального штаба, которые пронесли бы учение доктрины в самую толщу армии и помогли бы последней сознательно усвоить его.

Но кто же именно должен зародить и бросить в армию семена нашей будущей доктрины?

Это может сделать только тот орган высшего управления армией, который ведает подготовкою к войне в широком смысле этого слова, а именно — Генеральный штаб с его начальником во главе.

Созданная доктрина, окрещенная единой мыслью и духом, должна дать общее направление всей деятельности армии, ее жизни, службе и боевой подготовке.

Основы ее могут быть выражены в особом кратком наказе армии, обнимающем все необходимое, который должен лечь во главу всех воинских руководств, инструкций для разного рода военных школ и для всех учреждений, обслуживающих войска.

Все стороны доктрины должны находиться в полном и взаимном соответствии: нравственные основы проходить через техническую подготовку и боевое использование войск, а последние — предъявлять к ним свои требования и опираться на них.

Доктрину нельзя выдумать, что называется, из головы и предписать войскам к исполнению; ее необходимо именно создать, исходя из всего сказанного выше, причем в работе этой должны участвовать только наиболее опытные, широко образованные люди вполне современного склада, близко знающие народ и армию.

Не менее важно наряду с этим создать постепенно в армии такой уклад жизни и службы, который являлся бы вполне благоприятной почвой для проведения в жизнь всех начинаний сверху.

Военная литература может дать богатый материал для выяснения сути и главных основ доктрины. Поэтому необходим дальнейший обмен мнений по этому вопросу как в Военно-Исторической комиссии, в Академии Ген. штаба и иных учреждениях, так и в печати.

И если мы не придем к более или менее обстоятельной и однообразной формулировке понятия о военной доктрине и не вполне выясним ее общие основы, то, без сомнения, можем яснее и шире осветить этот важный вопрос вообще, прийти к известным выводам и помочь найти путь к наиболее правильному разрешению задачи...

(Военное дело. 1920. № 6. С. 161–166)

О военной доктрине

Е. У.

Неудачная война наша с Японией, а также последняя война с Германией и Австро-Венгрией, естественно, должны были вызвать брожение военной мысли и некоторый ее подъем, причем, между прочим, поставлено на очередь обсуждение вопроса о военной доктрине. Началось оно не очень гладко; высказаны мнения, в такой мере несогласованные и несогласимые, что представляется неясным самое понятие о доктрине и определение ее содержания.

Когда говорят, что военная доктрина есть «пророческий глас военного гения», то с этим невозможно согласиться потому, что гений составляет случайное явление в жизни человечества, а если его не будет, то не услышится пророческий глас и, стало быть, не будет доктрины, которая при данном условии становится также случайным явлением. Когда говорят, что «военной доктриной называется угол зрения, под которым понимается военная история и освещается ее опыт и поучение», то такое определение представляется расплывчатым, неясным и неточным. Когда говорят, что в военной доктрине нужно различать три момента и что первый из них есть «взгляд на войну данного общества и правительства, еще лучше всего народа, если он для этого созрел. Соответственно этому взгляду будут и внешняя политика вестись, и строиться вооруженные силы (до экономики и

воспитания детей включительно)», — то такое определение представляется слишком широким, так как захватывает области, не имеющие прямого отношения к доктрине. В буквальном понимании доктрина есть учение, военная доктрина, военное учение; но это определение слишком общее, а более частное состоит в том, что военная доктрина есть то или иное понимание интеллектуальными силами данного военного мира, сущности явлений войны и образа действий войск при различных их положениях.

Есть военные, отрицающие необходимость доктрины и почитающие ее не только бесполезной, но даже вредной, так как доктрина порождает доктринеров, то есть людей, прилепляющихся к доктрине, как слизьяки к сырой стене, и утрачивающих способность из-за деревьев видеть лес. Несомненно, что доктрина, как и каждое человеческое установление, и способна, и склонна отставать от времени, терять жизненность и обращаться в рутину, но это вовсе не природа доктрины, не органическое ее свойство, а только свойство людей, ее исповедующих; лекарство же от болезни в том, что военная мысль неустанно работала и поддерживала доктрину на уровне современного состояния военного дела. Если же мысль слабеет и становится бездеятельной, то это опять-таки не вина доктрины. Несомненно и то, что доктрина в практическом ее приложении способна стеснять деятельность особо талантливых военных людей, но, как показывает опыт, такие люди всегда найдут выход, и они-то прежде всего способны обновить доктрину, так как ясно видят ее недостатки по отношению к данному времени.

Высказано такое положение, что необходимой предпосылкой должен быть расцвет русской военной истории, которая только и может произвести на свет русскую доктрину. Очень трудно стать на такую точку зрения. Для расцвета истории необходимо появление талантливых историков, а так как это дело чисто случайное, то и выработка доктрины относится на долю случая. Учитель у нас один: военная история вообще, военный опыт всех времен и народов, который дает достаточный материал для построения доктрины. Русской военной историей пренебрегать не приходится, но нет оснований, в силу которых нужно было бы только ею ограничиваться. Военная доктрина должна быть истиной для данного времени, а истина не нуждается в печати какой бы то ни было национальности, она космополитична. Поскольку военная доктрина будет установлена русской военной мыслью, она неизбежно станет носить некоторые отличительные особенности русского понимания и ума, и потому хорошо, если хватит сил выработать собственную военную доктрину, но если нет, то можно ее и заимствовать, так как лучше что-нибудь, чем пустое место. Пример: Япония, которая не могла выработать самостоятельную доктрину и целиком заимствовала ее у немцев, но прекрасно усвоила и умело применила к делу, так, что нам же пришлось учиться у японцев.

Пока доктрина составляет достояние только более светлых умов данного военного мира, она висит в воздухе. Чтобы получить практическое значение, доктрина должна проникнуть всю толщу этого мира и найти выражение в повелительных требованиях войсковых уставов. Люди, отрицающие необходимость и полезность военной доктрины, должны отрицать и уставы именно потому, что они служат выражением доктрины.

И действительно было бы хорошо заменить повременно отмирающие нормы уставов всегда жизненным и новым творчеством, но для этого нужно много творцов, а между тем они составляют только редкое исключение из общего правила. Хорошо уж и то, если в массе военной силы удастся подготовить хороших ремесленников военного дела и в лучшем случае мастеров, на рядовое же творчество, составляющее особую способность духа, рассчитывать никак не приходится.

Итак, доктрина необходима, и притом единая, общепринятая доктрина, так как только при этом условии она может найти практическое выражение и перелиться в жизнь. В воздухе может носиться несколько доктрин, но должен быть сделан разумный выбор, ибо истина одна; в противном случае мы должны будем постоянно повторять вопрос скептика Пилата: «Что есть истина» и не признавать ни одной.

А пока вопрос о военной доктрине находится в области обсуждения, нам необходимо тщательно разобраться в понятиях, тесно соприкасающихся с этим вопросом, понятиях о знании и умении, о воспитании и образовании, о разуме и воле с тем, чтобы правильно определить их взаимоотношения. Только при этом условии мы в состоянии будем правильно ссылаться на авторитет таких учителей военного дела, как Суворов, Драгомиров. И тот и другой не придавали особого значения доктрине и ставили в первую голову неизменные свойства человеческой природы, психологию. В частности, Драгомиров, вдохновляясь суворовской «наукой побеждать», постоянно повторял, что военное дело не столько умовое, сколько волевое. Разум в каждом положении войск подсказывает тысячи решений, но выбрать нужно одно, и если оно даже далеко не лучшее, то энергия исполнения все же способна дать великолепные последствия. Поэтому Драгомиров, как в свое время и Суворов, ставил на первый план не обучение войск, которое дает знание и умение, а их воспитание, которое образует характер. Условия, в которых приходилось действовать Драгомирову, не давали ему возможности применить выработанные им приемы воспитания в полном объеме, но достаточно известно, что он неизменно настаивал на необходимости систематически приучать войска к постоянной опасности и к подавлению вполне естественного, но опасного в военном деле чувства самосохранения.

В заключение несколько слов по поводу высказанного мнения о том, что должна быть выработана непременно русская военная доктрина на основах русской военной истории.

Неясно, что нужно разумать под русской военной историей: есть ли это история войн, введённых Россией, или же это военно-исторические труды русских историков. Во всяком случае, возьмем для примера целое столетие, с 20-х годов прошлого века и до настоящего времени. За этот долгий промежуток были войны 28–29 гг. в Турции, 30–31 гг. в Польше, 1849 г. в Венгрии, Крымская война, 1877–78 гг. с Турцией, война Японская и, наконец, последняя война с Германией и Австро-Венгрией. И все эти войны дают только отрицательные образцы применения военного искусства с нашей стороны. Оно, конечно, очень поучительно знать, как не следует действовать на войне, но не мешает иметь в виду и положительные образцы применения военного искусства, а их приходится искать вне России. Если же под русской военной историей разумать труды русских историков, то за указанный промежуток времени затруднительно указать хотя бы одно талантливое исследование, подписанное русским именем. Значит, так или иначе, а приходится искать основ для доктрины вне пределов России.

(Военное дело. 1920. № 10. С. 291–293)

Единая военная доктрина

А. Снесарев

27 февраля и 12 марта, в очередные пятницы Военно-Исторической Комиссии, состоялся интересный доклад А.А. Свечина на тему об единой военной доктрине, а затем последовали очень живые и интересные прения. И эти прения вскрыли тот удивительный, пожалуй неожиданный, факт, что мнения присутствующих о военной доктрине оказались крайне разноречивыми, трудно сводимыми к одному целому и представили очень сложную лестницу *du grand au ridicule*. Это побудило автора нижеследующей статьи набросать сжатую картину и своих дум по затронутому вопросу.

Подойду к вопросу исторически. В области военных поражений от начала веков и поныне улавливаются два главнейших психологических момента: чувство ужаса, трепета пред врагом и чувство раздробленности и бессвязности; остальные моменты менее выпуклы и, вероятно, могут быть сведены к этим главным двум. Для того чтобы вызвать первое чувство, в истории войн фигурировали раскрашенные войны, комбинация устрашающих звуков, слоны с косами на ногах, китайские драконы, а на наших глазах — артиллерийская подготовка, газовые волны, бросаемые с аэроплана бомбы; чтобы вызвать второе чувство,

выдумывали стратегемы: проявляли внезапность, рвали связь, обходили с тыла, били косыми ударами и т.д. В первом случае наблюдалось скорое привыкание к ужасам; китайские драконы так же быстро теряли свой пугательный смысл, как и немецкая 42 сантиметровая гаубица; второй оказывался более сильным и прочным. Поэтому для победных достижений всегда и упорно старались сохранить в рядах воюющих чувство связности или содружества, обуславливаемое главным образом единством действий и приемов, и вот стремление к единству, к цельной связности и является тем доминирующим девизом, который красной нитью проходит по страницам военной истории. «Один в поле не воин» или «один за всех, а все за одного» — эти формулы так же хорошо знакомы дагомейцам, как и современным немцам или французам.

Во времена рудиментарных тактических форм, когда бои происходили на пяточке, а главнокомандующий лично и непосредственно мог руководить боем, единство действий достигалось без труда. Для этого довольно было несложного, но одинакового вооружения, нескольких усвоенных манипуляций с оружием и заученных на слух десятков-другой уставных правил, и с этим скромным багажом нехитрое военное искусство достигало своих победных целей. А если, паче чаяния, в бою наступали сюрпризы и войскам грозила перспектива разорванности или крушения единства, появлялся на помощь вождь с его знанием дела, высоким влиянием и чудесной находчивостью. Аннибал, по преданию, во время сражения при Каннах находится на небольшом холму и, видимый каждым из своих соратников, направляет их к сокрушающей победе. Махмуд Газнийский в бою с узбеками сидит на огромном белом слоне и с него руководит как всем боем, так и, в частности, действиями своей кавалерии.

В Средние века военное дело не усложнилось, а сражающиеся отряды были еще скромнее, чем раньше, поэтому для проведения единства действий в жизнь достаточно было или современного военного искусства в форме некоторых теоретических положений, выводов из истории, уставных данных и усвоенных навыков или, в частном случае, наличности военной школы, созданной каким-либо великим мастером боевого дела.

Но уже в глубинах Азии нам приходится наблюдать нечто более сложное, чем одно лишь военное искусство, и именно в явлении Чингиса. Работая конными отрядами по преимуществу и разбрасывая их на многие сотни верст, великий монгол понимал, что единство военных действий подвергается большому риску, и он старается обеспечить таковое целой серией приемов. Создает законы для народа, сильно приуроченные к задачам войны, пишет законы и правила войны, организует систематические маневры (охоты), ведет очень частые беседы с начальниками как перед войной, так перед боем и после него... Эти широкие и разнообразные пути к достижению единства военных действий и приемов

выходят уже за рамки понятий военного искусства или военной школы и являют собою зародыш того, что мы называем ныне военной доктриной.

С первыми годами XIX столетия начинается период уширения и углубления войн, когда таковые последовательно идут к захвату всех сторон народной жизни, неуклонно проникая во всю толщу государственного организма: «Прошли те времена, — говорит Мольтке, — когда небольшие отряды, состоящие из наемных солдат, вызывались в поле во имя династических интересов лишь для того, чтобы, завоевав какой-либо город или кусок территории, вернуться на зимние квартиры или заключить мир. Современные войны зовут к оружию целые народы, нет ни одной семьи, которая не была бы вовлечена в нее. Все финансовое могущество страны берется на учет и т.д.» Так скромно писал Мольтке в 1887 году. А вот как говорит Штегеман, историк мировой войны 1914–1918 гг. об ее размахе: «Война разорвала все связи, существовавшие между народами, и спутала все человеческие отношения. Старая Европа была сожжена на костре, сложенном из городов, деревень и лесов Бельгии, Франции, Восточной Пруссии, Сербии, Польши, Галиции, Румынии и Северной Италии. Безмерное число людей пало жертвою, хлебные поля Востока и культурные углы Запада были растоптаны апокалиптическими всадниками».

Но в этой свалке народов и царств, когда война с площади, раньше обозреваемой с одной колокольни, расширяется до размеров площади чуть ли не всей нашей грешной земли, главный стимул победы — единство и цельность действий — должен быть соблюден во что бы то ни стало, как бы это ни было трудно и как бы это ни было сложно. Теперь нужно какое-то единство действий, уже распространенное на все государство в его целом, продуманное и пережитое до войны и проведенное во время ее во всей широте и глубине своего содержания. Это будет какая-то сумма военных целей, понятий и приемов, принадлежащих не только военному слагаемому государства, а всему государству, это будет его цельное военное мирозерцание. И это то, что мы пока еще не отчетливо, расходясь в подробностях и формулировке, называем единой военной доктриной.

Жизнь властно задает это новое обобщение в области военных пониманий, но нет ничего мудреного, что таковое по своей сложности и новизне легко нам не дается, вызывает разрозненность суждений и, может быть, окончательно будет осмыслено разве тогда, когда сама жизнь подведет искомой идее свой решающий итог.

Какие же элементы можно читать, скорее чувствовать, входящими в понятие единой военной доктрины?

Прежде всего ясно выявляется элемент текущих государственных задач или достижений; эти достижения составляют целевую сторону общего содержания, намечают собою тот фонарь, на который военная доктрина направит национальные и исторические

заветы народа, опыт его военной истории, основы военной науки и т.д. У некоторых народов такие достижения насчитывают за собою многие сотни лет: у Англии, например, неоспоримое господство на морях, кумиру чего страна поклоняется всем своим духовным и материальным достоянием; у других они тянутся десятки лет, как, например, у Германии — создание могучего средневропейского государства на платформе национального объединения; у некоторых, как у Японии, — стремление на континент Азии и острова Великого океана как охватывающий нацию политический мотив, — мы видим рожденным чуть ли не на наших днях.

Вторым существенным элементом содержания военной доктрины будет совокупность военных основ в их теоретическом опознавании и в их практической разработке и приложении. В теоретическую часть войдут конечные выводы военной науки, последние итоги военной истории, ближайшее слово военной техники и т.д., т.е. существо современной военной науки и современного военного искусства, а в практическую — вся та сумма заблаговременных практических работ — организация всестороннего осведомления, планы кампаний, военно-воспитательная программа, область техники, мобилизация всех видов и т.д., в которую переливается в предвидении войны конечный теоретический итог военного дела.

Этот второй элемент иначе можно назвать областью высоких военных пониманий и разработок.

Третьим элементом будет совокупность практических приемов, вытекающих как детализированное следствие из первых двух элементов и распространенных на сферу военнотехнического — на полях сражений и военно-материального — в тылу страны. Учебники, инструкции, уставы, программы школ, маневры, руководящие указания в тылу, связанные с мобилизацией войск или отраслей народного труда... вот систематизированное выражение этих приемов.

Наконец, чувствуется еще один элемент в содержании военной доктрины, где будут проявляться вековые особенности и сноровки народа, которые сыграют роль или коррективов, или прослоек, или замены того, что этому народу будет предложено в качестве теоретически идеального. Народ на всем — в бою, в тылу, в период подготовки к войне, во всяких перипетиях войны — проявит свои навыки, свой национальный уклад, может быть, пойдет часто врозь с желаемым, часто наложит известную даже косность на совершенные научно доказанные формы дела.

Этот элемент из содержания военной доктрины топором не вырубешь, и в таковое он должен быть уложен хотя бы непрошеным гостем.

Базируясь на такое содержание понятия единой военной доктрины, мы могли бы ее определить как совокупность военно-государственных достижений и военных основ, практических приемов и народных навыков, которые страна считает наилучшими для данного исторического момента и которыми проникнута военная система государства от верху до низу.

Если мы обернемся взором на Русско-японскую войну, то мы, вероятно, с полным правом можем сказать, что Япония располагала единой военной доктриной, а Россия ею не располагала и что, может быть, в этом-то и кроется успех первой и неудача второй по преимуществу. Было ли в России единство мысли в области поставленной государством задачи? Не было. Часть общества признавала нужным достижение теплых вод океана, исторически запрещенных нам в районе Средиземного моря или Персидского залива, другая — в задачах на Дальнем Востоке не видела ничего, кроме авантюры или создания политических пластырей. Молодое поколение солдат дралось хорошо и не было обуреваемо сомнениями, критиканством или нытьем, этой вечной могилой для победных достижений, но прибывшее позднее другое поколение бородачей принесло с собою совершенно иной психологический уклад и оказалось лишь тормозом на полях сражений.

В области военных основ царила разногласица, разбивавшая общую группу начальников на одинаковомыслящие кружки; мобилизация и сосредоточение войск выполнялись нецельно, без должной руководящей идеи; царили усмотрения и импровизации. Даже в сферах практических приемов люди Киевского военного округа выполняли боевую работу по совсем иному фасону, чем, например, люди Варшавского военного округа. Пока ограничусь одним этим примером.

Исходя из намеченного мною определения понятия об единой военной доктрине, попробую на фоне его выяснить те недоразумения и сомнения, которые связаны с этим понятием. Прежде всего, само слово «доктрина». Почему говорят, что это слово, а не другое? Да потому, во-первых, что близлежащие по своему содержанию слова «наука», «учение», «система» слишком подержаны на словесном рынке, «доктрина» — по крайней мере у нас — значительно свободна. А, во-вторых, это и не так уж важно. Можно взять и другое слово, например тарарабумбия, и исследуемое нами понятие называть «единой военной тарарабумбией», и это не будет худо, лишь бы мы все одинаково разумели ту сумму идей, которая заключена в этих трех словах. Ведь говорим же мы «перочинный ножик», хотя он очень давно никаких перьев не чинит. Конечно, все же «доктрина» лучше «тарарабумбии», так как ее прямое содержание в значительной мере совпадает с новым переносным, а это и в практическом, и в логическом смысле имеет свои плюсы.

Затем поднимается вопрос о расчленении понятия военной доктрины от понятия единой военной доктрины, а некоторые прямо говорят, зачем не просто военная доктрина, а единая военная доктрина. Теоретически, конечно, можно рассматривать содержание и «военной доктрины» как заключающей в себе ту или иную сумму идей, не объединенных цельным единством, но практически интересна лишь единая военная доктрина, т.е. сумма идей объединенная, так как только такая в современной жизни государств поведет к победе и природу только таковой интересно исследовать и обосновать. Ведь нетрудно себе представить несколько военных доктрин, одновременно приютившихся в одном государстве; одна, например, половина населения в одном смысле понимает ближайшие государственные задачи, другая иначе; в сфере военных пониманий также может царить ряд течений, разрозненных между собою, и даже анархия, но какой смысл заниматься каждой из подобных военных доктрин? Разве только чтобы сказать, что это плохо, что в истории народов это вело к поражениям и что такое государство будет неизбежно побито другим, не совершающим греха военного расползания в разные стороны?

Рядом с понятием об «единой военной доктрине» стоят такие понятия, как военная наука, военное искусство, военная школа; нельзя обойти молчанием, в чем новое понятие соприкасается и в чем расходится с этими старыми понятиями?

Я думаю, что выявлять разницу между военной наукой и единой военной доктриной едва ли нужно по ее очевидности. Военная наука есть совокупность обобщений в области военного дела, поднимающихся над влияниями времени, места, народа и техники, т.е. совокупность тех незыблемых основоположений, которые признаются вечными, и признаются такими независимо от того, доказаны ли они, как законы природы (в военной науке таковых еще нет), или намечены, лишь как временные ступени, ведущие в храм этих законов, в форме принципов, рабочих гипотез и т.п. Военная наука может быть только интернациональна. Единая военная доктрина проникнута определенными для данного исторического момента целями и связана единством систематизированного военно-политического материала, вытекающего из этих целей. От науки она берет, когда нужно, сумму принципов для тех областей дела, где уместно и необходимо приложение этих принципов, например область подготовки государства к войне в широком смысле. Как дело практическое и сближенное с теорией искусства единая военная доктрина национальна, а как система, зависящая от судеб истории, культуры народа и техники, она не чужда изменений.

С военным искусством у единой военной доктрины точки соприкосновения неизбежны, так как и та и другая занимаются, во-первых, комбинированием и применением к жизни принципов военной науки, а во-вторых, им свойственно в высокой мере творчество — у доктрины общенародное по преимуществу, хотя и дополненное во многих случаях

субъективным, у искусства — чаще всего субъективное, хотя на длинном периоде и в некоторые моменты истории поднимающееся до степени общенародного (оттуда русское военное искусство такого-то времени, французское и т.п.). Своим содержанием «единая военная доктрина» шире и глубже «военного искусства»; поэтому, например, военным искусством можно было ограничиться в старые времена упрощенных войн, но и то лишь в случае войны частной, простой, а в новые времена одного военного искусства ни для какой войны не хватит, а необходимо военное единомыслие всего народа, воплощенное в лучшие конкретные формы и устремленное на определенную точку государственных упований. «Единая военная доктрина» устойчивее, определеннее, более консервативна; «военное искусство» — более гибко, капризно, оно более творит, рискует, фантазирует. На полях сражений «единая военная доктрина» чаще всего совпадает с «военным искусством», но иногда может и разойтись... вернее, разойдется искусство с доктриной, а не наоборот. Поясню сказанное примерами.

Во 2-ю Пуническую войну Рим побил Карфаген единством военной доктрины, чего у Карфагена не было. На полях сражений Аннибал бил римлян как хотел и где хотел, проявляя искусство необычной тонкости, гибкости и оригинальности, римские же полководцы в проявлении своего искусства были ординарны, вялы, неудачливы: и все же дивный гений Аннибала не мог восполнить отсутствия у пунической республики единой военной доктрины, и он был в конце концов добит серой, но железной и всегда единой военной доктриной восходящего Рима. В этом примере мы имеем случай, когда военное искусство в своих целях и проявлении не находит поддержки в единой военной доктрине, а иногда с нею и расходится.

Действия Гинденбурга в августе 1914 г. в Восточной Пруссии иллюстрируют совпадение единой военной доктрины с военным искусством. Гинденбург, черпая решения, с одной стороны, из данных германской военной доктрины, а с другой — из глубин своего творческого духа, создает план операции, распределяет силы сообразно с этим планом, обеспечивает безопасность операции и т.д., и т.д. Словом, много творит и, как всегда на войне, много рискует, в этом выразилось проявленное Гинденбургом военное искусство; с другой стороны, командуемые им корпуса — начальники и солдаты, — исполняя данную полководцем задачу, одухотворяют ее определенным и одинаковым настроением, вносят в дело свойственные нации точность и законченность, дополняют своим личным творчеством что-либо непредусмотренное, создают решения заново, как одна семья — поддерживают друг друга и т.д. Это германская военная доктрина, осуществленная массой. Мы видим, что в данном случае доктрина и искусство дополняют одна другое до крупного победоносного целого.

Наконец, разница между единой военной доктриной и военной школой главным образом количественная. Военная школа, как и всякая другая школа — художественная, литературная и т.д., — предполагает наличие учителя, который созданием новых форм и приемов в области того или другого искусства дает пищу целой плеяде своих последователей. Так раньше дело и обстояло с военным искусством. Если появлялся военный авторитет, обладавший к тому же педагогическим дарованием, то он создавал определенное, скажем, субъективное военное искусство, которое передавалось его последователями от поколения к поколению, пока не изживало своего содержания и не заменялось каким-либо новым. Чем талантливее был учитель, тем он провидел дальше, смотрел шире и тем дольше существовала его школа, и наоборот... Были военные школы Александра Македонского, у нас — Петра, Суворова; в Средние века мастера военного дела — кондотьери в Италии, вожди ландскнехтов — создавали свои краткожившие школы. Наполеон и школы не оставил, так как был слишком активен и нетерпим, а главное, был плохим педагогом... Мольте также оставил школу, но распространенную лишь на сферы высокого вождения войск, включая сюда и работу Генерального штаба, и тактику, т.е. школу сравнительно узкую.

Теперь, при том осложнении военного дела, которое переживает мир, роль военных школ нужно считать отошедшей в прошлое, так как трудно найти такого всеобъемлющего учителя, который мог бы оказаться на высоте современных требований. Военная школа может еще иметь место в каком-либо частном углу военного дела, и в этом случае она окажется лишь одиноким, хотя и полезным кирпичом в огромнейшем здании современной военной доктрины, но не более.

Остановлюсь теперь на различных определениях единой военной доктрины, чтобы обсудить их под углом предложенного мною. Одно из первых, принадлежащее, кажется, проф. В. Борисову, определяло военную доктрину как «совокупность практических приемов, которые признаются лучшими при современных условиях для проведения в жизнь вечных и неизменных принципов военного дела». Сконструировано определение правильно, но по содержанию оно, на наш взгляд, слишком узко. В нем, например, нет элемента господствующих в данное время теоретических воззрений, а из них обычно вытекает взгляд и на значение крепостей, и на роль конницы, и на тот или другой тип стратегического развертывания, и на смысл или силу технических новостей и т.д. Точно так же в этом определении нет элемента государственных целей, а, как мы говорили, эти-то цели и дают свой определенный колорит доктрине, сообщая ей или дерзновенно-хищнический характер, или медлительно-осмотрительный, или денежно-политический и т.д.; раз у народа нет ясного

государственного устремления, его военная доктрина будет лишена должной линии и темперамента.

Не поправляет дела определение В. Апушкина, по мнению которого доктрина есть «совокупность учений о круге знаний (т.е. выводы военной науки) и совокупность правил в определенной области деятельности (т.е. военное искусство). Это определение шире, чем у В. Борисова, но в нем нет, как и в прежнем, государственно-верового элемента. Кроме того, в конструкции этого определения на видно целевой стороны дела, не указан национально-исторический характер доктрины. Пред нами чисто теоретический архив идей, на одних полках которого сложены «дела» военной науки и на других — «дела» военного искусства... никого не одухотворяющие, никому как будто не нужные и ожидающие терпеливо пыли, чтобы под нею скрыть свое чисто книжное мудрствование.

Третье определение. Военная доктрина является тактическим мирозерцанием, находящимся в тесной связи с условиями эпохи и характером народа и войск.

С конструктивной стороны определение не может вызвать возражений, но слово «тактическое» слишком суживает содержание понятия. Если держаться подобного определения, то его необходимо было бы расширить хотя бы в таком смысле: «Военная доктрина есть военное мирозерцание данной страны в определенный для нее исторический момент». Тогда добавка о «тесной связи» будет излишня, так как в понятие мирозерцания сам собою войдет и генетический элемент, и элемент зависимости и связи с корнями истории и народа... Другим военное мирозерцание, чтобы не потерять своего реального содержания, быть не может. Но и определение в приведенной более широкой форме все же будет грешить отсутствием простоты, будет слишком обще, более пригодно для философского изложения, чем для популярного изложения военных идей в массах. Слабо намечена в нем также целевая сторона дела, так как легко прокладывается в голову мысль о возможности бесцельного мирозерцания, очень полного и обстоятельного, но сводящегося к искусству для искусства.

Затем: военной доктриной называется угол зрения, под которым понимается военная история и освещается ее опыт и поучение. С этим определением едва ли можно согласиться ни со стороны его содержания, ни с точки зрения происхождения доктрины. Что военная история является первоисточником для содержания, объема и качества доктрины, спорить нельзя, но при всем своем значении военная история не питает столь массивного и сложного питомца, каковым, по нашему, по крайней мере, понимаю, является военная доктрина. Да и с познавательной точки зрения нельзя слишком большой суммы понятий создать одним путем анализа, необходима хотя бы передышка или временная опора на синтез, а во многих случаях придется прибегнуть и запросто к интуиции. Это

методологическая сторона дела. Но главное сомнение коренится в невозможности довольствоваться одной военной историей и обойтись без других источников вроде общей истории народа, национальных его особенностей, экономических факторов... Процесс создания той доктрины, которую мы мыслим, на свой, может быть, лад, нам рисуется более сложным, пропущенным через многогранную призму судеб народа в прошлом, его текущих тревог и верований, его экономики, национального уклада, государственного строя, словом, всего народного бытия в прошлом, настоящем и будущем. И, наконец, если доктрина есть только угол зрения, под которым понимается история, то это ведь совершенно еще не говорит о тех или иных практических стезях и уклонах, которые пойдут вслед хотя за правильным восприятием истории. Пред нами только метод оценки или создания доктрины, но нет еще вытекающего из этого метода содержания.

Далее. Военная доктрина есть сумма наставлений и уставов, издаваемых надлежащей властью. После нами сказанного мы считаем себя вправе подробно на этом определении не останавливаться. Трудно себе представить какое-либо военное искусство или военную школу, которые обходились бы без наставлений и уставов, хотя бы в самой первичной форме, хотя бы в форме правил, заучиваемых на слух. Это та предельная сумма форм и приемов, для всех военных обязательная, без фона которой немислимо проявление военного искусства. уставы и наставления — это не военная доктрина, это первая ступень объединения, это элементарно необходимый фундамент, без которого не может строиться никакое здание военного дела вообще.

Наконец, есть такое определение. Военная доктрина есть пророческий глас военного гения. В истории наук наблюдается три рода учений: жизненное, или практическое, кабинетное, или теоретическое, и пророческое. Первым называется такое, которое из теоретических высот спустилось на землю, к народу, проникает его толщу и вызывает в мире людей злые или благие результаты. Условие жизненности учения — это признание его массою, верование в него. Таков ныне социализм, идущий по земле завоевателем. Кабинетным учением будет то, которое живет еще в тиши кабинетов и является достоянием лишь узкого круга специалистов. Учение может воплощать несомненную истину, но оно бесплодно, так как масса его не знает. Об этом хорошо говорит историк Ключевский в предисловии к одному из своих трудов. В истории наук известно много примеров подобных кабинетных учений. Метод исчерпывания, найденный Архимедом, есть не что иное, как интегральное исчисление, но нужно было более 2 т. лет, чтобы этот метод из кабинета спустился на землю и дал неисчислимы научные победы. Один неизвестный миру индус открыл решение квадратного уравнения с двумя неизвестными — одну из труднейших в свое время проблем высшего анализа — задолго до Рождества Христова, но его открытие, как и

открытие Архимеда, оставалось чуждым миру, пока французский математик Лагранж вновь не нашел этого решения в конце XVIII столетия... Вот пример двух истин, застывших в свое время в стадии кабинетной изолированности.

Пророческое учение отличается от кабинетного тем, что оно не располагает и малой группой одномыслящих; оно принадлежит прозорливцу, который одиноко провидит будущее, но которому никто не верит, которого даже побивают камнями. Отожествлять доктрину — эту сложную сумму идей отвлеченного и практического содержания, воплощающую в себе огромную и притом разнообразную программу государственной деятельности, с пророческим голосом военного, хотя бы и гения, — это равносильно желанию только оттолкнуться от серьезного вопроса остроумным афоризмом. Был в древности вдохновенный безумец, который ходил по стогнам великого города и кричал: «Еще сорок дней — и Ниневия погибнет». И люди поверили пророку, оделись во вретича и покаялись все, от большого до малого — и город не погиб. Но этот эпизод является лишь блестящим исключением на огромном фоне всяческих пророчеств. И в этом весь драматизм положения. Пророчеству нельзя отказать в истинности содержания, но ему верит только сам пророк, а «Ниневия» обычно гибнет.

(Военное дело. 1920. № 8. С. 225–233)

Мировая война 1914–1918 гг. положила конец простодушию старой стратегии. Конечно, длиннейший опыт войн давно уже таил в себе много признаков, указывающих на узость усвоенной в XIX веке стратегической мысли...

Мир воюющих с одной стороны и удерживающихся от войны с другой — представлял картину столь неодинакового во всех отношениях — политическом, экономическом, в смысле риска и устойчивости — положения, что подобная неравномерность была нетерпима; она грозила полным нарушением грядущего равновесия. Эти соображения, а также тяжкая потребность вербовать союзников, чтобы тем увеличить людскую массу и средства, вызвали сначала рост борющихся коалиций, а затем втянули в войну — прямо или косвенно — весь мир нашей планеты... Судороги войны отзывались во всех ее углах. Это обстоятельство вносило в содержание стратегии столь сложные темы, которые, конечно, не могли предвидеть старые теоретики и которые далеко выбрасывались за пределы чисто военных, т.е. непосредственно связанных с войной, интересов и соображений.

Мог ли современный стратег при таких условиях довольствоваться старым стратегическим рецептом достижения решительного боя? Об этом не могло быть и речи. Для него теперь нужны были какие-то конденсированные мозги, какие-то необъятные знания, какие-то исключительные кругозор и прозорливость. Ему приходилось быть и военным, и политиком, и экономистом, и финансистом, и всесторонним техником, и настойчивым агитатором.

(Снесарев А. Гримасы стратегии // Военная мысль и революция. 1923. Кн. 4. С. 76–78)

Военная доктрина

А. Анухтин

Вопрос о военной доктрине на моей памяти был поднят еще при старом режиме в виде двух-трех статей, как бы нечаянно проскользнувших на страницах «Русского инвалида». Может быть, авторы и чинили перья, готовясь подарить нашу военную литературу дальнейшим развитием затронутого вопроса, но действительность жестоко пресекла в корне это доброе начинание.

Насколько помню, вскоре появился фельетон, в котором читателя убеждали в бесполезности всяких новшеств. Все, что нам знать надлежит, давно сказано в учебниках Драгомирова и Леера; значит остается выполнять каждому свои служебные обязанности, отринув всякое стремление к суетным измышлениям.

Вслед за таким предупреждением читателя последовало секретное, а потому всем хорошо известное распоряжение военного министра о прекращении обсуждения в военной печати вопроса о доктрине.

Что испугало военного министра, почему он счел своим долгом изъять этот вопрос со страниц печати? Мне кажется, что министр действительно испугался не на шутку. Он почувствовал, что тут возможна трактовка предмета, захватывающая его во всю ширину и глубину. Ну, а тогда неизбежен разговор о целях, преследуемых внешней политикой, о соответствии вооруженных сил видам правительства, об организации, укомплектовании, подготовке командного состава, о состоянии технических средств борьбы, о необходимости заранее привлечь к делу общественные силы страны и организовать их... Словом, грозила опасность, что военная мысль заберется в такие области, куда в то время никому проникать не полагалось.

Вот и все, чем ознаменовала себя наша военная доктрина в прошлом. Что касается современности, то бывший московский журнал «Военное дело» отдал военной доктрине

много страниц, но что от этого многословия получилось? Ничего или очень мало. Я не имею возможности сейчас перечислить подробно всего по этому поводу напечатанного. Да и где же такой материал упомянуть, начиная с 1918 г. Общее же впечатление свелось вот к чему: исследовали не военную доктрину вообще, не ту доктрину, которая легла в основу организации наших вооруженных сил, т.е. Красной Армии, а рассказывали своими словами, а то и с помощью обыкновенной перепечатки, о боевых инструкциях французской и германской армии, существовавших до 1914 года. Единственная попытка постороннего для редакции автора внести в обсуждение вопроса новую, свежую струю была редакцией резко пресечена и конечно отбила охоту у очень многих высказаться по данному вопросу...

Вот и все впечатления, которые удержались в памяти от обширного материала, данного журналом «Военное дело» и не сдвинувшего вопроса с места ни на полвершка. Тем лучше, по крайней мере, не приходится быть продолжателем начатого, не нужно считаться с историей вопроса, а предоставляется каждому начинать дело по мере собственных сил и разумения.

Для начала нужно сознаться, что формулировать мысли, которые только зарождаются в больших головах, — дело не только тяжелое, но, пожалуй, и недоступное по силам одному человеку. И все-таки надо же кому-нибудь начинать, потому что от правильного понимания и проведения в жизнь военной доктрины зависит судьба государства. Чтобы убедиться в том, что это говорится не голословно, достаточно вспомнить судьбу Второй французской империи в 1870–71 гг. с полным крушением бонапартизма и военной доктрины, основанной исключительно на пренебрежении к врагу, которого когда-то «шапками закидали». На этом миллом принципе и строились тогдашние вооруженные силы французов, на том же основании был составлен и легкомысленнейший план военных действий...

Военная доктрина создается самой страной, которая и ставит соответствующие задачи своим вооруженным силам. Из сущности военной доктрины вытекает все, что относится к области военной техники, к боевой подготовке армии, к составлению плана операций и способов их ведения.

Все это не представляет чего-то неясного, недоговоренного, но беда в том, что как ни объясняй эту самую доктрину, а вот формулировать понятие о ней до сих пор никому, по крайней мере у нас, не удавалось по той простой причине, что никто и не желал взять на себя эту задачу.

Понятие о доктрине так же трудно поддается формулировке, как, например, понятие об инстинкте. Даже профессор Вагнер в своем труде по биопсихологии говорит, что он не считает возможным дать точное определение инстинкта, но что всякий познакомившийся с

его книгой поймет или, вернее, почувствует, в чем тут дело. То же самое и в нашем вопросе. Понятие о военной доктрине висит в воздухе, надо только суметь его поймать.

Думается, что исчерпывающего понятия мы не скоро дождемся, но сделать попытку достигнуть цели хотя бы отчасти никому не возбраняется. Будучи далек от мысли ставить формулу как нечто догматически неопровержимое, напротив, желая, чтобы эта формула послужила только скелетом, который в руках военной печати превратится в организм, вполне приспособленный к нашей современности, я говорю: «Военная доктрина есть государственное учение о способах подготовки к самообороне и методах ее ведения»...

Но может существовать на свете и государство, искренно думающее о самообороне, из понятия о которой совершенно исключаются какие-либо захваты чужих земель, все, что именуется грабежом чужого имущества. Может ли такое государство сидеть сложа руки и не заботиться о выработке собственной военной доктрины. Если это государство желает жить по-своему, устраивать свою жизнь на началах, признанных самим народом, развиваться и идти по пути к благополучию и благоденствию, то подобное прекраснотуши для него преступно. Человечество всегда носило и будет носить в себе инстинкты питания, размножения и самосохранения. Остановимся на первом из них и представим себе, что в один прекрасный год прекраснотушное государство достигнет излишка всяческих произведений земли. По-видимому, излишек может быть легко обменен у соседей, ну, хотя бы на произведения того или иного вида промышленности. Да, но если обладающий завидными избытками не в состоянии их физически оберечь, то соседу-хищнику гораздо проще прийти и отобрать то, что ему не хватает для удовлетворения инстинкта питания.

Или еще, беззащитное государство, допустим, обладает прекрасными естественными путями сообщений и пользуется ими в зависимости от существующей потребности. У него же, скажем, имеются такие залежи каменного угля, которых нет у соседей. Ведь надо же все это свое достояние физически оберегать, а иначе не успеешь оглянуться, как соседи оставят у разбитого корыта.

Вот соображения, по которым государство, самым искренним образом отказавшееся от грабежа или эксплуатации соседей, должно определить прежде всего свое военно-географическое положение, т.е. насколько прикрыты пространством жизненные центры, насколько соседи могут угрожать путям сообщений, в какой степени подвержены ударам врага пункты добывающей промышленности, где сосредоточиваются излишки земледелия и т.п. Далее сообразить: идет ли граница по местности гладкой, как лист бумаги, или прикрыта солидными рубежами (горы, реки, озера...). А вдруг окажется, что противник обладает всеми географическими преимуществами и благодаря хорошим путям сообщения и коротким расстояниям может через несколько дней перебросить свои полчища в страну, мечтающую о

самообороне в самом лучшем смысле слова. Что тогда делать? Нельзя же лишь в эту тяжкую минуту государственной жизни начать помышлять о противодействии наглому соседу? Словом, надо заранее изучить свои границы с военной точки зрения, определить их выгоды и недостатки в смысле обороны, допускающей переход в наступление, и количество войск, потребных для его активной обороны. Мало того, надо сообразить, куда упрутся фланги. Хорошо, если в море и в Альпы, а если оба на весу и могут быть свободно обойдены. Тогда придется тратить колоссальные средства на их усиление с помощью инженерного искусства и в значительной степени увеличивать число войск, содержимых в мирное время для непосредственного прикрытия границ.

Жизнь не обходится без жестокостей и компромиссов, а потому ради самообороны, государство может не с целью захвата, а исключительно в видах потребностей обороны, чтобы упереть опасный фланг хотя бы в то же море, не останавливаясь перед присоединением земель, отделяющих государство от естественного рубежа. Если в этой полосе местности живет народ, самоопределившийся и отличающийся от нас этнографически, то он в силу непреодолимой неизбежности осужден на географическое, а значит, и экономическое тяготение к нам. Оставляя за ним все преимущества автономности, все, что дается самоопределением, мы должны в военном отношении распорядиться там по-своему, т.е. иметь какие нам нужно укрепленные районы и держать в них соответствующие гарнизоны, способные к активным действиям.

Покончив с фронтом и флангами, мы определим количество войск, которое необходимо содержать в мирное время, чтобы встретить первый натиск и прикрыть мобилизацию всех вооруженных сил народа, их передвижение, и сосредоточение, и развертывание в избранном исходном положении.

Каков должен быть характер самообороны? Этот вопрос прежде всего зависит от соотношения сил обеих стран. Очень возможно, что на первое время придется ограничиться обороной в тесном смысле этого слова, и — нечего пугаться подобного решения вопроса, потому что наступление во что бы то ни стало до добра не доводит. Тем не менее целью войны должно быть поставлено уничтожение живой силы противника, его армий в Генеральном сражении. Для достижения подобной цели без наступления и маневра не обойтись.

Следовательно, в целях исключительно самообороны государство должно готовить весь свой аппарат, т.е. вооруженные силы, промышленность, торговлю, все средства страны к войне наступательной, маневренной, требующей от войск отличной подготовки, а от командного состава знаний и умения управлять войсковыми соединениями в массовом стихийном бою.

Вот основание для выработки технической части доктрины, т.е. учение о войне и бое. Учение это должно быть единым, утвержденным государством, если оно признает его соответствующим своим целям и задачам.

Было бы опасным заблуждением полагать, что массовый бой не требует отчетливой боевой подготовки отдельного стрелка, всадника, артиллериста, а затем и всех войсковых частей, начиная с рот, эскадронов и батарей. Напротив, управление массами в бою возможно лишь при безукоризненной точности выполнения поставленных войскам задач. Конечно, тут не обойтись без точности расчетов всех передвижений, требуемых данным маневром, что выполнимо при отличной организации штабной работы вообще и службы Генерального штаба в частности.

Пехоте надо с особым вниманием готовиться к ведению огневого боя, сосредоточив всю работу на ближнем огне и решительно отринув «стрелковые симфонии», которые так охотно разыгрывались на Ораниенбаумском стрельбище в период между японской и мировой войной. Наставление для стрельбы, вышедшее накануне последней войны, хотя и делало шаг вперед, в сторону от пагубной рутины бывшей стрелковой школы, но конечно не могло оказать важного боевого влияния, потому что к изучению его только что приступили. Что же касается запаса, то он сплошь был неграмотен по части огневого боя, потому что этому его и не учили, а натаскивали на выбивание процентов в искусственных условиях стрельбищ. Теперь красные стрелки будут обучаться по-иному, но все еще попадаютс руководства со стрельбой с закрытых позиций и с решением огневых задач, несвойственных винтовке, главная прелесть которой в ее изумительной отлогости траектории.

Наша артиллерия к началу мировой войны не сроднилась со своей пехотой. Бархатный воротник продолжал делать свое дело. Так и остался род войск, гордившийся своей ученостью, т.е. перегрузкой математических познаний, которые ко времени получения батареи основательно растеривались по пройденному жизненному пути. Включение артиллерийских бригад в состав дивизий совершилось слишком поздно, артиллерия относилась к нему исключительно формально, и вот на поле сражения не оказывалось единства мысли, взаимного понимания и доверия. Оно и не удивительно, все эти качества не вырабатываются одним приказом. Тем не менее боевая практика показала, что там, где артиллерия шла навстречу желанию пехоты сблизиться с неразлучными боевыми товарищами, там дело шло хорошо, ну и результаты получались утешительные. В таких войсковых соединениях не слышалось нареканий на начальников боевых участков, не произносилось обвинений против артиллерийского невежества пехотных начальников. Там просто дружно били врага.

Теперь нет возврата к бархатным воротникам, но взаимное знакомство пехоты и артиллерии по-прежнему является одним из видных вопросов боевой подготовки войск и, несомненно, пройдет в жизнь легче, удачнее, чем прежде, когда на пути стояли препятствия, сложившиеся ненормальными условиями жизни армии. Откуда же эти условия взять? Они таились в государственном учении о подготовке к самообороне. Государство, зародившееся на сословных и всяких иных привилегиях, внесло этот дух и в командный состав своих вооруженных сил. Что посеяли, то и пожали.

Со времени Севастопольской войны у нас зародилось мнение, что кавалерия отжила свой век, что при современном огне она не посмеет показаться на поле сражения, что время конных атак ушло безвозвратно. Говорили, что мы проиграли войну, хотя на юге России была сосредоточена масса конницы, так и не принявшей участия в боевых действиях. Верно, но кто же в этом виноват? Государство, смотревшее на конницу как на лучшее средство для усмирения бунта крестьян. А так как возможность этого явления не исключалась, то огромной части вооруженных сил и было дано то назначение, которое считалось более выгодным, чем какие-то боевые действия.

Русско-турецкая война еще более подлила масла в огонь. Забывался горный характер войны и непродуманная организация набега Гурки, забывалось, что в этой неудаче конницы виноваты все, кроме самой конницы.

С японцами стали воевать, наспех сформировав импровизированные казачьи дивизии. Все еще жили бабушкиными рассказами о доблести казачьей в эпоху наполеоновских войн, о славе их, дошедшей до стен Парижа. Начисто забыли, что с тех пор казаки окончательно стали помещиками, никакой особой воинственностью не обладают и живут только одной мечтой — урвать от государственного пирога кусок побольше и послаще. Ну, кроме позора, ничего и не получилось. К счастью, в период между японской и мировой войной конница принялась за интенсивную работу и в деле боевой подготовки достигла отличных результатов, что неоднократно доказала на полях сражений в первый, маневренный период войны.

Действия конницы Буденного у всех на глазах и говорят сами за себя. Остается порадоваться за этот могущественный род войск, который продолжительным боевым опытом завоевал себе прочное место в ряду соображений об устройстве вооруженных сил государства, ведущего подготовку к самообороне.

В наши дни техника пользуется особым вниманием. Иначе и быть не может. Без техники на войне шагу не сделать. Да и очень уж убедительно она себя проявляет в виде чудовищных снарядов, от которых нет укрытия даже в бетонных сооружениях, в виде газовых атак, умерщвляющих целые полки, в виде воздушной атаки, принуждающей

двигаться ночью и прятаться куда попало. Не будем говорить о целом ряде других технических средств борьбы, до танков включительно. Все это так хорошо всем известно. Как должно отнестись к современной военной технике государственное учение о самообороне? Должно напрячь все средства страны к производству и снабжению армии всем, чем обладают и могут обладать по этой части соседи. Армия должна сознавать, что на каждое техническое нападение неприятеля оно ответит так же, если еще не лучше. Это подымает настроение бойцов, дает им уверенность в победе. А ведь в этом вся сущность дела.

Но было бы коренной ошибкой считать, что техника теперь диктует боевым действиям свои законы и что все прежние соображения о ведении войны и боя отжили свой век. Такое мнение будет неверным, даже опасным, покуда человек остается самим собою, т.е. покуда он не утратит способности вдохновляться идеями высшего порядка, которые и толкают его вперед в наступательном бою. Если государство может выдержать колоссальные потери, причиняемые в боях техническими средствами борьбы, если народ решил вести самооборону до последней крайности, то в результате ничего не поделает неприятель, возлагающий все свои упования на технику. Сколько танков у Красной Армии было, когда она брала эту устрашающую машину у своих врагов? Ни одного не было, зато была решимость победить во что бы то ни стало, доблесть, мужество, т.е. качества, которых не засыпать осколками металла, не умертвить самыми ядовитыми газами, никакими средствами наземными и воздушными.

Техника была и останется на службе у тактики, которая создается народом, его представителями, вырабатывающими учение о способах подготовки к самообороне и методах ее ведения.

Мы далеки от мысли в беглой журнальной заметке дать исчерпывающее решение затронутого вопроса. Этого совершенно не достигли и наши предшественники, не достигнуть его одному человеку, потому что вопрос о военной доктрине — есть дело государственное. Настоящая статья печатается в скромной надежде, что кто-нибудь возьмет на себя труд продумать сказанное и отметить все, что найдет здесь неподходящего. Результат скажется, основы, на которых мы строим военную доктрину, будут расшатаны, отвергнуты, но на их месте вырастут новые мысли, более глубокие, свежие и основательные. Словом, военная мысль получит толчок, а значит, и журнальная статья принесет свою долю пользы.

(Военная мысль. 1921. Кн. 1. С. 13–32)

Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство

Л. Троцкий

В искусствах практических не следует гнать слишком вверх цветы и листья теории, но держать их поближе почвы опыта.

Клаузевиц. Война
(Теория стратегии)

Наш метод ориентировки

В Красной Армии, несомненно, наблюдается оживление военной мысли и подъем теоретических интересов. Свыше трех лет мы строилась под огнем и дрались, затем демобилизовались и размешались. Этот последний процесс еще не закончен и по сей день, но армия уже приблизилась к большей организационной определенности и известной оседлости. В ней растет и ширится потребность оглянуться на пройденный путь, подвести итоги, сделать необходимые теоретические и практические выводы, чтобы получше подковаться к завтрашнему дню.

А что несет завтрашний день? Новые вспышки гражданской войны, питаемой извне? Или открытое нападение на нас буржуазных государств? Каких? Как подготовиться к отпору? Все эти вопросы требуют международно-политической, внутренне-политической и военно-политической ориентировки. Обстановка меняется непрерывно, изменяется, значит, и ориентировка, не принципиальная, но практическая. До сих пор мы успешно справлялись с военными задачами, которые ставило нам международное и внутреннее положение Советской России...

Марксизм не дает готовых рецептов. Меньше всего мог бы он дать в области военного строительства. Но и здесь он дал нам метод. Ибо если верно, что война является продолжением политики, только другими средствами, то армия является продолжением и увенчанием всей общественно-государственной организации, только со штыком наперевес.

Мы приступили к военным вопросам, исходя не из некоей «военной доктрины» как суммы догматических положений, а из марксистского анализа потребностей самообороны рабочего класса, который взял в свои руки власть, должен вооружиться, разоружив буржуазию, бороться за свою власть, вести за собой крестьян против помещиков, не

позволять кулацкой демократии вооружать крестьян против рабочего государства, создать для себя надежный командный состав и проч.

В строительстве Красной Армии мы пользовались и красногвардейскими отрядами, и старыми уставами, и крестьянскими атаманами, и бывшими царскими генералами, что, конечно, можно назвать отсутствием «единой доктрины» в области формирования армии и ее командного состава. Но такая оценка будет педантично-пошловата.

Конечно, мы не исходили из догматической «доктрины». Мы фактически созидали армию из того исторического материала, который был под руками, объединяя всю эту работу под углом зрения борющегося за свое самосохранение, утверждение и расширение рабочего государства. Если кому-нибудь нужно метафизически скомпрометированное слово доктрина, то можно сказать, что, созидавая Красную Армию, вооруженную силу на новой классовой основе, мы тем самым строили новую военную доктрину, ибо, несмотря на разнообразие практических средств и смену приемов, в нашем военном строительстве не могло быть и не было ни безыдейного эмпиризма, ни субъективного произвола: вся работа с начала до конца объединялась единством классовой революционной цели, единством направленной на нее воли, единством марксистского метода ориентирования.

С доктриной или без доктрины?

Попытки предпослать пролетарскую «военную доктрину» самой работе по созданию Красной Армии делались и возобновлялись не раз. В противовес «империалистическому» принципу позиционности выдвигался еще с конца 1917 г. абсолютный принцип маневренности. Революционной маневренной стратегии подчинялась организационная форма армии: корпуса, дивизии, даже бригады объявлялись слишком тяжеловесными соединениями; провозвестники пролетарской «военной доктрины» предлагали свести всю вооруженную силу Республики в отдельные комбинированные отряды или полки. В сущности, это была слегка причесанная идеология партизанщины. На крайнем «левом» фланге партизанщина защищалась открыто. уставам объявлялась священная война, старым — потому, что они являются выражением отжившей военной доктрины, новым — потому, что они слишком похожи на старые. Правда, и тогда уже сторонники новой доктрины не представили не только проекта новых уставов, но ни одной статьи, в которой наши уставы подвергались бы серьезной принципиальной или деловой критике. Привлечение старого офицерства, тем более на командные должности, объявлялось несовместимым с проведением революционной военной доктрины и пр., и пр.

На самом деле шумные новаторы сами были целиком в плену у старой военной доктрины: они только старались поставить минус там, где раньше был плюс. В этом и выражалась вся их самостоятельность. Действительная работа по созданию вооруженной силы рабочего государства пошла, однако, по другому пути. Мы старались — особенно на первых порах — как можно больше использовать навыки, приемы, знания и средства, оставшиеся от старого, совершенно не заботясь о том, в какой мере новая армия будет в формально-организационном и техническом смысле отличаться от старой или, наоборот, походить на нее. Мы строили армию из наличного человеческого и технического материала, стремясь всегда и всюду обеспечить в организации армии, т.е. ее личного состава, в управлении ею, в ее сознании и в ее настроениях господство пролетарского авангарда. Институт комиссаров вовсе не есть какой-либо догмат марксизма или необходимая часть пролетарской «военной доктрины», — он явился в известных условиях необходимым орудием пролетарского контроля, руководства и политического воспитания в армии и тем приобрел огромное значение в жизни вооруженных сил Советской республики. Мы комбинировали старый командный состав с новым и только таким путем достигли необходимого результата: армия оказалась способной сражаться на службе рабочего класса. По своим целям, по преобладающему классовому составу своего командно-комиссарского корпуса, по своему духу, по своей политической морали Красная Армия отличается коренным образом от всех остальных армий мира и враждебно им противостоит. В области формально-организационной и технической она становилась и становится на них тем более похожей, чем больше развивалась. Одних потуг на новое слово в этой области недостаточно!

Красная Армия есть военное выражение пролетарской диктатуры. Кому нужна более торжественная формула, тот может сказать, что Красная Армия есть военное воплощение «доктрины» пролетарской диктатуры, во-первых, потому, что в самой Красной Армии обеспечена диктатура пролетариата, во-вторых, потому, что диктатура пролетариата без Красной Армии была бы невозможна.

Беда, однако, в том, что оживление военно-теоретических интересов вызвало на первых порах возрождение некоторых доктринерских предрассудков первого периода, получивших, правда, несколько иную формулировку, но отнюдь не ставших от этого лучше. Некоторые проницательнейшие новаторы вдруг открыли, что мы живем, и даже не живем, а прозябаем, без военной доктрины, как андерсеновский король в сказке ходил без платья и не знал того. «Необходимо, наконец, создать доктрину Красной Армии», — говорят одни. — «Мы сбиваемся во всех практических вопросах военного строительства потому, что у нас не разрешены до сих пор основные вопросы военной доктрины: что такое Красная Армия, какие

перед ней исторические задачи, будет ли она вести оборонительные или наступательные революционные войны и пр., и пр.», — подпевают другие.

Выходит так, что Красную Армию мы создали, и притом победоносную, но вот военной доктрины ей не дали. Так она, Красная Армия, неприкаянная и живет. На прямой вопрос, какова должна быть доктрина Красной Армии, отвечают: она должна заключать в себе совокупность начал строения, воспитания и применения нашей вооруженной силы. Но это ответ чисто формальный. И у нынешней Красной Армии есть свои принципы «строения, воспитания и применения». Вопрос идет о том, какой доктрины нам не хватает, то есть каковы по содержанию те новые принципы, которые должны войти в программу военного строительства. И вот здесь-то начинается самая конфузная путаница. Один делает сенсационное открытие, что Красная Армия есть классовая армия, армия пролетарской диктатуры. Другой к этому присоединяет, что, будучи революционной армией и международной, Красная Армия должна быть наступательной. Третий предлагает в целях наступательности обратить особое внимание на кавалерию и авиацию. Наконец, четвертый предлагает не забывать о применении тачанок Махно. С миру по тачанке — Красной Армии доктрина. Однако нужно сказать, что в этих открытиях крупницы здоровых — не новых, но правильных мыслей совершенно тонут под шелухой пустословия.

Что такое военная доктрина?

Не будем искать общих логических определений потому, что они сами по себе вряд ли выведут нас из затруднения²³. Подойдем лучше к вопросу исторически. Старый взгляд гласил, что основы военной науки вечны и общи для всех времен и народов. Конкретное же преломление этих вечных истин имеет национальный характер. Отсюда — немецкая военная доктрина, французская, русская и т.д. ...

Война, о которой мы говорим, есть общественное и историческое явление, которое возникает, развивается, меняет формы и должно исчезнуть. Но субъектом войны является

²³ Т. Фрунзе пишет: «Можно было бы предложить такое определение “единой военной доктрины”: это есть принятое в армии данного государства единое учение, устанавливающее формы строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск и их вождения на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и состояния его производительных сил» («Красная новь», № 2, стр. 94. Статья М. Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия»).

Можно условно принять и это определение. Однако, как свидетельствует вся статья тов. Фрунзе, выводы из приведенного определения ничем не обогащают.

человек, который имеет известные устойчивые анатомические и психические черты и вытекающие из них приемы и навыки. Человек действует в определенной и сравнительно устойчивой географической среде. Таким образом, во всех войнах всех времен и народов были некоторые общие, относительно устойчивые (но вовсе не абсолютные) черты. На их основе развивается историческое военное искусство. Его методы и приемы меняются так же, как и общественные условия, его определяющие (техника, классовое строение, формы государственной власти).

Под именем национальной военной доктрины и понимался сравнительно устойчивый, но все же временный комплекс (сочетание) военных расчетов, методов, приемов, навыков, лозунгов, настроений — в соответствии со всем строем общества и, прежде всего, характером господствующего класса.

Что такое, например, военная доктрина Англии? В ее состав, очевидно, входят (или входили): признание необходимости морской гегемонии, отрицательное отношение к постоянной сухопутной армии и к воинской повинности, или, еще точнее: признание необходимости, чтобы английский военный флот был сильнее двух следующих самых сильных флотов, вместе взятых, и тем обеспечивал возможность содержания маленькой армии на добровольческих началах. С этим было связано поддержание такого порядка в Европе, при котором ни одна из сухопутных держав не могла получить решающего перевеса на континенте.

Несомненно, что эта английская «доктрина» была самой устойчивой из всех военных доктрин. Ее устойчивость и определенность обуславливались длительным, планомерным, безостановочным развитием великобританского могущества — без таких событий и потрясений, которые радикально меняли бы мировое (или европейское, что раньше означало то же самое) соотношение сил. Сейчас, однако, это положение окончательно нарушилось. Сильнейший удар своей «доктрине» Англия нанесла во время войны, будучи вынуждена строить свою армию на основе воинской повинности. «Равновесие» на европейском континенте нарушено. Устойчивость нового соотношения сил ни в ком не вызывает доверия. Могущество Соединенных Штатов исключает возможность дальнейшего автоматического поддержания господства великобританского флота. Сейчас рано предсказывать, чем закончится вашингтонская конференция. Но совершенно очевидно, что со времени империалистической войны «военная доктрина» Великобритании стала недостаточной, несостоятельной и прямо негодной. А новой на смену еще нет. И очень сомнительно, чтобы она появилась, ибо эпоха военных и революционных потрясений и радикальной перегруппировки мировых сил ставит очень узкие пределы военной доктрине в том смысле,

в каком мы ее выше определили по отношению к Англии: военная «доктрина» предполагает относительную устойчивость внешней и внутренней обстановки.

Гораздо менее определенный и устойчивый характер, даже и в прошлую эпоху, получает военная доктрина, если мы обратимся к странам европейского континента. Что составляло — хотя бы за промежуток времени между Франко-прусской войной 1870–71 годов и империалистической войной 1914 г. — содержание военной доктрины Франции? Признание, что Германия есть наследственный непримиримый враг, идея реванша, воспитание армии и молодого поколения в духе этой идеи, культивирование союза с Россией, преклонение перед военной мощью царизма, наконец, поддержание, хотя и не очень уверенное, бонапартистской военной традиции смелого наступления. Длительная эпоха вооруженного мира (с 1871-го по 1914 г.) придавала все же относительную устойчивость военно-политической ориентации Франции. Но чисто военные элементы французской доктрины были очень скудны. Война подвергла доктрину наступления жесткому испытанию. Французская армия после первых же недель зарылась в землю, и хотя истинно французские генералы и истинно французская пресса не уставали твердить в первый период войны, что подземная, траншейная война есть низменное немецкое изобретение и не отвечает героическому духу французского воина, тем не менее вся война разыгралась как позиционная борьба на истощение. В настоящее время доктрина чистого наступления, хотя и перенесена в новые уставы, но, как увидим, встречает резкий отпор в самой Франции.

Военная доктрина послебисмарковской Германии была несравненно более агрессивной по существу, в соответствии с политикой страны, но более осторожной по стратегическим формулировкам. «Принципы стратегии ни в чем не возвышаются над здравым смыслом», — учила германская инструкция для высших военачальников. Однако быстрый рост капиталистического богатства и народонаселения поднимал правящие верхи, и прежде всего дворянско-офицерскую касту Германии, на все большую высоту. Правящие классы Германии лишены были опыта деятельности в мировом масштабе, не рассчитали сил и средств, придали своей дипломатии и стратегии архагический характер, совершенно разошедшийся со «здравым смыслом». Германский милитаризм пал жертвой своей необузданной наступательности.

Что отсюда вытекает? Что под именем национальной доктрины в прошлые эпохи понимался комплекс устойчивых руководящих дипломатических и военно-политических идей и более или менее связанных с ними стратегических директив. Причем так называемая военная доктрина — формула военной ориентировки правящего класса данной страны в международных условиях — оказывалась тем более оформленной, чем более определенным,

устойчивым и планомерным в своем развитии было внутреннее и международное положение страны.

Империалистическая война и выросшая из нее эпоха величайшей неустойчивости во всех областях совершенно вырвали почву из-под национально-военных доктрин и поставили в порядок дня необходимость быстрого учета изменяющейся обстановки, ее новых группировок и комбинаций и «беспринципного» лавирования под знаком забот и тревог сегодняшнего дня. Вашингтонская конференция открывает на этот счет поучительную картину. Совершенно неоспоримо, что сейчас, после того как старые военные доктрины подверглись испытанию в империалистической войне, ни у одной страны не осталось таких устойчивых принципов и идей, которые можно было бы назвать национальной военной доктриной.

Можно, правда, высказать предположение, что национальные военные доктрины снова сложатся, как только определится новое мировое соотношение сил и место в нем каждого отдельного государства. Однако это предполагает ликвидацию революционной эпохи, потрясений, смену ее новой эпохой органического развития. Но именно для такого предположения нет никаких оснований...

Есть у нас «военная доктрина» или нет?

Итак, нужна ли нам «военная доктрина» или не нужна? Кое-кто обвинял меня в том, что я «уклоняюсь» от ответа на этот вопрос. Но ведь для того, чтобы ответить, нужно знать о чем спрашивают, т.е. что понимают под военной доктриной. Пока вопрос не поставлен ясно и осмысленно, приходится «уклоняться» от ответа. Чтобы приблизиться к правильной постановке вопроса, расчленим, после всего изложенного выше, самый вопрос на его составные части. С этой точки зрения в военную «доктрину» могут войти следующие элементы:

1. Основная (классовая) ориентировка нашей страны, представленной своим правительством, в вопросах хозяйства, культуры, пр., т.е. во внутренней политике.

2. Международная ориентировка рабочего государства. Важнейшие линии нашей мировой политики и в связи с этим возможные театры военных действий.

3. Состав и строение Красной Армии в соответствии с природой рабоче-крестьянского государства и задачами его вооруженной силы.

4. Стратегическое и тактическое учение Красной Армии. Учение об организации армии (п. 3) вместе со стратегическим учением (п. 4) и должны, очевидно, составлять военную доктрину в собственном (или в тесном) смысле слова.

Расчленение можно было бы повести и далее. Так, возможно выделить из перечисленных пунктов вопросы о технике Красной Армии, о постановке пропаганды в ней и пр.

Нужно ли, чтобы у правительства, у руководящей партии, у военного ведомства по всем этим вопросам были определенные воззрения? Ну разумеется нужно. Можно ли строить Красную Армию, не имея взглядов на то, какой должен быть ее социальный состав, как укомплектовывать офицерско-комиссарский корпус, как формировать, обучать и воспитывать части и пр.? В свою очередь, нельзя иметь ответа на эти вопросы, не разобравшись в основных, внутренних и международных задачах рабочего государства. Другими словами, военное ведомство должно иметь руководящие начала, на которых оно строит, воспитывает и реорганизует армию...

Революционная политика и методизм

Насчет революционной наступательной войны для нас принципиального вопроса не существует. Но по отношению к этой «доктрине» пролетарское государство должно сказать то же, что сказал по отношению к революционному наступлению рабочих масс в буржуазном государстве (доктрина оффензивы) последний международный конгресс: только предатель может отрицать наступление; только простак может сводить к нему всю стратегию.

К сожалению, среди наших новоявленных доктринеров есть немало таких простаков наступления, которые под флагом военной доктрины пытаются внести в наш военный оборот те самые однобокие «левые» тенденции, которые ко времени III Коммунистического конгресса получили свое завершение в виде теории оффензивы: так как (!) у нас революционная эпоха, то (!) Коммунистическая партия должна вести политику оффензивы. Перевод «левизны» на язык военной доктрины означает возведение ошибки в степень. Сохраняя принципиальную основу непримиримой классовой борьбы, марксистская тактика в то же время отличается чрезвычайной гибкостью, подвижностью, или, говоря военным языком, маневренностью. Этой принципиальной выдержанности при гибкости методов и форм противостоит жесткий методизм, который из участия или неучастия в парламентской работе, из признания или отрицания соглашения с некоммунистическими партиями и организациями делает абсолютный метод, будто бы пригодный для всех и всяких обстоятельств.

Самое слово «методизм» чаще всего применяется в военно-стратегической литературе. Стремление возвести в устойчивую систему известную комбинацию действий,

отвечающую определенным условиям, характеризует эпигонов, посредственных полководцев и рутинеров. Так как люди воюют не всегда, а с большими перерывами, то давление методов и приемов последней войны над сознанием военных деятелей эпохи мира представляет обычное явление. Методизм ярче всего проявляется поэтому в военной области. Несомненно, что ошибочные тенденции методизма находят свое выражение в потугах построения доктрины «наступательной революционной войны».

В эту доктрину входят два элемента: международно-политический и оперативно-стратегический, ибо речь идет, во-первых, о том, чтобы на языке войны развить наступательную международную политику с целью ускорения революционной развязки и, во-вторых, о том, чтобы усвоить самой стратегии Красной Армии наступательный характер. Эти два вопроса, хотя и связанные в известных отношениях, нужно, однако, расчленить.

Что мы не отказываемся от революционных войн, об этом свидетельствуют не только статьи и революции, но и крупные исторические факты. После того как польская буржуазия навязала нам (весной 1920 г.) оборонительную войну, мы сделали попытку развить нашу оборону в революционное наступление. Правда, оно не увенчалось успехом. Но именно отсюда вытекает немаловажный дополнительный вывод: революционная война, неоспоримое орудие нашей политики при известных условиях, может — при других условиях — дать результат, противоположный тому, на какой была рассчитана.

В период Брест-Литовска нам пришлось впервые применять в широком масштабе политико-стратегическое отступление. Тогда многим казалось, что оно будет для нас гибельным. Но прошло всего несколько месяцев, как обнаружилось, что время хорошо поработало за нас. В феврале 1918 года уже подкопанный германский милитаризм был, однако, еще недостаточно силен, чтобы раздавить нас с нашими ничтожными в то время военными силами. В ноябре он уже рассыпался в прах. Наше братское международно-политическое отступление было нашим спасением.

После Бреста нам пришлось вести непрерывную войну с белыми армиями и иностранными оккупационными отрядами. Эта малая война была и оборонительной и наступательной как в политическом, так и в военном отношении. В целом, однако, наша государственная международная политика за этот период была преимущественно политикой обороны и отступления (отказ от советизации прибалтийских государств, неоднократные предложения нами мирных переговоров при нашей готовности идти на самые крупные уступки, «новая» экономическая политика, признание долгов и проч.). Мы проявляли, в частности, величайшую уступчивость по отношению к Польше, предлагая ей условия более выгодные, чем те, какие были намечены для нее странами Антанты. Усилия наши не увенчались успехом. Пилсудский напал на нас. Война получила явно оборонительный

характер с нашей стороны. Этот факт в чрезвычайной степени содействовал сплочению общественного мнения не только рабочих и крестьян, но и многочисленных буржуазно-интеллигентских элементов. Успешная оборона естественно развернулась в победоносное наступление. Мы, однако, переоценили революционность внутреннего положения Польши в тот период. Эта переоценка нашла свое выражение в чрезвычайной, т.е. несоразмерной с ресурсами, наступательности нашей операции. Мы шли вперед слишком налегке, и результат известен: мы были отброшены...

Неудача похода в Варшаву, победа буржуазии в Италии, временный отлив в Германии заставили нас проделать крутое отступление, которое началось с рижского договора и остановилось на условном признании царских долгов.

В области хозяйственного строительства мы за тот же период совершили не меньшее отступление: допущение концессий, уничтожение хлебной монополии, сдача в аренду многочисленных промышленных предприятий и пр. Основной причиной этих последовательных отступлений является факт продолжающегося капиталистического окружения, т.е. относительной устойчивости буржуазного режима.

Чего же, собственно, хотят те глашатаи военной доктрины (мы называем их для краткости доктринерами — они этого заслужили), которые требуют, чтобы мы ориентировали Красную Армию под углом зрения наступательной революционной войны? Хотят ли они голого признания принципа? Тогда они ломятся в открытую дверь. Или же они считают, что в международной или в нашей внутренней обстановке наступили такие условия, которые ставят для нас наступательную революционную войну в порядок сегодняшнего дня? Но тогда наши доктринеры должны направить свои удары не по военному ведомству, а по нашей партии и по Коммунистическому Интернационалу, ибо не кто другой, как мировой конгресс, этим летом дал, отпор наступательной революционной стратегии как несвоевременной, призвал все партии к тщательной подготовительной работе и одобрил как вытекающую из обстоятельств оборонительно-маневренную политику Советской России.

Или, может быть, кое-кто из наших доктринеров считает, что в то время, как «слабые» коммунистические партии в буржуазных государствах должны вести подготовительную работу, «всемогущей» Красной Армии надлежит развернуть наступательную революционную войну? Может быть, и впрямь некоторые нетерпеливые стратеги собираются переложить тяжесть международного или хотя бы только европейского «последнего решительного боя» на плечи Красной Армии? Кто всерьез проповедует такую политику, тому уж лучше повесить себе жернов на шею и поступить согласно дальнейшему евангельскому указанию.

Воспитание «в духе» наступления

Пытаясь выпутаться из противоречий наступательной доктрины в эпоху оборонительного отступления, т. Соломин придает «доктрине» революционной войны... воспитательное значение. Сейчас, признает он, мы действительно заинтересованы в мире и будем его всячески отстаивать. Но, несмотря на нашу оборонительную политику, революционные войны неизбежны. Мы к ним должны готовиться, а следовательно, и воспитывать наступательный «дух» на предмет будущей потребности. Наступление надо, следовательно, понимать не во плоти, а в духе и истине. Другими словами, наряду с мобилизационным запасом сухарей т. Соломин хочет иметь мобилизационный запас наступательного энтузиазма. Час от часу не легче. Если выше мы видели у нашего суровейшего критика непонимание методов революционной стратегии, то здесь мы констатируем непонимание законов революционной психологии.

Мы нуждаемся в мире не по соображениям доктрины, а потому, что трудящиеся устали от войны и лишений. Наши усилия направлены на то, чтобы отстоять для рабочих и крестьян возможно длительный период мира. Мы выясняем самой армии, что не можем демобилизоваться только потому, что нам грозят новые нападения. Из этих условий Соломин делает тот вывод, что мы должны «воспитывать» Красную Армию в идеологии наступательной революционной войны. Какой идеалистический взгляд на «воспитание»! «Мы не в силах воевать и не собираемся воевать, но должны быть готовыми, — меланхолически мудрит т. Соломин, — а потому готовиться к наступлению, — такова противоречивая формула, к которой мы пришли». Формула действительно противоречивая. Но если Соломин думает, что это «хорошее» противоречие, диалектическое, то он ошибается, это просто путаница.

Наша внутренняя политика в последний период имела одной из важнейших своих задач сближение с крестьянином. Особенно остро вопрос о крестьянстве встает перед нами в армии. Думает ли Соломин серьезно, что теперь, когда непосредственная помещичья опасность устранена, а европейская революция остается потенциальной, мы можем сплотить более чем миллионную, на девять десятых крестьянскую армию под знаменем наступательной войны во имя развязки пролетарской революции? Такого рода пропаганда была бы мертва.

Конечно, мы ни на минуту не собираемся скрывать от трудящихся, в том числе и от Красной Армии, что принципиально мы всегда будем за наступательно-революционную войну в тех условиях, когда она может содействовать освобождению трудящихся в других странах. Но думать, что на этом принципиальном заявлении можно создать или «воспитать»

действенную идеологию Красной Армии в нынешних условиях, значит не понимать ни Красной Армии, ни нынешних условий. В самом деле, каждый толковый красноармеец не сомневается, что если на нас зимой и весной никто не нападет, то мы-то уж во всяком случае не нарушим мира, а будем изо всех сил залечивать раны, пользуясь передышкой. В нашей истощенной стране мы учимся военному делу, вооружаемся, строим большую армию для того, чтобы обороняться, если на нас нападут. Вот эта «доктрина» — ясная, простая и отвечающая действительности.

Именно потому, что мы так ставили вопрос весной 1920 года, каждый красноармеец твердо усвоил себе, что буржуазная Польша навязала нам войну, которой мы не хотели и от которой мы стремились оградить народ величайшими уступками. Именно из этого сознания выросло величайшее возмущение против врага и ненависть к нему. Именно благодаря этому война, начавшись как оборонительная, могла развернуться как наступательная.

Противоречие между оборонительной пропагандой и наступательным в конечном счете — характером войны является «хорошим» жизненным диалектическим противоречием. И у нас нет никакого основания изменять характер и направление нашей военно-воспитательной работы в угоду путаникам, хотя бы и говорящим во имя военной доктрины.

Когда говорят о революционных войнах, то вдохновляются чаще всего воспоминанием о войнах Великой французской революции. Там тоже начали с обороны, на обороне создали армию, затем перешли в наступление. Под звуки Марсельезы вооруженные санкюлоты революционным помелом прошли по всей Европе.

Исторические аналогии — дело очень соблазнительное. Прибегать к ним нужно, однако, с осторожностью. Иначе за формальными чертами сходства можно проглядеть материальные черты различия. Франция в конце XVIII столетия была самой богатой и самой цивилизованной страной европейского континента, Россия XX столетия является самой бедной и самой отсталой страной Европы. Революционная задача французской армии имела гораздо более поверхностный характер, чем те революционные задачи, которые стоят перед нами сейчас: тогда дело шло о низвержении «тиранов», об устранении или смягчении феодального крепостничества. Ныне дело идет о полном уничтожении эксплуататорства и классового гнета.

Но и в отношении буржуазно-революционных задач роль оружия Франции, т.е. передовой страны по отношению к отсталой Европе, оказалась очень ограниченной и переходящей. К моменту падения бонапартизма, выросшего из революционной войны, Европа вернулась к своим королям и феодалам.

В той гигантской классовой борьбе, которая разыгрывается ныне, роль военного вмешательства извне может иметь только сопутствующее, содействующее, вспомогательное значение. Военное вмешательство может ускорить развязку и облегчить победу. Но для этого нужно, чтобы революция созрела не только в социальных отношениях, — это уже есть, — но и в политическом сознании. Военное вмешательство, как щипцы акушера: примененное вовремя, оно способно облегчить родовые муки; пущенное в ход преждевременно, оно может дать лишь выкидыш.

Стратегическое и техническое содержание «военной доктрины» (маневренность)

Сказанное до сих пор относится не столько к самой Красной Армии, к ее строению и методам действий, сколько к тем политическим задачам, какие ей ставит рабочее государство.

Подойдем теперь к военной доктрине в более узком смысле слова. Мы слышали от тов. Соломина, что до тех пор, пока мы не утвердим доктрины наступательной революционной войны, мы будем путаться и сбиваться в организационных, военно-педагогических, стратегических и иных вопросах. Однако этого общего места нам маловато. Вместо того чтобы повторять, что из хорошей доктрины должны воспоследовать хорошие практические выводы, отчего бы не попробовать эти выводы предъявить. Увы! Как только наши доктринеры пытаются подойти к выводам, они преподносят нам либо беспомощный пересказ задов, либо вреднейшую отсебятину.

Энергичнее всего наши новаторы пытаются укрепить якорь военной доктрины в области оперативных вопросов. Стратегически Красная Армия, по их заявлениям, принципиально отличается от всех других армий, так как в нашу эпоху позиционной неподвижности основными чертами операций Красной Армии являются: маневренность и наступательность.

Несомненно, что операции гражданской войны отличаются чрезвычайной маневренностью. Но нужно со всей точностью поставить вопрос: вытекает ли маневренность Красной Армии из ее внутренних свойств, классовой природы, революционного духа, боевого порыва, — или же из объективных условий: огромности военных театров и относительной малочисленности войск? Этот вопрос имеет немаловажное значение, если допустить, что революционные войны будут вестись не только на Дону и на Волге, но и на Сене, на Шельде и на Темзе.

Но вернемся пока к родным рекам. Отличалась ли маневренностью только Красная Армия? Нет, стратегия белых сплошь маневренная, их войска были в большинстве случаев

слабее наших количественно и морально, но выше по военной квалификации. Отсюда необходимость маневренной стратегии выростала прежде всего для белых. Мы у них учились этой маневренности на первых порах. В последний период гражданской войны мы всегда имели маневр против маневра. Наконец, наибольшей маневренностью отличались действия отрядов Унгерна и Махно — этих бандитских вырождений гражданской войны. Какой отсюда вывод? Маневренность свойственна не революционной армии, а гражданской войне как таковой.

Операции в национальных войнах сопровождаются страхом перед пространством. Оторвавшись от базы, от своих, от области своего языка, армия или отряд попадает в абсолютно чужую среду, где не найдет ни опоры, ни прикрытия, ни помощи. В гражданской войне каждая из сторон найдет в тылу противника в большей или меньшей степени сочувствие и поддержку. Национальные войны ведутся (по крайней мере, велись) тяжеловесными массами с использованием всех национально-государственных ресурсов обеих сторон. Гражданская война означает раздвоение сил и средств потрясенной революцией страны и ведется, особенно на первых порах, инициативным меньшинством каждой стороны, следовательно, более или менее жидкими и потому подвижными массами и потому гораздо больше зависит от импровизации и случайностей.

Маневренность характеризует гражданскую войну в обоих лагерях. Нельзя, следовательно, маневренность считать особым выражением революционного характера Красной Армии...

Стремление закрепить и возвести в догмат те черты стратегии и тактики Красной Армии, которые характеризовали ее в прошлый период, могло бы нанести величайший ущерб и даже стать роковым. Уже заранее можно сказать, что операции Красной Армии на азиатском материке — если бы им там суждено было развернуться — имели бы по необходимости глубоко маневренный характер. Важнейшую, а в некоторых случаях и единственную роль пришлось бы играть коннице. Но, с другой стороны, нет никакого сомнения в том, что военные действия на западном театре имели бы гораздо более связанный характер. Операции на территории с другим по национальному составу и более плотным населением — при более высоком отношении численности армии к территории, — несомненно, приблизили бы войну к позиционной и во всяком случае свели бы маневренную свободу к несравненно более узким границам.

Признание недоступности для Красной Армии защиты укрепленных пунктов (Тухачевский) в общем и целом правильно подводит уроки прошлого периода, но ни в каком случае не может быть признано безусловным указанием для будущего. Защита укрепленных пунктов требует крепостных войск или, вернее, войск высокого уровня, сплоченных опытом

и уверенных в себе. В прошлый период мы это только накапливали. Каждый полк в отдельности и вся армия в целом были живой импровизацией. Можно было обеспечить подъем, порыв — и мы этого достигали, но нельзя было искусственно создать необходимую рутину, автоматическую спайку, уверенность соседних частей во взаимной выручке. Нельзя было приказом создать традиции. Теперь это в значительной мере есть и будет накапливаться чем дальше, тем больше. Этим самым заложены предпосылки как для лучшего ведения маневренных операций, так, в случае нужды, и для позиционных действий.

Надо отказаться от попыток строить абсолютную революционную стратегию, беря из нее элементы из ограниченного опыта трехлетней гражданской войны, где части определенного качества сражались в определенных условиях. От этого очень хорошо предостерегал Клаузевиц: «Совершенно естественно, — писал он, — что в революционных войнах (Франции) оказался такой, а не иной способ сражаться — способ, который теория вперед предвидеть не могла. Но зло состоит в том, что эти способы, построенные на данных условиях, легко могут пережить сами себя; они остаются неизменными в то время, когда обстоятельства понемногу совершенно изменились. От этого именно должна предохранить ясная и разумная критика. Такому методизму подчинялись в 1806 г. прусские генералы» и пр. Увы! — не одни только прусские генералы склонны к методизму, то есть к шаблону и трафарету...

Наступательность, инициативность и активность

В первый период революции красные войска вообще уклонялись от наступления, предпочитая братание и разговоры. В период, когда революционная идея стихийно разливалась по стране, этот метод был очень действителен. Белые в тот период, наоборот, пытались форсировать наступления, чтобы удержать свои войска от революционного распада. Даже и после того, как разговоры перестали быть важнейшим ресурсом революционной стратегии, белые продолжали отличаться большей наступательностью, чем мы. Только постепенно красные войска развили в себе активность и уверенность, обеспечивающие возможность решительных действий...

Именно в маневренной войне разница между обороной и наступлением чрезвычайно стирается. Маневренная война есть война в движении. Целью движений является истребление живой силы противника на 100 верст дальше или ближе. Маневр обещает победу, если сохраняет в наших руках инициативу. Основными чертами маневренной стратегии являются не формальная наступательность, а инициативность и активность.

Та мысль, что Красная Армия в каждый данный момент решительно наступала на важнейшем фронте, временно ослабляя себя на остальных фронтах, и что именно этим ярче всего характеризуется ее стратегия за время гражданской войны (статья т. Варина), верна по существу, но односторонне выражена и потому не дает всех необходимых выводов. Наступая на одном фронте, который мы в данный момент, по политическим или военным соображениям, считали важнейшим, мы ослабляли себя на других фронтах, считая возможным обороняться и отступать на них. Но ведь это именно и свидетельствует, — странно, как этого не замечают! — что в общий наш оперативный замысел отступление входило наряду с наступлением как необходимое звено. Те фронты, где мы, обороняясь, отступали, были только участками общего нашего кольцеобразного фронта. На этих участках сражались части той же Красной Армии, ее бойцы и командиры, и если свести всю стратегию к наступлению, то очевидно, что войска на тех фронтах, где мы ограничиваемся обороной и даже отступаем, должны бы поддаться упадку и деморализации. В работу воспитания войск должна, очевидно, входить идея, что отступление не есть бегство, что бывает стратегическое отступление, вызываемое то стремлением сохранить в неприкосновенности живую силу, то сократить фронт, то глубже завлечь врага, чтобы тем вернее его раздавить. А раз законно стратегическое отступление, стало быть, неправильно сводить всю стратегию к наступлению. Особенно это ясно и неоспоримо — повторяем — именно по отношению к маневренной стратегии. Очевидно, маневр есть сложная комбинация движений и ударов, перебросок, маршей и боев — с окончательной целью раздавить врага. Но если из маневра исключить стратегическое отступление, то очевидно, что стратегия примет чрезвычайно прямолинейный характер, т.е. перестанет быть маневренной.

Тоска по устойчивым схемам

«Какую же и для чего мы строим армию? — спрашивает т. Соломин. — Иначе говоря: какие враги нам угрожают и какими стратегическими путями (оборона или наступление) мы наиболее быстро и экономично справимся с ними?» («Военная наука и революция» № 1, стр. 19).

Эта постановка вопроса ярче всего свидетельствует, что мысль самого Соломина, который вещает о новой военной доктрине, находится целиком в плену у методов и предрассудков старого доктринерства. У австро-венгерского Генерального штаба (как и у других) имелись в течение десятилетий разработанные варианты войны: вариант «и» (против Италии) и вариант «р» (против России) и соответственные комбинации этих вариантов.

Численность итальянских и русских войск, их вооружение, условия мобилизации, стратегического сосредоточения и развертывания были в этих вариантах величинами если не постоянными, то устойчивыми. Таким образом, австро-венгерская «военная доктрина», опираясь на определенные политические предпосылки, твердо знала, какие враги угрожают империи Габсбургов, и из года в год размышляла над тем, как с этими врагами «экономично» справиться. Мысль работников Генерального штаба во всех странах текла по определенному руслу «вариантов». На изобретение лучшей брони у будущего неприятеля отвечали усилением артиллерии и наоборот. Воспитанным в этой традиции, рутинерам должно быть очень не по себе в условиях нашего военного строительства. «Какие враги нам угрожают?», т.е. где наши Генерально-штабские варианты будущих войн? И какими стратегическими путями (оборона или наступление) мы собираемся осуществить предначертанные варианты? Читая статью Соломина, невольно вспоминаю юмористическую фигуру начетчика военной доктрины, генерала Генерального штаба Борисова. Какой бы вопрос ни обсуждался, Борисов неизменно поднимал два пальца, чтобы иметь возможность сказать: «Вопрос этот может быть разрешен только в кругу других вопросов военной доктрины, а посему прежде всего надо установить должность начальника Генерального штаба». Из чрева этого начальника Генерального штаба должно произрасти древо военной доктрины и принести все необходимые плоды, примерно как это произошло в древности с дочерью восточного царя. Соломин, подобно Борисову, вздыхает, в сущности, об утерянном рае устойчивых предпосылок «военной доктрины», когда известно было за десять, за двадцать лет, какие враги, откуда и как угрожают. Соломину, как и Борисову, нужен универсальный начальник Генерального штаба, который собрал бы воедино черепки разбитой посуды, поставил на полку и наклеил ярлыки: вариант «п», вариант «р» и пр., и пр. Может быть, Соломин назовет нам заодно и ту универсальную голову, которую он имеет в виду? Что касается нас, то мы — уввы, такой головы не знаем и даже думаем, что ее не может быть, ибо задачи ей ставятся неосуществимые. Говоря на каждом шагу о революционных войнах и о революционной стратегии, Соломин как раз и проглядел революционный характер нынешней эпохи, порождающий полное нарушение устойчивости как в международных, так и во внутренних отношениях. Германия как военная держава не существует. Тем не менее французский милитаризм вынужден лихорадочными глазами следить за самыми незначительными событиями и изменениями во внутренней жизни Германии и на ее границах: а вдруг Германия поставит на ноги несколько миллионов человек? Какая Германия? Может быть, это будет Германия Людендорфа? Но, может быть, эта Германия только даст толчок, который будет смертельным для нынешнего гнилого полуравновесия, и расчистит путь Германии Либкнехта и Люксембург? Сколько «вариантов» нужно иметь Генеральному

штабу? Сколько планов войны нужно иметь, чтобы «экономично» справиться со всеми опасностями?

У меня в архиве есть немало докладных записок, и толстых, и тонких, и средних, ученые авторы которых с любезным педагогическим терпением разъясняли нам, что уважающая себя держава должна завести определенные, урегулированные отношения, уяснить заранее своих возможных врагов, завести себе подходящих союзников или по крайней мере нейтрализовать всех, кого можно. Ибо — разъясняли эти докладчики, — нельзя готовиться «втемную» к будущим войнам; нельзя определить ни численности армии, ни ее штатов, ни ее расположения. Под этими докладами я не помню подписи Соломина, но мысли его были. Авторы все как на зло были борисовской школы.

Международная и в том числе международно-военная ориентировка сейчас потруднее, чем в эпоху тройственного союза и тройственного согласия. Но тут уж ничего не поделаешь: эпоха величайших в истории потрясений, военных и революционных, нарушила кое-какие варианты и шаблоны. Устойчивой, традиционной, консервативной ориентировки ныне не может быть. Ориентировка должна быть бдительной, подвижной и ударной, если хотите — маневренной. Ударной — не значит наступательной, а значит строго отвечающей сегодняшней комбинации международных отношений и сосредотачивающей на сегодняшней задаче максимум сил.

Ориентировка в нынешних международных условиях требует гораздо более квалифицированной работы мысли, чем выработка консервативных элементов военной доктрины в прошлую эпоху. Но зато и работа эта выполняется в гораздо более широком масштабе и с применением гораздо более научных методов. Основная работа по оценке международного положения и вытекающих отсюда для пролетарской революции и Советской Республики задач выполняется партией, ее коллективной мыслью, и в директивных формах — ее съездами и ее Центральным комитетом. Мы имеем в виду не только Российскую Коммунистическую Партию, но и нашу международную партию. Какими педантскими кажутся требования Соломина составить каталог наших врагов и определить, будем ли мы и на кого именно наступать, в сравнении с той работой по оценке всех сил революции и контрреволюции в их сегодняшнем состоянии — в их развитии, какую сделал последний конгресс Коммунистического Интернационала! Какой же вам еще «доктрины»?

Тов. Тухачевский обращался к Коммунистическому Интернационалу с предложением устроить при нем международный Генеральный штаб. Конечно, это предложение было неправильно, не отвечало обстановке и задачам, какие формулировал сам конгресс. Если сам Коммунистический Интернационал мог быть фактически создан лишь после того, как в важнейших странах создались сильные коммунистические организации, тем более

международный Генеральный штаб мог бы возникнуть только на основе национальных Генеральных штабов нескольких пролетарских государств. Пока этого нет, международный штаб неизбежно превратился бы в карикатуру. Тухачевский счел необходимым свою ошибку усугубить, напечатав свое письмо в конце своей интересной книжки «Война классов». Это ошибка того же порядка, как и стремительный теоретический натиск тов. Тухачевского на милицию, будто бы стоящую в противоречии с Третьим Интернационалом. Необеспеченные наступления представляют вообще, — заметим мимоходом, — слабую сторону тов. Тухачевского, одного из даровитейших наших молодых военных работников...

Дух обороны и дух наступления

Но ведь «нельзя одновременно воспитывать в духе обороны и в духе наступления», — говорит Соломин (стр. 22). Вот это-то и есть доктринерство. Почему нельзя? Кто сказал, что нельзя? Где и кем это доказано? Никем и нигде, ибо это в корне неверно. Все искусство нашего военного строительства (не только военного) в Советской России состоит в том, чтобы сочетать международные революционно-наступательные тенденции пролетарского авангарда с революционно-оборонительными тенденциями крестьянской массы и даже широких кругов самого рабочего класса. Это сочетание отвечает всей международной обстановке. Уясняя смысл ее передовым элементам армии, мы тем самым научаем их правильно сочетать оборону и наступление не на стратегическом только, а в революционно-историческом смысле слова. Не думает ли Соломин, что это угашает «дух»? У него и его единомышленников есть на это намеки. Но уж это чистейшая левозэровщина! Уяснение существа международной и внутренней обстановки и активное, «маневренное» к ней приспособление не могут угашать дух, а могут только закалять его.

Или, может быть, в чисто военном смысле нельзя готовить армию и для обороны, и для наступления? Но и это пустяки. Тухачевский подчеркивает в своей книжке ту мысль, что оборона в гражданской войне не могла или почти не могла иметь позиционной устойчивости. Отсюда Тухачевский делает тот правильный вывод, что оборона в таких условиях должна иметь по необходимости активный и маневренный характер, так же как и наступление. Если мы слишком слабы для нападения, мы стремимся вырваться из объятий противника, чтобы затем собраться в кулак на его дальнейшем пути и ударить его по большому месту. Неверно до нелепости утверждение Соломина, будто армия дрессируется по специальности — для обороны или для нападения. Оборона и наступление входят переменными моментами в борьбу, тем более маневренную. Кто хорошо обороняется там, где нужно обороняться, и хорошо наступает там, где нужно наступать, тот побеждает. Вот

единственно здоровое воспитание, которое мы должны дать нашей армии, прежде всего в лице ее командного состава. Ружье со штыком годится для обороны и нападения. Точно так же и рука бойца. Сам боец и часть, в которую он входит, должны быть подготовлены для борьбы, для отстаивания себя, для отпора врагу, для разгрома врага. Хорошо наступает тот полк, который умеет обороняться. Хорошая оборона должна только полку, желающему и умеющему наступать. уставы должны учить драться, а не натаскивать на наступление.

Революционность есть состояние духа, а не готовый ответ на все вопросы. Она может дать подъем, обеспечить порыв. Подъем и порыв — драгоценнейшее условие успеха, но не единственное. Нужна ориентировка, нужна выучка. А доктринерские шоры долой!

Ближайшие задачи

Но неужели же в сложном переплете международных отношений не выделяются более ясные и отчетливые элементы, по которым мы должны были бы равняться в нашей военной работе ближайших месяцев?

Такие элементы есть, и они слишком громко говорят за себя, чтобы их можно было почитать секретными. На Западе это — Польша и Румыния, а за их спиной — Франция. На Дальнем Востоке это — Япония. Вокруг да около Кавказа — Англия...

Все эти вопросы не допускают какого-либо абсолютного решения. Речь может идти только об эмпирических приближениях и о своевременных к ним поправках в зависимости от перемены обстановки. Только безнадежные доктринеры думают, что ответы на вопросы мобилизации, формирования, обучения, воспитания, стратегии и тактики можно получить дедуктивным, формально-логическим путем из предпосылок священной «военной доктрины». Не магических, всеспасающих военных формул не хватает нам, а более тщательной, внимательной, точной, бдительной, добросовестной работы на тех основах, которые нами уже прочно заложены. Наши уставы, наши программы, наши штаты несовершенны. Это бесспорно. Прорех, неправильностей, устарелого, незаконченного — сколько угодно. Это нужно исправлять, улучшать, уточнять. Но как и под каким углом зрения?

Нам говорят, что в основу пересмотра и исправлений нужно положить доктрину наступательной войны. «Эта формула означает, — пишет Соломин, — самый решающий (!) поворот (в строительстве Красной Армии); приходится пересмотреть все (!) сложившиеся у нас взгляды, произвести полную (!) переоценку ценностей с точки зрения перехода от чисто оборонительной стратегии к наступательной. Воспитание командного состава, подготовка

одиночного бойца, вооружение — все это (!) должно впредь проходить под знаком наступления»... (Стр. 22).

«Только при наличии такого единого плана, — пишет он же, — начавшаяся реорганизация Красной Армии выйдет из состояния бесформенности, разброда, несогласованности, шатания и отсутствия ясно сознанной цели». Выражения у Соломина, как видим, строго наступательные, но утверждения — вздорные. Бесформенность, шатание и разброд — в его собственной голове. Объективно в нашем строительстве есть трудности и есть практические ошибки. Но ни разброда, ни шатания, ни несогласованности нет. И армия не позволит Соломиным выписывать свои организационные и стратегические мысли и тем вносить шатание и разброд.

Уставы и программы нужно пересмотреть не под углом доктринерской формулы чистого наступления, а с точки зрения проделанного четырехлетнего опыта. Нужно читать, обсуждать и проверять уставы на совещаниях командного состава. Нужно, чтобы живое еще воспоминание о боевых действиях, больших и малых, было сопоставлено с формулой устава и чтобы каждый командир сознательно сказал себе, отвечают ли слова делу или нет и если расходятся, то в чем. Собрать этот упорядоченный опыт, подытожить его, оценить его в центре стратегическим, тактическим, организационным, политическим критерием более высокого опыта; разгрузить уставы и программы от устарелого, излишнего, приблизить их к армии и заставить армию почувствовать, насколько они нужны ей и в какой мере они могут заменить ей самодельщину, — вот действительно большая и насущная задача!

Ориентировка международного масштаба и большого исторического размаха у нас есть. В одной своей части она уже проверена опытом; в другой — проверяется и выдерживает испытание. Революционной инициативой и духом наступления коммунистический авангард обеспечен в достаточной мере. Не словесное, крикливое новаторство насчет новых военных доктрин нам нужно и не трескучее их провозглашение, а систематизация опыта, улучшение организации, внимание к мелочам.

Прорехи нашей организации, нашу отсталость и бедность, особенно техническую, не возводить нам нужно в символ веры, а устранять всемерно, стремясь приблизиться в этом отношении к империалистским армиям, которые все заслуживают быть разгромленными, но у которых есть кое-какие преимущества: богатая авиация, обильные средства связи, хорошо обученный, тщательно подобранный командный состав, точность учета средств, правильность взаимоотношений. Конечно, это лишь организационно-техническая оболочка. Морально, политически буржуазные армии распадаются или идут навстречу распаду. Революционный характер нашей армии, классовая однородность командного состава и массы бойцов, коммунистическое руководство — вот где могущественнейшая и

несокрушимая наша сила. Ее у нас никто не отнимет. Все внимание должно быть ныне направлено не на фантазерскую перестройку, а на улучшение и уточнение. Правильно доставлять в части пищу, не гноить продуктов, варить хорошие щи, научить истреблять вошь и содержать тело в чистоте, правильно вести занятия и поменьше в комнате, побольше под открытым небом; толково и конкретно готовить политические беседы; снабдить каждого бойца служебной книжкой и правильно вести записи; научить чистить винтовки, смазывать сапоги, научить стрельбе, помочь командному составу превратить в свою внутреннюю сущность уставные заповеди о связи, о разведке, донесениях, охранении; учиться и учить применению к местности; правильно наматывать портянки, чтобы не натирать ноги; еще раз смазывать сапоги — такова наша программа на ближайшую зиму и на ближайшую весну.

Кто эту деловую программу назовет в праздничный день военной доктриной, с того не взыщется.

(Военная наука и революция. 1921. Кн. 2. С. 204–234)

Единая военная доктрина и Красная Армия

М. Фрунзе

Одним из наиболее важных вопросов, приковывающих внимание нашей современной военной мысли, является вопрос о так называемой «единой военной доктрине».

Предметом оживленного обсуждения служил он в статьях, помещенных рядом военных специалистов на страницах ныне уже не существующего журнала «Военное дело»; к нему же вплотную подходит мысль армейских работников, о чем свидетельствуют протоколы многих военных совещаний, посвящавшихся вопросам реорганизации Красной Армии.

Все это говорит о наличии глубокого теоретического и практического интереса, возбуждаемого данным вопросом. Но, к сожалению, дальше простого интереса дело пока вперед не двинулось, ибо до сих пор мы не только не имеем попыток систематизации учений о нашей военной доктрине, но и самое содержание этого понятия является в достаточной степени смутным и неопределенным.

Характерна в этом отношении та разногласица мнений и взглядов, которая обнаружилась в статьях наших старых военных специалистов. Вышло буквально по пословице: «Сколько голов, столько и умов». По признанию крупнейших представителей

военного мира, оказалось, что у нашего старого Генерального штаба не существует никаких определенных взглядов по этому основному вопросу военной теории, и даже более того, нет ясного представления, в чем, собственно, состоит самый вопрос, нет умения правильно поставить его.

Этот факт, говорящий прежде всего о крайней скудости военно-теоретического багажа, доставшегося в наследство от старой армии, способен навести на грустные размышления по поводу дальнейших попыток в этом направлении. И надо признать, что в опасениях подобного рода несомненно есть некоторая доля основательности, но только известная доля.

Стоит только вспомнить ту общественно-политическую обстановку, в которой развивалась и работала мысль наших старших товарищей по военному делу. В атмосфере полицейско-самодержавного строя с его подавлением всякой общественной и личной инициативы, на фоне нашей общей экономической и политической отсталости, при крайней рутине навыков и взглядов во всех сферах деятельности, конечно, не могло быть и речи о каком-то широком научном творчестве...

Вопросы текущего исторического периода в сравнении с предшествующей эпохой носят целый ряд характерных особенностей. В то время как прежде исход боевых столкновений зависел от сравнительно небольших групп населения, или образовывавших постоянные отряды, считавшие войну своей профессией, или же временно привлекавшихся в ряды войск для этих целей, теперь участниками войн являются почти поголовно целые народы, сражаются не тысячи или десятки тысяч людей, а целые миллионы, самые войны втягивают в свой круговорот к подчиняют себе решительно все стороны общественного быта, затрагивают все без исключения государственные и общественные интересы. Театром военных действий теперь являются не узко ограниченные пространства, а громадные территории с десятками и сотнями миллионов жителей; технические средства борьбы бесконечно развиваются и усложняются, создавая все новые и новые категории специальностей, родов оружия и т.д., и т.д.

При этих условиях основному требованию военного искусства и науки — цельности общего плана и строгой согласованности при его проведении — грозит величайшая опасность повиснуть в воздухе. В то время как в прежних войнах момент непосредственного руководства вождями отдельными частями боевого организма составлял обычное явление, теперь об этом не может быть и речи. Между тем это единство, цельность и согласованность нужны теперь более, чем когда-либо. И они нужны не только в период уже развертывающихся боевых операций, но и тогда, когда идет предварительная подготовка к ним, как общее правило, эта подготовительная работа как государства, взятого в целом, так и

его военного аппарата, сама играет решающую роль. Государство должно заранее точно определить характер своей общей, и в частности военной, политики, наметить соответственно с нею возможные объекты своих военных устремлений, выработать и установить определенный план общегосударственной деятельности, учитывающий будущие столкновения и заранее обеспечивающий их удачу целесообразным использованием народной энергии.

Что касается военного аппарата, то, основываясь на общегосударственной программе, он должен принять наиболее отвечающую общим государственным заданиям организационную форму и дальнейшей работой создать прочное единство всех вооруженных сил, связанных сверху донизу общностью взглядов как на характер самых военных задач, так и на способы их разрешения.

Эта работа по выработке единства мысли и воли в рядах армии является делом чрезвычайно сложным и трудным и может успешно протекать только тогда, когда оно совершается планомерно, на основе отчетливо сформулированных положений и санкционированных общественным мнением руководящего страной класса.

Из сказанного ясно, какое огромное практическое значение для всего дела военного строительства республики имеет учение о «единой военной доктрине». Оно должно прежде всего указать характер тех боевых столкновений, которые нас ожидают. Должны ли мы утвердиться на идее пассивной обороны страны, не ставя и не преследуя никаких активных задач, или же должны иметь в виду эти последние? В зависимости от того или иного решения этого вопроса военной политики определяется и весь характер строительства наших вооруженных сил, характер и система подготовки одиночных бойцов и крупных воинских соединений, военно-политическая пропаганда и вся вообще система воспитания страны.

Учение это должно быть обязательно единым, являясь выражением единой воли стоящего у власти общественного класса.

Вот примерный круг общих идей и вытекающих из них практических задач, который должен быть охвачен понятием «единой военной доктрины».

Выше было уже отмечено, что более или менее общепринятой и точной формулировки этого понятия нет в нашей военной литературе. Но при всем разнообразии мнений, высказанных по поводу единой военной доктрины, основные моменты у большинства определений приблизительно совпадают. Основываясь на изложенном выше, моменты эти можно свести к двум группам: 1) технической и 2) политической. Первую образует все то, что касается организационных основ строительства Красной Армии, характера боевой подготовки войск и методов разрешения боевых задач. Ко второй же относится момент зависимости и связи технической стороны строительства вооруженных

сил с общим строем государственной жизни, определяющим ту общественную среду, в которой должна совершаться военная работа, и самый характер военных задач.

Таким образом, можно было бы предложить такое определение «единой военной доктрины»: единая военная доктрина есть принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер войск, их вождения на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и определяемые уровнем развития производственных сил страны...

Несколько слов о военной доктрине русской армии времен царизма.

После всего, что было сказано выше о нашей военной доктрине, самая постановка этого вопроса может показаться странной; но доктрина, хотя и не оформленная, в царской армии все-таки была, и хотя ничего положительного собой не представляла, все же и на этом отрицательном примере можно показать теснейшую связь учения о войне с общим укладом жизни.

Политическая сторона этой доктрины сводилась к триединой идее православия, самодержавия и народности, вбивавшейся в головы молодых солдат на уроках знаменитой словесности. Что же касается военно-технической части ее, то она в наших руководящих наставлениях являлась простым заимствованием у иностранных оригиналов, большей частью лишь в ухудшенном издании; но и в этом своем виде доктрина являлась мертворожденным детищем наших немногочисленных военных теоретиков, оставаясь чуждой не только всей массе рядового командного состава армии, но и ее высшим руководителям. Здесь ярко сказалось все беспримерное убожество, вся внутренняя гнилость и дряблость царской России последних времен. В самом деле, армия всегда была предметом особого попечения царей, и, тем не менее, эта самая армия в их руках оказалась никуда не годной силой.

Изложенное позволяет сделать некоторые общие выводы по интересующему нас вопросу.

Первый из них — это уже неоднократно повторенная нами мысль о том, что военное дело данного государства, взятое в его совокупности, не является самодовлеющей величиной и целиком определяется общими условиями жизни этого государства.

Второй — что характер доктрины военной, принятой в армии данного государства, определяется характером общей политической линии того общественного класса, который стоит во главе его.

Третий — основное условие жизненности военной доктрины заключается в ее строгом соответствии общим целям государства и тем материальным и духовным ресурсам, которые находятся в его распоряжении.

Четвертый — доктрины, способной быть жизненным, организующим моментом для армии, изобрести нельзя. Все основные элементы ее уже даны в окружающей среде, и работа теоретической мысли заключается в отыскании этих элементов, сведении их в систему и в приведении их в соответствие с основными положениями военной науки и требованиями военного искусства.

Пятый — основной теоретической задачей работников рабоче-крестьянской Красной Армии должно явиться: изучение характера окружающей нас общественной среды; определение характера и существа военных задач, вытекающих из существа самого государства; изучение условий, обеспечивающих их выполнение как в отношении материальных, так и духовных предпосылок: изучение особенностей строительства Красной Армии и применявшихся в ней методов борьбы; согласование с требованиями военной науки и искусства всех тех особенностей, которые объективно и неразрывно связаны с характером нашего пролетарского государства и переживаемой нами революционной эпохи...

Что касается конкретного общественно-политического содержания этой части будущей нашей доктрины, то оно целиком дано нам в готовом виде в идеологии рабочего класса — в программе Российской Коммунистической Рабочей Партии. Прежняя формула царской армии «православие, самодержавие, народность» уступила свое место идеям революционного коммунизма, Советской власти как специфической формы пролетарской диктатуры, международного братства и солидарности трудящихся. Трехгодичная деятельность политических отделов и коммунистических ячеек Красной Армии принесла уже достаточно осязательные результаты в смысле политического воспитания в новом духе широких красноармейских масс и, продолжаясь дальше в этом же направлении, должна нам подготовить единую, крепко спаянную сверху донизу единством политической идеологии вооруженную силу.

Основной задачей текущего дня в этом отношении, наряду с углублением и расширением политической работы на низах, стоит работа по приобщению к общей красноармейской массе нашего командного состава. Государство должно всем весом своего влияния в кратчайший срок покончить с теми остатками политической разъединенности, которые до сих пор наблюдаются в Красной Армии. Люди с идеологией, враждебной идеям труда, должны быть оттуда изъяты. Это отнюдь не означает необходимости для всего командного состава Красной Армии стать членами коммунистической партии. Но это значит — добиться такого положения, чтобы командный состав стал фактически советским,

чтобы исчезла всякая почва для каких бы то ни было подозрений политического порядка по его адресу, чтобы у него с низами, с рядовой красноармейской массой, чувствовалась полная спайка и взаимное понимание, только при этом условии нам фактически удастся ликвидировать институт военных комиссаров как излишний придаток и перейти к системе единоначалия.

На вопрос о характере военных задач, могущих встать перед нами, т.е. должны ли они быть строго оборонительного характера, или Красная Армия республики должна быть готова в случае нужды к переходу в наступление — из всех предшествующих соображений вытекает совершенно определенный ответ.

Общая политика рабочего класса, класса активного по преимуществу, класса, стремящегося к завоеванию всего буржуазного мира, не может быть активной в самой высокой степени. Правда, если считаться с материальными ресурсами только своей страны, то пределы этой активности становятся довольно узкими и определяются для настоящего времени тем уровнем экономического развития и общего нашего положения, на котором мы стоим сейчас. Возможно поэтому, что определенный промежуток времени активно революционная энергия рабочего класса не будет направлена на достижение целей внешнего порядка. Но этот факт не меняет существа дела. К политике в полной мере применим тот принцип высшей стратегии, который говорит: «Победит лишь тот, кто найдет в себе решимость наступать: сторона только обороняющаяся неизбежно обречена на поражение».

Самым ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда для этого сложится благоприятная обстановка. Таким образом, в этом пункте мы имеем полное совпадение требований военного искусства и общей политики. В отношении же материального обеспечения возможности проведения этой наступательной линии следует учитывать то обстоятельство, что базой нашего наступления может быть не одна Россия, а целый ряд и других стран. Все зависит от степени созревания революционного процесса внутри этих стран и способности их рабочего класса выступить на открытую борьбу со своим классовым противником...

Отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, готовить ее к завершению задач Революции путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций...

Анализируя вероятную обстановку наших грядущих военных столкновений, мы заранее можем предвидеть, что в техническом отношении мы несомненно будем слабее наших противников. Обстоятельство это имеет для нас чрезвычайно серьезное значение, и мы, помимо напряжения всех сил и средств для достижения технического совершенства,

должны искать пути, могущие хотя бы до известной степени уравновесить эту невыгодную для нас сторону.

Некоторые средства для этого имеются. Первым и важнейшим из них является подготовка и воспитание нашей армии в духе маневренных операций крупного масштаба.

Размеры наших территорий, возможность отступать на значительное расстояние, не лишаясь способности к продолжению борьбы, и пр., представляют благоприятную почву для применения маневров стратегического характера, т.е. вне поля боя. Наш командный состав должен воспитываться преимущественно на идеях маневрирования, а вся масса Красной Армии должна обучаться искусству быстро и планомерно производить марш-маневры. Опыт минувшей империалистической войны в ее первоначальной стадии, а равно весь опыт нашей гражданской войны, носившей по преимуществу маневренный характер, даст в этом отношении богатейший материал для изучения.

В связи с этим в общей экономии наших военных средств инженерная оборона и нападение, игравшие такую колоссальную роль в империалистической войне, в нашей армии должны отойти на задний план. Вспомогательная роль, которая должна быть отведена этому роду оружия, сводится к тому, чтобы служить вспомогательным средством для операций полевого характера. Пользование местностью, широкое применение ее искусственного укрепления, создание искусственных временных рубежей, обеспечивающих выполнение общего марш-маневра, — вот область приложения сил и средств этого порядка.

В частности, роль и значение крепостей в условиях будущих наших операций будут совершенно ничтожны. За счет крепостей гораздо целесообразнее будет усилить полевые войска. Второе средство борьбы с техническими преимуществами армии противника мы видим в подготовке ведения партизанской войны на территориях возможных театров военных действий. Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой «малой войны» будет производиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армий противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными пред сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником...

В организационном отношении основой наших вооруженных сил для ближайшего периода может быть только постоянная Красная Армия. Это вытекает из всего, что говорилось об общем характере наших боевых задач. Вопрос этот в настоящее время может считаться окончательно решенным в связи с соответствующим постановлением X съезда Российской Коммунистической Партии и последующими правительственными декретами. Переход к милиционной системе на основе Всеобуча допустим лишь в той мере, в какой он

позволяет достигнуть определенных сбережений в расходовании государственных средств, не подрывая способности Красной Армии к разрешению активных целей.

Что касается внутреннего быта Красной Армии, то он должен строиться в направлении максимального приближения к идеалам коммунистического общежития. Конечно, при данном уровне развития производительных сил пропаганда полного поравнения командного состава с рядовой массой неосуществима и может вестись лишь теми, кто заинтересован в уничтожении крепости и мощи Красной Армии. Это ясно огромному большинству красноармейцев; но все же внутренний строй и распорядок армии рабоче-крестьянского государства должен быть свободен от всяких привилегий, не вызывающихся потребностями службы и не вытекающих из ее характера. Только на этой почве мыслимо создание той товарищеской спайки и взаимного понимания армейских верхов и низов, которое является главнейшим залогом физической и духовной мощи Красной Армии.

При строевом обучении элемент муштры в Красной Армии должен отойти на задний план; при этом самое понятие «муштры» совершенно должно быть изменено. О муштровке в старом смысле этого слова, т.е. в смысле чисто механического, с присоединением суровых мер воздействия обучения элементам строя не может быть и речи. Нам ни к чему стремиться к достижению такой выучки строевиков, которая являлась идеалом для всякого рода любителей парадов и показной стороны. Достаточно добиться известной стройности, быстроты и правильности при выполнении определенных построений. Механичность при этом вовсе не требуется; необходимо все строить на достижении этих эффектов путем максимального развития личной инициативы и самостоятельности каждого красноармейца. В этом отношении характерные особенности нашего государства и нашей армии открывают самые широкие перспективы. Мы имеем полную возможность строить единство армии не путем палочной дисциплины, а путем максимального умственного развития красноармейцев. В то время как всякое буржуазное государство должно опасаться приобщения к знаниям и развития духовной деятельности рабов капитала, для нас это самое развитие является вернейшим залогом победных достижений. Применительно к этому требованию должен быть приспособлен весь аппарат нашего обучения одиночного бойца.

Поддержание служебной дисциплины в рядах армии является обязательным и необходимейшим условием ее мощи, и в этом отношении требования Советского государства самые решительные. Но опять-таки между современным пониманием дисциплины и тем, что имело место в царской армии, лежит целая пропасть. Дисциплина в Красной Армии должна базироваться не на страхе наказания и голом принуждении, а на добровольном сознательном исполнении каждым своего служебного долга, и первый пример такой дисциплины должен дать командный состав. Чем должна поддерживаться

дисциплина? Во-первых, сознательностью передовой части красноармейской массы, ее коммунистических ячеек, ее политруков и всего командного состава, их выдержкой, преданностью революции, героизмом и самопожертвованием. Во-вторых, умением командного состава связаться, сблизиться, до известной степени слиться с широкой красноармейской массой. В-третьих, правильностью его политического и технического руководства, укреплением веры красноармейской массы в полное соответствие начальников своему назначению. Вне этих условий поддержание дисциплины в армии революционной, каковой является наша Красная Армия, дело безнадежное. Конечно, абсолютно без всяких элементов принуждения обойтись нельзя, но применению их должны быть положены самые узкие пределы. Только тот может быть признан настоящим красным командиром, кто без всяких принудительных мер добьется полного подчинения своей воле.

Таковы, в общих чертах, должны быть основные элементы той военной доктрины, на основе которой должно происходить развитие и укрепление военной мощи советской федерации. Для выполнения своего назначения идеи доктрины должны проникнуть, пропитать собой все наши военные уставы, наступления и пр., должны стать органической частью мировоззрения красноармейской массы, и особенно ее командной части. Мне кажется вполне целесообразным основные практические положения, вытекающие из существа доктрины, изложить особо в отдельном уставе, который являлся бы основным катехизисом Красной Армии. В этом отношении идея «Основного воинского устава» Д. Парского заслуживает самого серьезного внимания.

Вот примерный круг общих идей, которые, мне кажется, должны стать близкими всем, занимающимся разработкой вопросов военной теории в ее общей части. Несомненно, изложенное является лишь попыткой поставить вопрос и вызвать к нему соответствующее внимание. Что же касается его разрешения, то это может явиться лишь результатом длительной и упорной работы военно-теоретической мысли на основе коллективного опыта.

Остается выразить самое горячее пожелание, чтобы разработка вопроса о военной доктрине Красной Армии заняла и в нашей литературе, и в нашей практической деятельности такое место, которое по праву должно ей принадлежать в силу особого ее значения для дела строительства вооруженных сил республики.

(Военная наука и революция. 1921. Июль – август. С. 30–46)

Военная доктрина

Н. Михневич

При создании новой армии обязательно возникает вопрос о пересмотре всего научного и технического материала, унаследованного от ее предшественницы — регулярной армии. Этот пересмотр тем более необходим, что по некоторым вопросам до сих пор не сговорились, как, например, в возбуждаемом этой статьей вопросе о военной доктрине. Одни говорят, что доктрина военная у нас есть и нечего, отыскивая ее, ломиться в открытую дверь; другие говорят, что это — пустословие, никакой военной доктрины нет и быть не может; третьи восхищаются доктринами в германской и французской армиях и скорбят, что у нас ничего подобного нет.

Постараемся выяснить этот вопрос на основании современного состояния русской военной науки. Прежде всего, определим, что такое доктрина.

Доктрина есть собрание догматов, образующих систему веры: религиозной, философской, политической или научной.

Таким образом, военная доктрина есть обобщение и синтез всех отделов теории военного искусства и практической стороны военного дела. Совместить в одном и том же лице и обширную теоретическую подготовку, и серьезный практический опыт крайне трудно. Отсюда постоянная борьба между теоретиками и практиками, которые иногда друг друга не понимают или не хотят понять. Суворов со своим светлым умом и русским юмором вышучивал и тех и других: ученых своего времени он называл «бедными академиками», а про практиков-хвастунов выражался: «Они говорят, что знают дело, да дело-то их не знает». В чем же истина? Суворов и на это ответил: «Не нужно методизма, а верный взгляд военный». Под словом методизм он называл современный ему способ ведения войны, основанный на применении фальшивых идей, бессодержательного формализма.

Военное дело живое; оно требует сознательного и внимательного изучения элементов войны и многовекового военного опыта. Только таким путем можно усвоить основные начала военного искусства и способы применения их при различных условиях обстановки.

«Следует обратить серьезное внимание на разницу, существующую между тактикой принципов и тактикой систем», — говорит Жомини, знаменитый истолкователь действий Фридриха Второго и Наполеона. Усвоение этих принципов — дело нелегкое. «Война есть наука для людей выдающихся, искусство для посредственности и ремесло для невежд», — сказал тот же Фридрих. «Трудом можно достигнуть того же, что и гением», — сказал Наполеон. «Никогда не следует рассчитывать на случайность вдохновения, необходимо

иметь принципы» — слова маршала Бюжо. «От знания к исполнению только один шаг, а от невежества к исполнению — гораздо более», — говорит Виллизен.

Отрицателям общих принципов превосходно отвечает генерал Бриальмон: «Они говорят, что следует действовать в зависимости от условий места, времени и обстоятельств: это опасный афоризм, которым прикрывается рутинная и невежественная практика».

Лучшим доказательством пользы теоретических трактатов является отзыв Наполеона о сочинении Гибера «Основы тактики», которое он всегда имел при себе, даже в походах: «Эта книга способна создавать великих полководцев».

Итак, ни практики военного дела, ни теоретики не отрицают существования основных начал (доктрин, принципов), на которых зиждется военное искусство. Чтобы не существовало антагонизма между теорией и практикой, необходимо, чтобы они шли рука об руку. Некоторые элементы военного дела, преимущественно естественные (свойства и силы человека и лошади, климатические условия, местность и пр.), изменяются мало, но искусственные — оружие, средства передвижения, средства усиления слуха и зрения — постоянно совершенствуются и вводят, так сказать, новые коэффициенты, которые должны быть принимаемы во внимание. С другой стороны, часто за новое выдается что-нибудь очень старое, но хорошо забытое. Чтобы не повторять ошибок прошлого, приходится с ним считаться, а следовательно, и изучать его.

Теоретическое изучение дела практиком, подтверждающее его практические выводы, дает ему полную уверенность в себе. Еще Полибий писал: «Неудачи большею частью происходят от невежества или легкомыслия вождей».

Гармоническое сочетание теоретического и практического военного дела только и может сформировать сознательного военного деятеля. Нет сомнения, что случай и счастье могут иногда увенчать дурного вожда, что невежество может придавать счастливую дерзость, а ученое образование довести иногда до педантизма и нерешительности и что поэтому хороший теоретик может оказаться дурным практиком и наоборот; но этому причиной не свойство теории, так как только ошибочная теория может иметь вредное влияние на практические действия.

Военная доктрина (теория военного искусства) должна всесторонне охватывать все военное дело и стремиться установить общие принципы по отношению каждого входящего в него вопроса. Она должна избегать шаблонизма, но извлечь из многовекового опыта ответ на все конкретные случаи данной эпохи, а также и при неожиданно создавшихся новых условиях обстановки. Суворов гениально осветил этот вопрос словами: «Всякая война различна: здесь масса в одном месте, а там гром», т.е. в одной войне надо наносить удар массой, а в другой достаточно громом бить по воображению противника. Он был страшный

противник шаблонизма; доктрина его разносторонняя, и поэтому вытекающие из нее способы действий зависят от неприятеля и обстоятельств. Вот как он говорит о бое в своей бессмертной «Науке побеждать»: «Баталия в поле — линиею против регулярных, кареями — против бусурман. Есть безбожные, ветреные, сумасбродные французишки; они воюют на немцев и иных колоннами. Если бы нам случилось против них, то надобно нам их бить колоннами же». Так Суворов решил вечный вопрос о линиях и колоннах: оба средства хороши.

«Не нужно методизма, а верный взгляд военный» — вот великий завет, оставленный нам в наследство великим Суворовым. Вот она — истинная военная доктрина, конкретно сформулированная в трех словах, проведение которых в жизнь дарует победу.

«Глазомер, быстрота и натиск»

Мы убеждены вполне, что лучшие теоретические исследователи по теории военного искусства как во Франции, так и в Германии признают правильность суворовской формулы, но, стремясь подготовить массы к проведению ее в жизнь, они иногда рискуют, рекомендуя шаблонное ее применение, основанное, впрочем, на очень серьезных соображениях. Перед нами, действительно, в настоящее время две доктрины: французская система Фоша и германская.

Генерал Фош с первых же шагов своей академической работы выдвинул как одно из важнейших условий успеха на войне «подготовку», но наряду с этим он признает значение «массы» (суворовского натиска) и «быстроты» действий. Если серьезно вдуматься в его формулу, то это та же суворовская, но идущая дальше в жизнь: «глазомер» определяет, что надо для победы, а подготовка должна уже, вдобавок к глазомеру, определить и заготовить необходимые для нее средства. Успехи Фоша показали, что формула его верна: но она не сразу завоевала свое признание.

Это подтверждалось еще до последней войны, на маневрах французской армии, тем, что ее начальники часто отступали от осторожной стратегии Фоша, считаясь с волею противника. Ясно, что во французской армии шаблонизм не может иметь места, а живет, как и всегда было ранее, «верный взгляд военный».

Германская доктрина стремится к встречному бою, вытянув армию в одну линию, охватывая неприятеля огненным кольцом с обоих флангов, «бросая даже последний резерв в дьявольский котел огневого боя», к которому она чувствует необыкновенную склонность и которому она выучена...

В форме боя русская армия по своей подготовке (культ штыка) более склонна стать на сторону германской доктрины с ее встречным боем, чем французской с ее борьбой на измор и затем только решительной атакой. Германская доктрина смелее, отважнее, дерзче, что более отвечает русскому характеру и его, суворовской, наступательной тактике.

В исторических работах германского Генерального штаба ясно стремление дать военной интеллигенции лучшие материалы для изучения различных положений на войне вдобавок к односторонней доктрине, брошенной в ее массы. И этим способом они исправляют несообразность существования слишком односторонней системы.

Наша доктрина существует — это суворовский «верный взгляд военный», конечно, по-видимому, опасный по своей неопределенности, но безусловно вечный. Он требует усвоения и проведения на войне основных принципов военного искусства.

Важнейшие из этих принципов следующие:

1) Чтобы победить, надо иметь превосходный момент (т.е. на главном театре военных действий и при производстве решительной атаки в сражении).

2) Все положения и действия войск должны быть согласованы с интересами боя, поэтому требуется выполнение следующих условий:

План войны должен заключать:

1) характер предстоящей войны — наступательный или оборонительный;

2) силы и средства, необходимые для достижения поставленной цели, и

3) стратегическое развертывание армии.

Наступательный или оборонительный способ действий зависит от: а) преследуемой политической цели и б) военных соображений.

Наступление и оборона — два вида борьбы, не исключаящие друг друга, а взаимно дополняющие. Наступление дает выгоды инициативы, выгоды моральные, но требует больших потерь и хорошо обученных и снабженных войск. Оборона обладает обратными качествами, но несет меньшие потери в бою и в меньшей степени требует искусного маневрирования от войск; кроме того, обороняющийся может двигаться быстрее наступающего, который должен тянуть за собой тыл, восстанавливать сообщения, что вызывает потерю во времени. Быстрота движения войск имеет огромное значение на войне.

Стратегическое развертывание армии должно быть:

а) безопасным на фронте и в тылу и

б) создать благоприятную обстановку для действий, т.е. условия силы, места, времени и характера противника.

Безопасность требует сильного прикрытия и такого удаления от противника, чтобы он не мог появиться в значительных силах перед армией, не закончившей стратегического развертывания.

Данные обстановки сами собой понятны; только вопрос о выигрыше времени намечает развертывание возможно ближе к противнику, что иногда не согласуется с условием безопасности: в таком случае последнему отдается преимущество. Следует избегать решительного боя ранее окончания стратегического развертывания армии.

Приведение плана войны в исполнение:

1. Организация армии должна удовлетворять: а) принципу единоначалия²⁴, б) удобоуправляемости, в) относительной самостоятельности ее частей и г) сохранению органической связи в войсках.

2. Подготовка театра военных действий в инженерном отношении требует:

- а) создания необходимых железнодорожных и водных сообщений и
- б) специально инженерных сооружений (крепостей, укрепленных позиций и т.п.).

Создание сети сообщений важнее специально инженерных сооружений,

3. Мобилизация армии требует: 1) возможного порядка и быстроты и 2) призыва в ряды действующей армии запасных младших сроков службы, более энергичных и не отвыкших от техники службы и выучки.

Ведение военных действий

Большая война составляется из главных и второстепенных операций.

Группировка сил армии должна отводить большую часть войск на ведение главных операций, выделяя для второстепенных целей наименьшее их количество.

План операции, вытекающей из основной задачи, преследуемой на данном театре, т.е. наступательный или оборонительный, должен:

а) вести к достижению важной цели, б) быть удобоисполнимым, в) безопасным по отношению работы войск и их тыла²⁵, г) строго отвечать условиям обстановки (сила, место, время, данная воли противника) и д) все эпизоды (бои, демонстрации, осады, занятие отрядами известных пунктов) операции должны отличаться полной связью с основной ее идеей (единство операции — ее внутренняя цельность).

²⁴ С широким применением принципа разделения труда — частной инициативы.

²⁵ Условие безопасности подразумевает: 1) осуществление возможно полного сосредоточения сил; 2) экономию сил — расчетливое выделение отрядов для второстепенных целей; 3) установление связи в действиях; 4) рациональное применение частной инициативы.

Движения войск на театре военных действий (марши-маневры)

1) выбор направления в зависимости от преследуемой цели операции, 2) способ движения (размер стратегического фронта и соответствующая форма марша): движение в одну линию, в форме звезды или большого армейского каре, в уступной форме, движение эксцентрическое.

Основной принцип: «порознь двигаться, а вместе драться»

При совершении походных движений необходимы: 1) быстрота — обозы отдельно (в тыл), малые колонны, выбор дорог, 2) безопасность — конница впереди, авангарды, связь, порядок, 3) сохранение сил людей и лошадей — привалы, дневки, порядок во время движения.

Сторожевая служба

1) Тщательное наблюдение и 2) устойчивость — для выигрыша времени, необходимого для изготовления к бою.

Разведывательная служба

1) Непрерывность наблюдения, 2) своевременность доставки донесений.

Бой

Бои истребительно-решительные и второстепенные (вспомогательные) бои. Разница в напряжении и последнем акте: первые (наступательные или оборонительные) стремятся к возможному разгрому противника, вторые — ведутся до достижения поставленной в бою частной цели.

А. Боевой порядок должен быть: 1) гибким — допускать свободное изменение формы, 2) иметь независимость частей при полной взаимной поддержке, 3) быть подвижным и 4) иметь резерв как средство для придания бою решительного характера и парирования случайностей (прорыва, охвата).

Б. Ведение боя — эксплуатация силы на поле сражения. Принципы: 1) победа обеспечивается превосходством сил на решительном пункте в решительный момент (принцип частной победы), 2) искусным управлением войск (побеждают войска, которыми управляют), 3) последовательностью ввода войск в бой в подготовительном периоде и 4) одновременностью удара в момент решительный (главной атаки).

Инициатива частных начальников в бою так же необходима, как резерв, хотя эти средства и различны по своей природе; одно духовно-волевое, другое — силы, материал, без

которого борьба немысима. Средства эти одинаково необходимы в бою и не исключают друг друга, а дополняют.

В. Эксплуатация победы энергичным преследованием вознаграждает атакующего за понесенные в бою потери²⁶¹.

Совокупность основных идей (принципов) по всем вопросам войны дает возможность выработать «верный взгляд военный», т.е. настоящую военную доктрину, завещанную нам великим Суворовым.

Проведение же ее в жизнь постоянно изменяется в зависимости от обстановки и имеющихся в распоряжении технических средств, что и составляет задачу военного искусства, которое в основе своих решений должно стремиться удовлетворить требованиям военной доктрины, неизменным во все времена и при всевозможных условиях обстановки.

(Вестник милиционной армии. 1921. № 11–12. С. 1–7)

²⁶ Современные войны обрисовали: 1) тягучесть (продолжительность) боев, 2) часто является необходимость овладеть укрепленными позициями ранее маневрирования войск в открытом поле, 3) подготовительный бой длительный, 4) решительно-короткий, 5) преследование разбитого противника (тактическое) не обещает больших результатов, но захват сообщений (окружение) может иметь самые решительные последствия.

Часть III

ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ

«Аксиома» Наполеона как основание для будущей доктрины

В. Борисов

Настоящую статью мы посвящаем поднятому сейчас повсюду вопросу о военной доктрине и ее разновидностях. Мы различаем оперативную (высшетактическую) доктрину и тактическую (низшетактическую). Богатая практика Суворова определенно выставила еще воспитательную военную доктрину, учение о военном воспитании армии. В России за время мировой войны вырисовалось ясно, что М.И. Драгомиров не сумел перелить старую суворовскую доктрину в новые формы, современные военному искусству нашего времени, а потому она не вошла в душу русской армии. Проповедуя воспитание, Драгомиров отрицал муштровку. Между тем короткий срок службы лишал систему воспитания всякой силы. И русская армия не делала ни того ни другого. Германская школа восполнила недостаточность времени для воспитания разумно поставленной муштрою. Воспоминания Людендорфа и Гинденбурга наполнены инструкциями, во время войны, в пылу боев определяющими направление воспитательной доктрины. У нас же за все время войны вопрос был погребенным и сданным в запасные батальоны. У французов он ярко проглянул в брошюре капитана Лафарга, в его, подобных Суворовским, упражнениях солдата со штыком. Людендорф и Фалькенгайн уже в ноябре 1914 г. отказываются от своего основного воспитательного принципа: одной укрепленной позиции, которую занимающие ее войска обороняют до крайней степени упорства, а потеряв ее, обязаны выбить во что бы то ни стало противника. Германцы изменяют только первую половину этого принципа: одна позиция. Дальнейшие явления войны заставляют их попытаться в корне изменить те приемы обороны, к которым германский солдат был приучен. Вопреки внушенному ему правилу «умирать на месте» (*hier stehe und falle ich*), он получал право отходить во всех направлениях, в указанных границах, под сильным огнем неприятеля. Потерянный участок позиции должен был быть возвращен контратакою. Такая резкая ломка выучки войск вызвала подробное обсуждение этого вопроса в мемуарах Гинденбурга (они этим особенно ценны). Он говорит, что такое нововведение было рискованно; кроме того, надо было решить вопрос: в состоянии ли мы внедрить в войска это изменение в привычной для них боевой форме. Но все же

Гинденбург признает, что сражения при Аррасе, у Суассона и Реймса в 1917 г. протекли благополучнее, чем сражение на Сомме, именно благодаря этому нововведению. Это подтверждает и Людендорф, но сознается, что после третьего Фландрского сражения 20 сентября 1917 г., т.е. через 9 месяцев действия этой инструкции, он принужден был склониться на сторону войсковых начальников, стоявших за старый прием обороны: новый был слишком сложен. Фалькенгайн говорит прямо, что в общем новая инструкция не получила применения. Это очень важное предостережение в вопросе о воспитательной доктрине.

Французский автор Lucius в статье «La refonte des reglementset notre doctrine de guerre» очерчивает те изменения, какие в течение войны вносились французами собственно в отдел низшей тактической доктрины. Французы тесно сливают все три вида военной доктрины (оперативная, тактическая и воспитательная) в одно, несколько выделяя оперативную как доктрину «о ведении крупных единиц» (Грандмезон). По нашему мнению, именно здесь скрывается основная причина такого быстрого крушения доктрины Грандмезона. Как оперативная, так и тактическая доктрины могут быть наступательные и оборонительные. В той же мере и воспитательная доктрина может быть наступательной и оборонительной. Но воспитательная доктрина может быть противоположного свойства оперативной и тактической доктринам. В нашем труде «Смелая наступательная тактика» мы показываем, что Суворов, обучавший солдата по наступательной военной доктрине, действует при Нови по оборонительной оперативной, близкой к французской, а на р. Треббии по наступательной оперативной, близкой к германской доктрине. Суворов понимал, что солдат и низший офицерский состав должны быть прочно воспитаны на наступательной военной доктрине, образующей в буквальном смысле «Науку побеждать».

Французская оборонительная доктрина до 1913 г. вполне удовлетворяла тем оперативным (стратегическим) условиям, в которых французская армия готовилась к войне. И полковнику Грандмезону следовало ратовать не против оборонительной оперативной доктрины, а против оборонительной воспитательной. В этом отношении германская армия стояла выше французской, и мы уже говорили, как в пограничном сражении, на р. Самбор 8 августа 1914 г., французская армия удивилась, что действовавшие по наступательной оперативной доктрине германцы быстро остановились, закопались в землю и открыли огонь. И германцы признают, что солдат, воспитанный как «Durchschnittsoldat» («ударный»), наилучшим образом удовлетворяет требованиям всякой доктрины. Конечно, здесь под «солдатом» следует понимать и низший командный состав.

Прежде чем перейти к намеченной нами задаче, к «аксиоме» Наполеона, очертим кратко тот путь, каким, по мнению французского Генерального штаба (Бонналь, Грандмезон,

Мордак, Фош, Кордонье), вырабатывается военная доктрина. Принципы, образующие доктрину, анализируются с военно-исторической точки зрения. Затем от военно-исторического факта, возможно полно и рельефно обрисовывающего обсуждаемый принцип, стараются сделать переход к обстановке современной войны — в тесной связи с исторически складывавшейся обстановкой, — и изучить ее на военной игре или при решении тактической задачи (метод Мольтке); это второй этап доктрины. Третий этап образуют полевые поездки и маневры войск. Генерал Кордонье (*Spectateur Militaire*, 1912 г.) намечает целый ряд требований, которым должна удовлетворять военная доктрина. Особенно образно он объясняет последствия отсутствия стратегической (оперативной) доктрины. Это привело, например, к тому, что французский Генеральный штаб границу с Италией, отлично прежде обороняемую второочередными войсками, превратил посредством сети дорог в театр, где требуются теперь отличные войска.

Перейдем теперь к обоснованию той доктрины, которая, по нашему мнению, должна лечь в основу действий русской армии. Насколько эта доктрина может быть применена к иной армии, насколько она отвечает обстановке иных армий — об этом мы скажем позже. Опыт минувшей войны 1914–1920 гг. на русском театре, включая и время гражданской войны, был иной, чем на французском и иных фронтах. Выработались поэтому и иные понятия о доктрине. Первые сражения русского фронта — Люблин — Львов 21 августа 1914 г., Танненберг 29 августа 1914 г., Ивангород — Варшава 14 сентября 1914 г., Лодзь — Брезинь 11 ноября 1914 г. — проведены при свободном маневрировании по выучке мирного времени, не применяя и забывая новые свойства огнестрельного оружия. Это как бы I группа русских тактических фактов. Сражения при Инстербурге 7 сентября 1914 г. и зимнее в Августовских лесах 7 февраля 1915 г. образуют II группу, подходящую более к типу сражений японско-русской войны, которые упоминавшийся нами французский генерал Кордонье (в 1911 г.), по идейному родству метода стратегического мышления нашего полководца (Куропаткина), сближает с официальной французской доктриной, господствовавшей до 1913 г. Группу III образует сражение при Горлице 2 мая 1915 г. в форме сражения кордонной войны. Прорывы при Тарнополь — Черновицы в декабре 1915 г. и при Поставы — Нароч 16 марта 1916 г. образуют IV группу сражений. Сражение при Луцк — Тарнополь 4 июня 1916 г. должно быть отнесено к V группе, к сражениям случайным. Сражения революционного времени, вследствие особых свойств расстроенной армии, должны быть отнесены к VI группе сражений, таковы: 1 июля 1917 г. при Тарнополе; 19 июля 1918 г. там же германский контрудар; 14–17 августа 1920 г. под Варшавой.

Доктрина I группы сражений вполне выражена в приказе Академии Генерального штаба 8 июля 1909 г. № 159 под названием «Указания по некоторым вопросам тактики при

решении тактических задач». Эти «указания» даны с целью достижения однообразия при решении задач и в «требованиях руководителей». Ясно, что устав полевой службы, несмотря, казалось бы, на свою обязательность для всех, все же не давал «однообразия». Эти указания устанавливали:

1. Цель решительного боя — уничтожение врага: единственным действительным средством для этой цели служит нападение на него, а потому даже при обороне обязательно наносить удары.

2. Авангарды обязаны стремиться сделать противника неподвижным, выяснить силы и расположение его, образовать надежную завесу, под прикрытием которой начальник мог бы действовать вполне свободно.

3. Подход к полю сражения совершается по преимуществу бригадными колоннами.

4. Переход в боевой порядок должно производить не наугад, а в зависимости от намеченного плана действий и сведений, добытых разведками конницы и авангардов.

5. В руках старшего начальника временно остаются войска, образующие резервы: маневренные (прежние «общие» резервы) и резерв старшего начальника.

6. Назначение маневренных резервов — нанесение решительного удара, по преимуществу на фланг противника. Место их на уступе вне фланга.

7. Резерв старшего начальника — это небольшая часть для управления боем и парирования случайностей. Место его за серединой боевого порядка.

Это первая часть доктрины, трактующая о «наступательном бое». Мы видим, что эта часть очень сближается с германской доктриной, но без ее решительного характера действия «наугад» воспрещаются. Германская доктрина говорит: «Вполне справедливое желание — подготовить наступление разведкой местности и противника и начать его только после того, когда будут подтянуты достаточные силы — не должно вести к тому, чтобы такой способ стал безусловным правилом. Германская армия в способности вести бой из глубоких походных колонн обладает важным преимуществом перед войсками других государств» (Маневры 1909 г.). Вот, чтобы заполнить эту прореху в нашей доктрине, наши академические указания разделили наступательный бой на «преднамеренный» и на «встречный», и в отделе о встречном бое наша доктрина доходит до разрешения «излишне детальной разведкой не увлекаться».

Вторая часть нашей доктрины избегает даже термина «оборонительный бой», а называет его боем «выжидательным», ожидая перехода в наступление в благоприятную минуту. На это японский Генеральный штаб отвечает: «Военная история указывает нам примеры решения участи сражения в зависимости от способов использования резервов, но определение благоприятного момента составляет самый трудный вопрос». Наша доктрина

так очерчивает форму выжидательного боя. «Необходимо, пока не обозначится определенно направление наступления противника, ограничиваться подготовкой позиции на стратегически важных направлениях и занятием этих позиций относительно небольшими частями из трех родов войск (авангардами). Лишь когда обозначится ясно направление наступления, одна из подготовленных позиций занимает соответствующим количеством войск, причем главная масса оставляется для маневренных целей». Из этого мы видим, что вторая часть нашей доктрины недалека была от основ французской. Германская доктрина на это отвечает: «Так как французы имеют пристрастие к выдвиганию слабых отрядов и к образу действий, имеющему целью обмануть противника и заставить его рано развернуться в фальшивом направлении, то для нас особенно важно выяснить себе истинное положение боем авангарда» (Маневры 1909 г.). Как выше мы сказали, Суворов действовал при Треббии по германской доктрине, а при Нови по французской. Следовательно, и через 100 с лишком лет после Суворова 1799–1909 гг. наш Генеральный штаб, несмотря на всю свою крайне поверхностную работу стратегической мысли, не отошел от привычных понятий. Перед нами вырисовывается еще более поучительный факт, показывающий всю тщету человеческих изощрений. Французская доктрина до войны 1914 г., подобная образцу Нови («зонтичная») и в 1913 г., перед самою войною превращенная Грандмезоном в германскую, в образец Треббии, ныне, очень недавно, 6 октября 1921 г., утверждена французским военным министром в виде «Instruktion provisoire sur l'emploi tactique des grandes unites». Оборона в этой новой доктрине занимает такое место, не какое она в прежней никоим образом не допускалась. Доктрина уже допускает «наступление», «оборону» и «отступательный маневр». Этой инструкцией завершена та серия эволюций, о которой мы упоминали выше, говоря о книге Licius'a. Таким образом, новая французская доктрина встала на путь, очерченный Наполеоном словами: «Оборонительная война не исключает атаки, так же как наступательная не исключает обороны». И в эту доктрину входят по-прежнему суворовские Нови и Треббия. Этим французская доктрина сблизилась с нашей 1909 г., но этим же она утратила характерную особенность каждой «доктрины» — односторонность и сделалась собственно уставом, чем была и наша доктрина.

Вот при такой доктрине-уставе не, «односторонней», а, наоборот, почти всесторонней, и проведена I группа русских сражений. Напрасно в 1908 г. 2-й оберквартирмейстер Главного управления Генерального штаба²⁷ предлагал в особом докладе начальнику Генерального штаба воспринять для развертываемых против Австро-Венгрии на фронте Ивангород-Каменец-Подольск сил формулу доктрины генерала Бернгарди: «В самом

²⁷ См. Краткий стратег. очерк войны 1914–1918 гг. г. Москва. 1919 г. том II, приложение.

развертывании этих сил должна лежать идея немедленного, решительного вторжения в Галицию». Но это было отвергнуто, как несогласное со «всестороннею» доктриною. И мы видим, сражение при Люблин — Львове 21 августа 1914 г. начинается не нашею общею атакою, а нападением австро-венгерцев на наш правый фланг и нашим поражением. Только настойчивые, непрерывные требования ген. Алексеева о наступлении как бы вводят нашу «всестороннюю» доктрину в «односторонность». Из устава как бы сама собою вытекает определенная доктрина, которая делается характерным отличием помыслов войск русского юго-западного фронта, руководящей идеей в сражениях Ивангород — Варшава 14 сент. 1914 г., Лодзь — Брезины 11 ноября 1914 г. Мы наступаем, мы вызываем германцев на бой. Мы воспринимаем как бы завет ген. Шлиффена (завет того же Суворова): «Задача полководца — уничтожать и бить на голову противника — даже сильнейшего, о котором полководец не знает: ни где он находится, ни куда он идет и что собирается делать». Но, конечно, Алексееву это не всегда удается, и именно потому, что в армии все же нет доктрины, он не мог «свой дух сделать духом своих солдат», он не мог даже свой приказ сделать приказом своих подчиненных, офицеров Генерального штаба. Он в первые же дни этого галицийского 21-дневного сражения понявший, что новое скорострельное оружие сделало решения затяжными, не мог этого внушить своим подчиненным генералам. И мы видим ряд поспешных действий, поспешных решений, совершенно еще не обусловленных только еще слагающейся обстановкой. То же явление мы видим на французском фронте, на Марнском поле, особенно со стороны германцев. Односторонность германской доктрины вполне соответствовала плану действий на французском фронте: она делала дух плана войны духом германских солдат. Но эта же односторонность, примененная ген. Притвицем 20 августа 1914 г. при атаке им русской армии ген. Ренненкампа при Гумбинен, дала толчок к неудаче германцев на Марне. Для чего Притвиц 20 августа ринулся в атаку?

Доктрина II группы русских сражений вполне правильно объясняется в записке о японской доктрине. Японский Генеральный штаб говорит: «Куропаткин часто указывал, что необходимо принимать предосторожности против охватов. Но он все же терпел большие поражения от охватывающих атак нашей армии, что являлось результатом, с одной стороны, искусства нашей тактики, а с другой стороны, — забвения русской армией основных начал ведения боя. Оно выразилось в сосредоточении особого внимания на фронте и недостаточного на флангах. Русские, помня наполеоновские прорывы центра, нагромождали серьезные укрепления на фронте и держали в центре свои главные силы. Японцы же с помощью атаки с охватом достигали успеха, верно храня основное правило сообразования

способа атаки со тщательным изучением характера привычек противника. В будущих сражениях (писано в 1909 г.) на широких фронтах, вероятно, можно будет разбить неприятеля сильной атакой на один из пунктов на фронте». И мы видим, что сражения при Инстербурге 7 сентября 1914 г. и зимнее в Августовских лесах 8 февраля 1915 г. проиграны Реннекамфом и Сиверсом именно от удара противника в наши фланги. При Инстербурге наши два корпуса (III и IV) удерживают на фронте четыре германских (гвар. рез., I рез., XI, XX) и лишь один (II) сопротивляется удару во фланг двух германских (XVII и I). Между тем, при лучшей оценке действий нашего противника и нашей способности сопротивляться на фронте мы могли бы создать очень сильное противодействие на фланге. Мы, даже после опыта Русско-японской войны, не усвоили возросшей силы огня.

Из рассмотренных нами доктрин I и II группы русских сражений эти доктрины применялись по личному произволу начальников, и петербургском сражении, например, командующих армиями: 1-я армия — ведет бой по доктрине II группы, а соседняя 10-я — по доктрине, близкой к I группе. Согласия между ними нет, и 10-я обнажает фланг 1-й. В двух сражениях при Танненберге и Инстербурге армии ген. Жилинского, как главнокомандующего на германском фронте, терпят полное уничтожение. Это указывает на военную негодность ген. Жилинского, к сожалению, перед войной бывшего начальником Генерального штаба, на котором и лежит наибольшая ответственность за содержание доктрины²⁸.

Сражения IV группы явились подражанием французской школе «прорывов». Из них сражение Поставы — Нароч 1916 г. — это наиболее близкая копия (воспроизведение) французского и английского опыта в «большом» сражении в Шампани 21 сентября 1915 г. Это Поставское сражение произведено после изучения русским Генеральным штабом французского отчета о сражении в Шампани, полученного от русского военного представительства при главной французской квартире. Если русские атаковали 128 батальонами 19 германских батальонов, то и французы — с 204 батальонами 18 германских. Если германская и французская критика признает русские боевые построения слишком тяжелыми и густыми, то и построения французов, уже не говоря об английских, при Лилле в феврале 1915 г., были не менее массивны и неповоротливы, особенно при построении 17 пехотных дивизий на фронте в 23 км и в глубину 4 км. Как сражения в Шампани, так и сражения Поставы — Нароч к прорыву не привели. Уже одно это доказывает, что германское и французское глумление над «дикостью» русской армии происходит у них не вследствие наличных фактов, а только по дурной привычке, унаследованной из старины. Для нас же,

²⁸ Мы здесь не рассматриваем доктрин III и V групп сражений, потому что Горлицкое

исследователей военного искусства, оба сражения, и Шампань при ее расходе 5 000 000 снарядов, и Повстанцы — Нароч при расходе в несколько десятков тысяч, стоят на одной и той же степени развития военной доктрины. Наш Генеральный штаб не работал так настойчиво над изменениями в доктрине в течение войны 1914–1918 гг., как это делал германский (по Людендорфу) и французский (по Lucius'у); на это было много причин, и главная — это быстрое передвижение офицеров Генерального штаба с должности на должность.

Наконец, VI группа сражений, так называемого революционного времени: Тарнополь 1917 г. и Варшава 1920 г., носят в себе яркое выражение доктрины революционного натиска, где бурным, неукротимым стремлением вперед всей массы сил предполагалось возместить бесчисленные недостатки расстроенного боевого организма. В сражении при Тарнополе высший штаб пробовал исполнить в июне 1917 г. план, составленный в декабре 1916 г., хотя было ясно, что за 7 месяцев обстановка на театре настолько изменилась, что план был совершенно негоден. В Варшавском сражении доктрина могла бы дать победу при менее грубой стратегической ошибке. Эта доктрина натиска очень близка к германской доктрине, а потому про русскую армию можно сказать, что ее суворовский период и революционный период 1917–1920 гг. наиболее близки между собой в стремлении к натиску; разница лишь в степени организованности этого ресурса военного искусства.

Таким образом, в 10 намеченных нами сражениях мы встретились с применением четырех доктрин — учений. Из них только две, а именно I и VI, имеют будущность. Первую — мы выше приравнивали к ныне действующей французской доктрине, а шестую — к германской и суворовской. Теперь перед нами задача — какая из доктрин наиболее желательна для победоносности русской армии. Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны предварительно набросать ту схему, в какой, по нашему мнению, должны расположиться различные отделы теории военного искусства. А именно:

Стратегия — полководческое искусство, постигаемое исключительно из подробного и всестороннего изучения бывших войн, во всей сложности военной и политической обстановки.

Тактика — здесь в термине — «тактики» мы понимаем и высшую и низшую, или, иначе, тактику театра военных действий и тактику поля сражения, или, иначе, тактику крупных единиц и тактику малых единиц.

Подразделения этой тактики намечаются следующие (подразумевая везде «оперативные» доктрины):

сражение дано и продолжено при кордонном построении нашей армии...

а) теория чистой тактики — это академический курс, или академическая доктрина (учение);

б) теория прикладной тактики или национальной — это устав (Reglement), изданный для армии, или министерская доктрина (учение). Эту доктрину мы теперь видим во Франции, в утвержденной военным министром 6 октября 1921 г. инструкции для крупных единиц;

в) теория принципиальной тактики — это то, что до сих пор собственно понималось под наименованием «военной доктрины» как особого, от академической и министерской доктрин, учения, которое полководец считал необходимым внушить своей армии, чтобы «свой дух сделать духом своих солдат», как объясняет ген. Шлиффен в своей статье «О полководце» формулу Наполеона: «Люди — ничто; один человек — все» (a la guerre les hommes ne'sont rien: cest un homme que ist tout).

Каждый полководец ведет армию по-своему. Доктрины Александра Македонского, Цезаря, Фридриха, Наполеона, Суворова, Мольтке различны. Различны даже у Гинденбурга и Людендорфа: это мы видим в указанном нами выше принципе «умирать на месте». Различны у Жоффра и Фоша. Французский Генеральный штаб, понимая это, старается согласовать министерскую доктрину (устав) тем, что учреждает 17 января 1922 г. должность общего инспектора армии (inspekteur de l'armee) и совмещает ее с должностью вице-президента высшего военного совета, вручая ему подготовку войск и как бы подчиняя ему начальника Генерального штаба по вопросам обучения и мобилизации. Но мы думаем, что это очень сложное здание для тепличного возрождения «военной доктрины», может быть, будет удовлетворительно, пока на месте замаскированного полководца находится марш. Петен (Petain) как авторитет минувшей войны.

Таким обрисовались три оперативные доктрины: академическая, министерская и полководческая. Из них нас интересует преимущественно полководческая как непосредственно связанная с планом войны и полководцем. Но полководец — величина переменная и очень изменчивая, а с ним такого же характера и полководческая доктрина, и план войны. Более прочного характера министерская доктрина (устав). Попытаемся наметить для нее основные положения, которые, как вытекающие из природы боевого организма — армии, были бы действительно неизменны и даже «вечны», пока не изменился главный фактор войны «человек».

В этом нам поможет «аксиома» Наполеона. Эта аксиома говорит, что «армия днем и ночью и во всякое время должна быть готова противопоставить все сопротивление, на которое она только способна». Эту аксиому приводит марш. Фош в своем труде «Des principes de la guerre» (Paris, 1921, стр. 145, первое издание 1903 г.). Она требует постоянной готовности армии к бою, чтобы «les troupes soient dans des dispositions avantageusesg guil

ailent les qualites regnises pour tout champ de bataille». В такой готовности к бою армия находится тогда, когда она построена в боевой порядок, т.е. имеет непрерывный фронт («не оставляйте между отдельными участками вашей боевой линии ни одного промежутка, через который мог бы проникнуть неприятель») — имеет оба фланга обеспеченными и все свои части расположенными так, что они непрерывно в состоянии поддержать друг друга. Такое требование постоянного нахождения армии в условиях боевого порядка вызывается у Наполеона его выводом, что на войне силы неприятеля, его расположение и намерения неизвестны, а если известны, то в одну ночь могут измениться, и вы найдете неприятеля в ином положении. «Вот это, — говорит Наполеон, — и заставляет принять аксиому, применимую во всех случаях», т.е. аксиому о постоянной готовности армии к бою.

Армия стоит в вышеочерченном боевом порядке, т.е. в полной готовности к бою (или к операции, ибо здесь «боевой порядок» понимается не только в узкотактическом смысле, но и в широком стратегическом). Армии стратег (полководец) ставит задачу (стратегему), например «переправиться через реку, обороняемую неприятелем». Армия для выполнения этой стратегемы должна перестроиться, а всякое перестроение есть нарушение постоянной готовности, т.е. вышеуказанной аксиомы. Следовательно, чтобы ее готовность к бою ни на мгновение не была бы нарушена, это вызывает необходимость при перестроении некоторых вводных, вспомогательных, последовательных построений...

Этим, в пределах возможности, ослабляется опасность перестроения.

Так часто в военном опыте доказанная формула Наполеона «переход из оборонительного порядка в наступательный составляет одну из деликатнейших операций» получает полный смысл вследствие именно опасности перестроения, т.е. нарушения полной готовности к бою.

Требование полной готовности к бою во время перестроения было предметом изучения со стороны как великих полководцев, так и целого ряда генералов-тактиков. История не сохранила нам материалов, посредством которых Эпаминонд добился согласования действий и движений частей своей армии, наносившей одним из своих флангов удар противнику, демонстрируя своим другим флангом. Не сохранилось материалов для изучения учебных маневров Александра Македонского и Аннибала, которыми они привили своим армиям ударную доктрину. Конечно, это стоило им не меньших трудов, чем Фридриху Великому с 1745 по 1757 г., муштровавшему свою армию для выполнения самых различных боевых задач, о чем сохранились многочисленные чертежи перестроений. И наконец он добился, что для его армии «косвенное или облическое» движение перед неприятелем не было опасным. Он мог совершать то, что для сырой французской армии принца Субиза было смертельно опасно. Это непрерывное в военной литературе 1750–1790 гг. изучение

механизма безопасного перестроения армии оказало большое влияние на тактику Наполеона. Тот же «косвенный» боевой порядок вошел в его формы. Он отрицает, что этот порядок изобрел Фридрих Великий; этот порядок стар, как стара сама война. Наполеон сам применял его постоянно, даже с армией в 500 000 чел., что выражалось формулой: «Откинуть такое-то крыло и выдвинуть такое-то»; «если мое такое-то крыло будет поставлено, то зато такое-то будет в безопасности во все то время, пока армия маневрирует, стягивая одно крыло, чтобы передвинуться на другое, отходя назад на подкрепления».

Изучение механизма перестроений армии при условии соблюдения аксиомы привело Наполеона к установлению метода решения каждой задачи (стратегемы), какую представляет обстановка на войне...

Вот ряд этих проверенных опытом великих полководцев приемов решения задач — стратегм, как то: обход, охват, фланговое движение, прорыв центра, захождение, переход через преграды, переход от обороны в наступление и т.д., все, что названо нами «элементарное маневрирование» (см. «Воен. сб.» 1907 г. № 10 и 11), и образует искусство Генерального штаба (квартирмейстерство).

Эти именно приемы, где всесторонне разработаны и наступление и оборона, и должны всецело лечь в основание министерской доктрины (устав), имея за собой то преимущество перед нынешнею французскою доктриною (тоже министерскою), что она разработана ближе к великополководческому опыту. Вот эту-то доктрину мы и считали бы доктриною русской армии, доктриною министерскою. Установив это, мы достигли цели нашей статьи: аксиому Наполеона сделали основанием будущей военной доктрины.

Сейчас мы должны признать, что полководческая доктрина исчезла с мировой сцены. Полководческих доктрин на мировой сцене было, да и по природе человеческих действий могло быть только три: германская — наступление, смелость, дерзость, неизвестность о противнике, все силы в первой линии — и очень полно выработанные для такой доктрины приемы боевых действий; французская — оборона, осторожность, выжидание, изучение противника, все в резерве — и не особенно определенно выработанные приемы; русская — как мы видели по инструкции (указания) 1909 г., наступление и оборона; требование смелости и осторожности; дерзость и выжидание; неизвестность о противнике и изучение его; сильная боевая линия и большой резерв. Германская доктрина родилась из сознания превосходства в силах. Французская — вытекла, как и многие прежние французские уставы, как и вся оборонительная система Франции, — из последствий неудачной войны 1870 г. Русская доктрина была ближе к наполеоновской, она взывала к уму, воле полководца и генерала, она не связывала их, не навязывала им заранее определенного решения; но недостаток ее был таким же, как и наполеоновской доктрины: ген. Шлиффен говорит, что

«Потсдамский вахтпарад Фридриха взял приступом Лейтен, но когда Сан-Суси покинула душа философа, то и дух армии умчался за ней. наполеоновская армия не пережила Ватерлоо — это не она сражалась под Седаном». И на опыте Куропаткина мы убедились, что при отсутствии полководца русская армия, по выражению японского Генерального штаба, «очень искусно производила отступления», т.е. выходила из боя, не давая результатов ни по доктрине «наступления», ни по доктрине «обороны». И это военно-психологически вполне понятно. Наполеон, как великий мастер, не нуждался в изложении в особом трактате своей полководческой доктрины, но он, как великий полководец и как стремившийся усовершенствовать свою армию — боевой организм, не мог быть победоносным без нее. Если мы его формулу «переход от обороны в наступление составляет деликатную операцию» можем отнести к отделу министерской доктрины (уставе), потому что она устанавливает при бывших и нынешних средствах войны неизменный принцип, то другую его формулу — «в начале похода (войны) нужно хорошо обсудить, должно ли наступать или нет; но раз решено наступление, то следует его держаться до последней крайности» — мы должны отнести к полководческой доктрине, ибо она выполняема только для исповедующего ее полководца и его подготовленной по ней армии. Мольтке Молодой не смог выполнить на Марне этой доктрины, так победоносно с 1866 г., от начала войны до ее конца проведенной Старым Мольтке. С именами Петена, Фоша связывают доктрину, давшую французам победу в 1918 г. — это:

1. Подготовка бесконечно превосходных средств;
2. По достижении этого превосходства последовательное нанесение противнику ударов (*martelage progressif*) до полного истощения его резервов;
3. По достижении этого истощения нанесение противнику «*saup de masscre*»...

Этот вопрос о резервах французы поставили во главе своего объяснения причины победы поляков над русской армией под Варшавой в 1920 году. Но мы думаем, что причина польской победы не в «резервах» и не в восприятии этой французской доктрины и что сама вышеизложенная доктрина Петена — Фоша есть не что иное, как полководческая доктрина, могущая быть примененной только в очень определенной обстановке, иначе же она сводится к нулю.

Теперь мы очертим кратко те формулы, которые могут, в руках выдающегося полководца, лечь в основу создания в армии полководческой доктрины. Конечно, для осуществления этих формул как чисто оперативного характера, так и иного (воспитательного, по суворовской «Науке побеждать», или морального, интеллектуального), требуется продолжительная работа Генерального штаба не только для постижения, доказательства и объяснения доктрины, не только для внедрения ее в дух и плоть войск, но и для

выработки тех построений боевого порядка (тактического и стратегического), при которых эта доктрина наилучше выполнима. Так, мы видим, что Мольтке Старый, вырабатывая «способность вести бой из глубоких походных колонн, что составляет весьма важное преимущество германской армии перед войсками других государств» (Маневры 1909 г.), стремится двигать прусскую дивизию по двум дорогам побригадно, уменьшает расстояние авангардов до главных сил и даже низводит авангард до силы головного отряда, ставит всю артиллерию в голове колонны. Одним словом, быстроту, смелость, дерзость облекает в геометрические формы.

Русский генерал Толь в 1813 г. так характеризует полководческую доктрину Наполеона: «Вам известно, что, как молния, Наполеон начинает наступление, и вот поэтому необходимо быстро решаться». Германцы в 1914 г. эту формулу поставили в основу своих действий. Французы это знали, и так как сами в 1913 г. восприняли такую же «молниеносную» доктрину, то должны были быть готовы к необходимости «быстро решаться». Но Жоффри теряет неделю (с 13 августа — конца сосредоточения французов) и только 21 августа переходит в наступление.

Эрцгерцог Карл к 1809 г. вырабатывает доктрину «не обращать внимания на противника, а идти к своей цели». Этот вывод он полагает вытекающим из опыта походов Бонапарта, и думает бить противника его же способом. Но он жестоко ошибается: Наполеон заставляет его обратить на себя внимание, и в 5-дневном бою под Регенсбургом отбрасывает его даже в сторону от его главного направления. Германцы в 1914 г. двинулись по формуле Карла, и Жоффри мог бы повторить маневр Наполеона. Но для этого нужно было, чтобы доктрина 1913 г. лежала не только в уме, но и в душе Жоффри.

Германская полководческая доктрина говорит: «Превосходство в способности к большим переходам в будущей войне (маневры 1909 г.) может дать нам весьма важное преимущество перед нашими противниками, которые, отчасти по причинам внутренней политики, отчасти в интересах дисциплины, боятся в мирное время подготавливать свои войска к таким напряжениям. Превосходство в способности к большим переходам для нас является средством победы, которое мы должны сохранить за собой во что бы то ни стало». Эта доктрина совершенно в духе суворовской «Науки побеждать», но она менее зависит от полководца, а более от системы подготовки войск в мирное время.

Германская доктрина говорит: «Начальник, ожидающий известий о противнике, которые он считает необходимыми для отдачи своих распоряжений, попадает в зависимость от противника, пропускает удобные случаи и отказывается от того, чтобы навязать противнику свою волю. Собственная воля или данная задача и лишь затем сведения о противнике должны определять действия начальника» (Маневры 1909 г.).

Японская доктрина стремится выработать «скорость» перехода частей в одно общее командование; начальники частей должны учиться действовать при всяких условиях и положениях, между прочим и быстро передавать команду и быстро подчиняться одному лицу, для объединения общих усилий. Судя по опыту бывших (в войну 1904–1905 гг.) сражений, начальники считали это не особенно важным.

Этих примеров по идее доктрины достаточно, чтобы читатель понял, что доктрин может быть множество, что вся сущность доктрины в том, что она дает известное преимущество над противником при условии, если она усвоена войсками и выполняется ими в совершенстве. Фигурально можно сравнить доктрины, министерскую (устав) и полководческую, с двумя людьми: один обыкновенный человек, другой — акробат. Как акробат, вследствие непрерывных упражнений, привычки, может проделать то, что для обыденного человека невозможно, так и армия, воспринявшая известную полководческую доктрину, может в известном маневре достигнуть того, что недостижимо для армии, работающей только по уставу.

В этом разница между военной доктриной и уставом. Боевой организм, работающий по военной доктрине, особенно с великий полководцем, сам в себе заключает залог победы.

Это же японская доктрина выражает так: «Мы уверены, что в современном сражении укрепления имеют весьма важное значение, но нельзя также отрицать значения духа войск; результаты данных сражений выяснили, что храбрые войска могут перенести всякие испытания, уничтожить самое сильное сопротивление и достигнуть блестящего результата атаки. При этом следует особенно подчеркнуть следующее: мы должны так воспитывать офицеров и солдат, чтобы в будущем они оказались проникнутыми еще в большей степени духом активности и прорыва вперед». Создание в армии военной доктрины, в смысле «полководческой», — это задача не менее важная, как вооружение армии танками, газами, т.е. всеми изобретениями техники. Но доктрина и техника не должны противопоставляться одно другому: обе должны быть согласованы и слиты воедино не только технически или тактически, но и стратегически. Проверка правильности этой работы находится в аксиоме Наполеона: всякая деталь доктрины, всякая деталь технического ресурса не должны нарушать требования: «Unearmee doit etre tous lesjours, toutes les nuits et toutes les heures, pretea oppuse toute la resistance dont elle est capable».

21 марта 1918 г. англо-французская армия не удовлетворяла этому требованию. И если этот промах англо-французского Генерального штаба не привел к окончательному поражению Англо-Франции, то потому, что во главе терпевшей неудачи армии стал полководцем марш, Фош, который в своей книге еще в 1903 г. оценил важное значение аксиомы Наполеона; он потребовал от своей армии «toute la resistace dont elle est capable» и

свел к неудаче все операции противника. Так подчеркнулась снова наполеоновская формула «a la guerre les hommes ne sont rien, c'est un home gul est tout» или русское «сильна рать воеводую». Вся минувшая война своею необычайною продолжительностью, своею позиционностью доказывает эту истину и доказывает, что война подготовлена и открыта не великим полководцем.

Мы провели читателя через запутанный лабиринт понятия о военной доктрине. Мы осветили эти понятия тем светом, какой вытек из той формы, какую случайно получила минувшая война. Форма войны могла быть иною, а потому и выводы могли быть иными. «Война от войны различна», — говорит Суворов.

Выводы из войны нам дали французскую доктрину 6 октября 1921 г., но они же дали нам «революционную» русскую доктрину: «Варшавский военный кризис 1920 г.». Эта доктрина построена на «смелой, наступательной тактике». В ней, как говорит один из ее объяснителей Н. Подвойский²⁹, смелость и наступательность должны быть доведены до максимума, до предела, до молниеносности и до неслыханной дерзости», по Суворову, «дерзновенности».

Пока дело о военном искусстве обстоит так: французская армия имеет доктрину — типа устава, т.е. скорее — не имеет того, что принято называть «военною доктриною», русская же армия имеет «военную доктрину» в сильнейшей степени усиливающего действия (что и есть характерный признак доктрины).

(Война и мир. 1923. № 6. С. 139–160)

Военная доктрина

А. Геруа

Массовые армии, являющиеся во внутреннем своем устройстве учреждением демократическим, нуждаются в популяризации основ военной доктрины, действующей в ее рядах.

До конца XVIII столетия ни о какой писаной единой военной доктрине не было и речи. И неудивительно: армии были наборные или вербовочные. Талант и искусство вождя заменяли доктрину. От рядового офицера и солдата не требовалось ничего, кроме слепого повиновения. И хотя некоторые передовые умы, как Суворов, настаивали постоянно, что

²⁹ Подвойский и Павлович. Революционная война. Москва, 1919 г., стр. 62.

«каждый воин должен понимать свой маневр», но такое требование было еще исключением и при его несоблюдении ведение войны и боя все же представлялось возможным.

В наше время слепота в военном деле всей армейской массы, и не только ее, но и всего народа, приводит обыкновенно, как это видели все на примере Русско-японской войны со стороны русских, к взаимному непониманию вождей и массы на театре войны и к потере инициативы как в операциях стратегических, так и в бою.

Если в старину при наличии армий, составленных из старых и опытных в ратном деле генералов, офицеров и солдат, военная доктрина заменялась богатым личным боевым опытом, то в наше время последний нередко отсутствует после мирного периода в течение нескольких десятков лет даже у старших вождей армий. Таковым было положение перед Великой войной в армиях французской и германской. И если их вожди оказались на высоте своего призвания, то только исключительно потому, что строгое научное исследование в обеих названных армиях находилось на надлежащей высоте.

В результате получилась та «интеллигентность» начальствующих лиц, за которую в военной литературе и с кафедры в течение свыше двух десятков лет сражался маршал Фош, сам блестящий представитель мозга родной армии. Его вывела на путь этой упорной борьбы печальная действительность, унаследованная французской армией после Седана, когда в рядах было много боевого опыта экзотических экспедиций, с ним вместе много апломба и очень мало культивированного мозга. Сходное положение пережила русская армия после японской войны. В ее рядах было очень много обстрелянных генералов и офицеров, но интеллигентность их оставляла желать весьма многого...

Классический пример мула Евгения Савойского, который сделал с ним все кампании и все-таки остался мулом, будет навсегда угрозой для армии, где знание не в должном почете.

Мало таланта и дарования. В военной, боевой практике нужна еще военная литература для популяризации опыта. После прибытия своего к действующей армии в Царево-Займище фельдмаршал Кутузов по принятии командования писал своей жене: «В армии много хороших генералов. И неудивительно, так как это была армия, воспитанная на подвигах Суворова и Румянцева». Однако от этой плеяды героев, сокрушивших могущество Наполеона, не осталось школы, т.е. доктрины. Архивы удивительно бедны материалами, относящимися к войне 1812–1815 гг., и еще беднее ее литература, в большинстве исполненная не серьезного исследования, а панегиризма и лести по адресу не только тогдашних вождей, но даже и тех офицеров-участников, которые вслед за тем прошли к власти и к высшему служебному положению. Путь опасный и чреватый печальными последствиями, свидетельством чему служит драма Севастополя, знавшего героев

(Корнилов, Нахимов, Истомин, Хрулев, Хрущев и многие другие), знавших таланты (Тотлебен), но не знавших школы, доктрины, которая могла бы быть названа современной. Благодаря тому что герои 1812 г. оказались без литературы, они остались без наследников по части школы. Единственное, в чем преемники нашлись, это в героизме и самоотвержении. Но этого мало для пользы дела. Нужны военные знания, нужно размышление и работа мозга, переложенная на бумагу, нужна популяризация этой работы, нужно, чтобы «всякий воин мог бы понимать свой маневр», нужно, чтобы была обеспечена наследственность подобных усилий интеллекта. Только при этих условиях армия может ожидать военную угрозу со спокойствием совести и с сознанием исполненного долга, а родина взирать на свою армию с уважением и уверенностью, что в минуту испытания она не выдаст.

Для того чтобы народ мог быть уверен в своей армии, а армия черпала в таком доверии свою нравственную силу, необходимо популяризировать военную доктрину, в особенности во всем, что касается военной организации, не только в рядах войск, но в среде демократии. В этом случае, разумеется, надлежит помнить о неразглашении военной тайны, но такая боязнь никогда не должна доходить до смешного, так как последствия этого будут далеко не веселые...

Жомини, начальник штаба маршала Нея, этого военачальника удивительного риска и личного мужества, был головою своего командира корпуса. После периода наполеоновских войн он оказался на службе в России и был основателем русской военной академии и ее первым начальником.

Клаузевиц, основатель прусской военной доктрины, также не миновал службы в русской армии. Это было в 1812 г., когда он в должности начальника штаба гр. Палена, командовавшего конницей, и в том числе Донскими полками атамана Платова под Бородином, был мозгом этой конной массы и, между прочим, разделил славу знаменитого удара казаков по левому флангу боевого порядка Наполеона на Бородинском поле сражения, удара, способствовавшего нерешительности императора в этот день.

Однако такое богатство талантливых теоретиков военного искусства в рядах русской армии не оставило в ней заметных следов в виде школы, как не оставила ее и блестящая практика Суворова, предшественника наполеоновской стратегии и тактики быстроты и решительного боя. Суворовское «быстрота, глазомер и натиск» — не есть ли лучшее и выразительнейшее изображение сущности военного искусства? Суворов никогда не был связан шаблонами пятипереходной системы, так как русская армия никогда не знала наемного солдата. Ее солдат был всегда национален.

Французская армия не была в этом отношении счастливее русской. Если в русской армии подобное начальное положение можно объяснить только недостатком

интеллигентности командного состава, то во французской — это явилось следствием политических причин: после 1815 г. самое имя Наполеона не было в моде, старались поскорее и основательнее забыть все, что им было сделано и причинено плохого, а вместе с тем забыли и многое хорошее. Армия в этом отношении разделяла общее направление и, сама того не замечая, постепенно пришла к ложному пути, ведущему из области ясного военного знания и военной школы, построенной на рациональных принципах, к заблуждениям ограниченных военных умов, воспитанных на нелегких колониальных предприятиях.

Русская армия благодаря неинтеллигентности не смогла переварить своего же талантливое боевого опыта, французская же, сознательно отринув свой, вышла к той же неинтеллигентности.

В итоге у первой — Севастополь, Русско-турецкая война, где победа над плохой турецкой армией далась русским с таким трудом, японская война — уже поражение, Великая война — саморазложение; у второй Седан, Мец и Париж.

Отдельные выдающиеся умы не делают, к сожалению, школы и не создают в армии военной доктрины. Являясь только основателями последней, они бессильны ее популяризировать, если масса командного состава не подготовлена к ее восприятию. И в этом пункте приходится натолкнуться на очевидную связь военной доктрины с военной организацией, в частности с устройством кадров армии, носителей доктрины армии. Здесь, как и много раз выше, надлежит подчеркнуть важность наличия профессионалов военного дела в достаточном количестве.

Из трех главнейших европейских армий до Великой войны, русской, французской и германской, в последней понадобилась свыше чем столетняя работа, чтобы выработать замечательное единство взглядов в армии на положения современной военной доктрины, во французской — около четверти века, а в русской этим делом начали было заниматься только за несколько лет до Великой войны, хотя необходимость такой работы была признана тотчас же после японской кампании, т.е. за десять лет до начала всеевропейского вооруженного конфликта. Следовательно, в последнем случае понадобилось около десяти лет, чтобы победить инерцию мысли только одних верхов русской армии (да и то не вполне), почему не осталось времени для популяризации новых в России идей среди не только широких масс армии, но даже среди отборных частей ее кадров, и прежде всего среди Генерального штаба.

Так медленно совершается работа мысли в массах. В этом нет ничего поразительного для тех, кто, как, например, д-р Ле Бон, изучают этот процесс, но об этом нередко забывают те, кто отвечает за судьбы исхода современных колоссальных вооруженных столкновений.

Проповедникам идеи милиции надлежит помнить об этом с особым постоянством. Нетрудно собрать персидское многомиллионное воинство, но невозможно пропитать его теми военными идеями и чувством, без обладания которыми во всей своей массе тщетны будут усилия такой орды в поисках победы. Не поможет в этом случае и техника, так как техника — это материя, в которую необходимо вдунуть дух.

Миллионное воинство Дария Кодомана при встрече с пятидесятитысячной армией Александра Македонского на полях под Арбеллами и Гавгамалами не страдало отсутствием или недостатком технических средств, но в нем не было умственного и духовного единства, и оно было бито. И так будет всегда...

Между Клаузевицем и исполнением его идей, между книгой и приложением ее принципов дистанция огромного размера. Велика заслуга большого мыслителя, бросающего в мир новые идеи и новые истины, но не менее значительна и заслуга тех светлых голов, которые, подхватив чистый принцип, сумеют пронести его изрытым препятствиями путем к осуществлению на практике. Бросить в жизнь новый принцип — это одно, а провести его в жизнь — другое. Первая работа чисто спекулятивная, справедливо кажущаяся д-ру Ле Бону еще далекой от жизни, вторая — вся в жизни и в практике. Для первой — несть ни эллин, ни иудей, для второй — все в обстановке и в ее частностях. Первая работа приводит из массы случаев бывшей практики в горныя выси отвлеченного принципа, вторая спускает этот принцип из горних высей на землю с ее вседневной жизнью и с ее недочетами. В первом случае господствует работа высокого ума, во втором — не только его, но в особенности верной психологии.

Культированным единицам для усвоения новой идеи нужно рациональное «убеждение». Но этот способ не годится для массы: здесь нужно властное «утверждение». В первом случае действует логика, во втором — импульс. И между этими двумя этапами, обязательными для утверждения и для победы всякой новой идеи, существует множество промежуточных станций, для прохождения которых необходимо прежде всего время, а затем особые условия среды; значение среды можно назвать решающим.

Обратимся к примерам?

Что заставило французскую армию в течение почти всего XIX века отринуть наполеоновский боевой опыт, тот опыт, который был проделан в ее же победоносных рядах? Неужели рациональная логика? Конечно нет. Чисто импульсивное отвращение масс к своему недавнему кумиру, причине их бедствий, в связи с реставрацией, а также с назревшими демократическими течениями, которым внушал полное отвращение властный образ Великого Полководца. Они были причиной крушения его авторитета даже в той области, где, казалось бы, нет места для политических симпатий или антипатий, в сфере военного

искусства. Чувство, как всегда, оказалось сильнее рассудка, и вот французская армия устремилась к своему собственному падению, к своему Седану, «рассудку вопреки».

Почему одновременно престиж того же Наполеона так вырос в рядах прусской армии, в рядах ему враждебных? Только потому, что пруссаки лучше и яснее других получили удар по своему «воображению». И здесь импульсивное впечатление сыграло решающую роль в благоприятном отношении к наполеоновскому военному авторитету. Оно было лучшим и кратчайшим путем для усвоения в германских военных массах тех теоретических истин, которые сумел рафинированный ум Клаузевица вывести из свежего гениального опыта Великого Полководца.

Общий вывод из этих исторических примеров: в первом случае «среда» была подготовлена путем соответствующего воздействия на чувство к отрицанию, а во втором случае к восприятию нового тогда боевого опыта.

На французском примере легко убедиться, что антипатии политические повлияли на вопрос чисто военный. Казалось бы, нелогично. Отвращение к политической деятельности данного деятеля вызвало отвращение и к его военной и боевой работе. Нужды нет, что она являлась редчайшим образцом военного гениального творчества. Для толпы гений существует только до той поры, пока успех сопровождает его работу. Горе ему, когда он повержен.

Это нелогично, но жизненно. «Престиж», «обаяние» в жизни идей важнее логики. Логика нужна для единиц, для вождей, престиж идеи — для усвоения ее массой. Если среди избранных успех идеи зависит от ее качества, то среди массы этот успех зависит от причин чисто внешних, независимых от самой идеи: среды, престижа вождя, моды, условий пропаганды. Только последняя данная, да и то не вполне, может быть обеспечена школою. Остальные даются жизнью, т.е. во всем, что касается армии, ее внутренней организацией.

Сеятель сеет свое семя, но произрастание его зависит от почвы.

Одна почва дает богатые всходы, другая бедные, а третья погубит семя. То же и в области военной доктрины.

Чрезвычайно показательны случаи: прусский, французский и русский по введению в жизнь понятий военной доктрины и особенно по проведению ее в жизнь, по ее распространению в рядах. Сравнение этих именно случаев приведет нас к нескольким точным выводам, полезным с практической точки зрения.

Участь большею частью битых армий или армий, постигнутых ударами политических несчастий — рождают системы теоретических обследований в области военных знаний. Эти исследования носят всегда и всюду характер патриотических усилий некоторых военных

специалистов дать своей родине возможность возрождения недостающего ей военного могущества, которое обеспечило бы ей самостоятельное национальное существование.

Обратно, победоносные армии, изобилующие генералами-бойцами, преисполненные большою дозою самоуверенности, охотно забывают о теории и часто путем продолжительных военных успехов, купленных ценою индивидуального творчества в области военного искусства, начинают презирать всякую вообще военную теорию.

В таком именно положении находилась русская армия в течение всего XVIII и первой половины XIX столетий. В таком же положении была и французская армия в наполеоновскую эпоху.

Вот почему не в ее рядах появились военные писатели, исследователи наполеоновского опыта, а в рядах битой прусской армии (Клаузевиц) и в Швейцарии, стране, силою оккупированной французами (Жомини).

Для армий-победительниц будет совершенно понятно некоторое исполненное снисхождения пренебрежение, которое они испытывают по отношению ко всем таким исследованиям в рядах их битых противников, но Седан и Севастополь грозно свидетельствуют об опасности такого легкомыслия победителей.

Другой опасный подводный камень для победителя — это панегирическая военная литература, откровенная или замаскированная более или менее ловко.

Именно этими двумя встречными путями побитый приходит к отмщению: неустанным исследованием со своей стороны и беспробудным добровольным самоусыплением со стороны своего недавнего победителя.

Этот вывод, как *memoria mori* древних, должен был бы быть вышит золотыми буквами поверх имен славных сражений, на знаменах победоносной армии в день заключения мира. Имена побед — культ прошедшего, а этот завет — культ будущего. Победы — завершение славного прошлого, этот девиз — основа для нового труда, без которого не может быть государственной безопасности.

Воистину молитвою победителя должны быть следующие слова: Боже, избави нас от бахвальства! Именно эту болезнь победителя, предрешающую его будущие поражения, заметил среди русских 1813 года и отметил в своих записках кн. Меттерних. Именно эта болезнь является крупнейшим врагом здоровой военной доктрины в армии.

Как бы то ни было, приходится с грустью установить, что история не знает здоровой теории военной доктрины, выросшей в стане победителя. Затуманенные очи победителя не годятся для холодного анализа и злой критики, без которой нет верного пути к познанию истины...

То, что было неожиданностью для самонадеянных соседей Пруссии, то было лишь логическим завершением методического труда немцев. В Берлине нашли свое отечество правильные методы изучения военного дела: метод критико-исторический для получения общих и основных принципов и метод прикладной для их усвоения. Сто лет упорной работы от Клаузевица и Шарнгорста через Мольтке и Роона к нашим дням перед Великой войной совершалось систематическое созидание единой военной доктрины, проникнутой замечательной цельностью плана.

Дедукция и индукция, синтез и анализ с легкой руки старательных немцев стали проникать в военную теорию и военную практику для того, чтобы слово превратить в дело, такое страшное дело, как война и как кровавый бой. Там, где их неразумные соседи все еще в военной своей деятельности рассчитывали на вдохновение талантов, немцы перешли на научные методы, способные заурядных исполнителей превратить в образцовых техников своего дела. Германцы создали военного ремесленника, подготовленного для его кровавого опыта даже без опыта, и это огромная заслуга немецкой школы, основателем которой явился Клаузевиц и которую в России не удалось создать Жомини. У Жомини не было обеспечено постоянство усилий и преемственность в работе, от которой зависит все, и которые оказались в наличии в Берлине. Здесь сумели не только бросить в жизнь известные общие идеи, но и провести их в жизнь, осуществить, превратить в практику, т.е. создать школу. Общие истины получают право на жизнь только в подготовленной среде, и это заслуга немецкой военной школы — выявить такое основное положение, от которого зависит всякий прогресс, а особенно в таком практическом деле, как военное. Немцы сумели от общих истин, которые они добыли посредством критико-исторического метода исследования, перейти к фактам и случаям вседневной практики, прибегнув к методу прикладному в самом широком значении этого слова.

Результат не замедлил сказаться. Во время кампании 1670–71 гг., по свидетельству Фоша, исполнение в германской армии нередко превосходило концепцию высшего командования и даже исправляло его ошибки. Немецкое командование красноречивыми фактами своей боевой практики доказывало старое военное правило, гласившее, что лучше скверный план, но образцово исполненный, чем отличный план, но испорченный неумелым исполнением.

После побед германцев в 1880–71 гг. слово «инициатива» сделалось лозунгом дня для всех, даже для тех, кто к осуществлению этого понятия и к проведению его в жизнь не был подготовлен совершенно. В слове «инициатива» все искали причину, тогда как оно само было лишь видимым следствием невидимого почти столетнего труда армии. Требовать частного почина в армии, где не было пройдено соответствующих умственных и духовных

этапов, было равносильно требованию импровизации на рояле от того, кто не умеет читать ноты. Требование следствия без наличия причины, ведущей к ней, было по меньшей мере бессмыслицей, дань которой заплатили многие европейские армии.

По следам великого Клаузевица всякий маленький Клаузевиц любит сознательно подойти к окончательному результату достигнутого первым совершенства школы. Отсюда важность критико-исторического метода изучения минувшего боевого опыта. Он формулет здоровую критику, изощряет умы. Но чтобы его превратить в факты своей собственной практики, нужен прикладной метод усовершенствования в военном деле. Он дает технику и воспитывает способность принятия решений во всем многообразии обстановки, другими словами, подготавливает волю к ее ответственной роли. Комбинация обоих методов, в их взаимодействии, приводит в область высшего творчества в случае врожденных к тому способностей или, еще того лучше, таланта.

То, что у Наполеона составляло секрет его гения, прусская школа, благодаря Клаузевицу и его последователям, сумела превратить в обычное ремесло, доступное пониманию и достижению даже людей так называемой золотой середины.

Благодаря этому умному способу изделия военных техников, германская армия, невзирая на то, что не воевала 44 года, единственной из всех европейских перед Великой войною оказалась ближе всего к пониманию боевой действительности: она сохранила то, что по-немецки называется «Kriegsgemesheit». Для нее не было сюрпризом значение в новейшем бою тяжелой артиллерии, она лучше других была подготовлена к железнодорожному маневру, для нее не было неожиданностью непригодность крепостей-точек (на этом был построен весь план вторжения в Бельгию и, следовательно, всего наступления во Францию), с другой стороны, она понимала силу и значение позиции, наконец, что весьма важно, она оценила и умела использовать, как никто, свою прочную кадровую систему не только для себя самой, но и для своих слабых союзников.

Такая «Kriegsgemesheit» была следствием столетних последовательных усилий.

Но у всякой медали имеется и обратная сторона. Есть она и у немецкой школы, здесь выявляются природные особенности расы, которых уже не превзойти.

При твердо установившихся методах немецкой школы она не могла уже в боевой практике оглушить противника обвалом неожиданного решения и ослепить блеском вдохновенного хода. Все заранее взвешено, все заранее известно.

Мало того, немец и о своем противнике судит по себе, как бы не допуская мысли о возможности неожиданной импровизации с его стороны. Эта особенность была замечена Фошем еще в бытность его профессором, и одна из крупнейших его заслуг перед отечеством не только в том, что он открыл эту ахиллесову пяту германской армии, столь, казалось,

монолитной и неуязвимой в отношении доктрины, но и воспитал поколение французских военных умов, способных использовать эту слабую сторону творчества противника. Фош во Франции объявил поход против предвзятых решений, и это была сила молодой французской школы.

Умственное пробуждение французской армии началось тотчас же почти после разгрома 1870–71 гг., но еще долго после войны продолжалось нерешительное нащупывание почвы, прежде чем перейти к определенному курсу, который можно было бы назвать школою. Такое топтание продолжалось около двух десятков лет, пока, наконец, не был взят твердый курс молодой профессуры тогдашней Высшей военной школы Фошем, Петеном, Дебенэ и др. Это была школа энергичного насаждения прикладного метода в приемы подготовки будущих офицеров Генерального штаба. Сознавалась неизбежность большой войны с Германией, чувствовалась недостаточность времени для идейной подготовки к ней, и поэтому и в методы такой подготовки было внесено много спешки и много сжатости. Главная цель, по идее Фоша, было желание развить то, чего не хватало французской армии во время Франко-прусской войны, интеллигентность командного состава, заставить «шевелить мозгами». Во главе этой работы мысли было осуждение всяких рецептов и шаблонов, склонность к которым Фош заметил у своих будущих противников, отметил ее в своих трудах и осудил в своей практике профессора...

В общем, работа французской военной школы перед войною была работою создания «вождей», а не «идей», не доктрины, тем более что таковая уже была создана немцами во время их столетнего труда. Это создание вождей не ограничивалось областью одной интеллигентности, над чем особенно работал Фош, но оно невольно выводило и в сфере характера, воли, указывая путь для решимости, освещая рациональные приемы для принятия решений.

Эта работа дошла до того, что по почину Фоша в 1909 г. были образованы курсы высшей стратегии, преобразованные затем в центр высших военных знаний, удачно окрещенный в армии кличкою «школа маршалов», откуда и в действительности вышли все эти Петены, Файоли, Местры, Дебенэ, Вейганги.

Подобное спешное изготовление вождей оправдалось впоследствии во время событий войны 1914–18 гг., но оно имело в качестве школы и один немалый организационный недостаток. Это неполное внимание к критико-историческому исследованию современной войны в ее новейших явлениях. За огромностью труда по широчайшему применению прикладного метода в интересах распространения высших знаний оставили в некотором небрежении критико-исторический метод, необходимый для того, чтобы начать войну в

условиях по возможности с представлениями о ней, наиболее близкими к возможной действительности.

Только этим можно объяснить, что для французов роль тяжелой артиллерии в бою оказалась сюрпризом, невзирая на присутствие в их рядах теорий новейшей артиллерии Ланглуа, что разворачивание главных сил французской армии производится в районе Гирсон-Мец, где железные дороги менее всего для этого подготовлены, что сражение на Марне прерывается без должной эксплуатации победы из-за недостатка снарядов и патронов, что армия оказывается недостаточно подготовленной к возможности ведения позиционной борьбы, что промышленность оказалась неготовой к бремени, которое возлагала на нее современная война, и т.д., и т.д. Понадобились долгие 4 года войны и моря крови, чтобы исправить эти недосмотры.

Перед последней кампанией во французской армии было написано много прекрасных страниц и сказано с военной кафедры много верных слов, но повторим вслед за генералом Фошем: «Пусть не ищут на этих страницах методического и полного, еще менее того, академического выявления искусства войны».

Эти слова необходимо помнить особенно тем русским, которые после своих идейных блужданий в течение ста лет после наполеоновской эпохи, после полуудач турецкой и поражений японской войны незадолго до Великой войны приехали в Париж, как в Мекку, искать полного посвящения в таинство.

Они принесли из-за границы то, что после японской войны стало ясным и вообще для русского Генерального штаба, прикладной метод. Русская военная литература к тому времени уже ясно высказалась в этом смысле, и даже в некоторых учебных войсковых учреждениях, где требовалось быстрое натаскивание командного состава в положениях современной тактики, этот спасительный метод применялся с положительными результатами. Такими учреждениями были разного рода офицерские школы, Артиллерийская, Стрелковая и Кавалерийская. На этот же путь вступила уже и Военная академия.

К сожалению, паломники вместе с правильным взглядом на прикладной метод привезли из Парижа увлечение, вскоре давшее вредные плоды. 75 лет существования русской Академии Генерального штаба, конечно, не могли пройти бесследно для культуры в армии. И этот след заключался прежде всего в том, что историческое исследование, в частности критико-исторический метод его, сделали значительные успехи и способствовали научному обследованию славного прошлого русской армии. Труды Милютин, Масловского, Мышлаевского и др., составленные на основании розысков в архивах, были показателями здоровой школы, обещавшей много в будущем. С другой стороны, эта работа подкреплялась

трудом чисто военно-философским таких умов, как Леер, этот талантливый русский популяризатор идей Клаузевица. Голос Леера служил как бы аккомпанементом молодым голосам архивных пытливых исследователей, ревновавших о славе русского военного искусства.

Молодые паломники из Парижа, быстро окрещенные в армии именем «младотурок», в пылу увлечения не ценили этой работы родной академии. Действительно, в момент появления их у центра влияния эта работа оставляла желать многого. Подбор профессоров был неудачен. Подбор курсов также. Старик Леер, соболезнуя об этом, любил повторять, что на кафедру военного искусства всякий валит то, что ему негоже. «Младотурки» довершили эту «эволюцию» тем, что на ту же кафедру начали уже преднамеренно сваливать и всех негодных профессоров.

Эти искания, исполненные жара, соответствовали периоду гораздо более спокойных и уравновешенных попыток французской высшей военной школы 70-х и 80-х годов. В результате в России явилась серия ученых трудов весьма условного схоластического достоинства. Тут была и «служба Генерального штаба», а «современная» стратегия, не имевшая ничего общего с современностью, и «маневр» как «средство боя», где Наполеону навязывались идеи, которые ему не снились, и пр., пр. С возникновением Великой войны наиболее искренние из авторов этих трудов признавались, что писали глупости, не имеющие ничего общего с действительностью.

Военная доктрина в армии предназначена для того, чтобы господствующие понятия военной среды вознести на самую вершину основных принципов войны, обеспечив их применение на практике современности. Ясно, что путь на эту вершину лежит от подножия горы, которая тем выше, чем интеллигентность данной армии и данного народа ниже. Ясно, что в каждой из существовавших перед Великою войною армий этот путь был и разной длины, и разных направлений и извилин. Он ни в какой из них не был похож на путь, свойственный соседу или близкому другу. Основная ошибка русских молодых официальных реформаторов заключалась в непонимании этой истины, а быть может, и в незнании своей собственной армии.

Самый факт возникновения молодой школы был, конечно, отрадным явлением, которое, однако, не успело стать на ноги, как возникла война. Русский Генеральный штаб выступил на нее в разброде общих идей и способов их осуществления.

Но у русской армии было преимущество, неизвестное прочим европейским армиям: в ее рядах находилось свыше 20.000 обстрелянных офицеров и свыше 200.000 таких же солдат. До некоторой степени это обстоятельство уменьшало зло от отсутствия единства мысли. Вся

эта обстрелянная масса знала бой и умела угадать боевую действительность, которая уже не могла преподнести ей неожиданных сюрпризов.

В заключение можно сделать следующий краткий общий вывод о работе созидания и распространения единой военной доктрины в рядах важнейших и наиболее многочисленных армий. Понадобилось около ста лет на создание и распространение доктрины германской армии, около двадцати лет только на спешное распространение ее во французской армии и было совершенно недостаточно шести-семи лет на такое же распространение в рядах даже обстрелянной русской армии...

Перед Великой войной все военные авторитеты всего мира (уж такова участь, должно быть, всех специалистов) проповедовали — «ничего, кроме наступательного», и лишь только загремели орудия войны, должны были засесть на четыре года в окопы.

Едва ли не в единственном числе Жорес, проповедник «массы», и массы по возможности наибольшей, предвидел, что она неспособна к наступлению.

В то время как авторитеты, ослепленные предвзятой доктриной, намеренно закрывали глаза на явления пассивной Русско-японской войны, Жорес, относясь к ним без профессионального предубеждения и потому свободный в своих суждениях, склонялся к необходимости отнести с доверием к ее главнейшему уроку, который показывал, что современные полчища неспособны к движениям наполеоновской стратегии. Вот почему он предлагал заменить идеалы наполеоновские более реальной действительностью Тюренна, также связанного в свое время если не массою, то условиями продовольственными, и обреченного, как и полководцы Великой войны, на топтание на месте. Жорес при этом старался как бы ободрить современников, справедливо указывая на то, что даже и малоподвижная стратегия Тюренна, исключавшая осуществление столь же широких политических планов, как и при Наполеоне, не была лишена энергии, особенно на поле сражения, и зачастую приводила к совершеннейшему разгрому армии противника.

Поэтому Жорес предостерегает против увлечения Наполеоном. Он говорит: «изолировать одну эпоху для изъятия оттуда формул — это значит впасть в сервизм, это значит сделаться в некотором смысле пленником местности, это значит считать, что в человеческом уме, как и в природе, имеются «крепкие позиции» и готовые системы действия. Изучать Наполеона до дна, а также его творение в полной связи дела и идей — это превосходно. Слишком очаровываться им как вечным учителем и богом войны это значит подставляться в новейшие времена самым ужасным неожиданностям действия и мысли; это значит доверяться военной рутине тем более опасной, что она вся в блеске минувших побед... Тем, кто рисковали бы ослепиться, слишком упорно глядя на солнце Аустерлица, я

попробовал бы сказать: «Расширьте ваш горизонт, и притом так, чтобы солнце одного человека и одного дня не смогло бы его заволочь».

Нельзя не отдать справедливости этим вещим словам Жореса. Перед последнею войною дифирамбический стиль изучения Наполеона послужил едва ли не главной причиной позиционных неожиданностей, которые обрекли все армии на продолжительное сидение в окопах; мало одного желания наступать, если ему не предшествовало всестороннее изучение явлений новейшей войны и особенностей современной организации. Среди первых оставалась недостаточно изученной «позиция» и среди вторых «масса». Причина — предвзятые идеи, не только проповедовавшие невыгоду обороны, но воспитывавшие даже пренебрежение к ней, а также принимавшие на веру положение, что «масса», полученная путем организации, а не маневра (как было у Наполеона), есть вернейший залог победы...

Элементарное правило войны — знать своего противника прежде, чем его побеждать. Противник наступления — оборона: нужно знать ее в совершенстве для того, чтобы иметь право думать о наступлении.

Мало того, наиболее могущественные технические средства современности, долженствующие обеспечить наступление: танки, тяжелая артиллерия, автомобильный транспорт, воздушные массы — родились под давлением оборонительных потребностей. Даже сама «масса», с которою на этих страницах ведется столь упорная борьба, появилась на театре войны свыше ста лет тому назад под тем же давлением: было необходимо обороняться от коалиции.

В общем, можно сказать, что в наше время никакое наступление невозможно без основательнейшего и всестороннего теоретического и практического изучения современной обороны. В этом положении вся главнейшая сущность военной доктрины данного момента.

Сверх того, военная доктрина современности должна также основываться на законах «военной психологии» как новой военной науки, теоретический и практический материал для основания которой отличается уже ныне достаточной полнотою и всесторонностью, чтобы иметь возможность на основании его построить новую военно-научную дисциплину.

Пора ясно отдать себе отчет в том, что помимо вечных и незыблемых принципов военного искусства существует еще среда, с которой приходится иметь дело в момент проведения в жизнь этих законов творчества. Правила познания этой среды и составят предмет исследования новой науки.

Такие талантливые труды, как многочисленные работы д-ра Ле Бона единственная в своем роде, много раз здесь цитированная книга Жореса, дают богатейший материал военно-

психологических наблюдений обо всем, что касается организации массы, ее воспитания и образования, ее настроений и переживаний. Такие работы, как классический труд Ардан дю Пика, дадут психологию боя, индивидуальную и массовую. Такие труды, как «Вооруженный народ» фон дер Гольца позволят сделать исторические экскурсии в недавнее прошлое, осужденное на вымирание. Найдутся и другие письменные свидетельства, быть может рассеянные в трудах, посвященных иным целям и задачам, где психологические черточки боевой действительности сохраняют свою свежесть искренности, честности и правдивости. Извлеченные на свет Божий, приведенные в систему, они, наряду с прочим более обширным материалом, помогут исследователю выйти на путь систематического изучения в той области, в которой до наших дней царствует инстинкт личного творчества.

Чтобы пояснить возможность, не химеричность подобной задачи и претензии, достаточно указать, что до Наполеона вся творческая часть военного дела была основана также на личном фундаменте. Она была только уделом личного дарования. Не было ни школы, ни науки, ни исследования. Или, вернее говоря, было все это, но оно основывалось на геометрических принципах, на формах. Клаузевиц первый попытался положить все это на моральный фундамент. Отсюда жизненность его теорий по сравнению с прочими исследователями.

Пришла пора расширить психологическое исследование военного искусства, пользуясь всем богатством социологической науки современности.

Только пропущенная сквозь призму психологии, современная военная доктрина получит право на жизнь. Особенно важно исследование психологии масс в связи с психологией современной массовой армии.

Для того чтобы избежать «психологического развода» между вождями и массой, которого так боится Жорес и ради которого он хочет смешать верхи с низами армии, следует, вопреки этому мнению, вознести командование над толпой и массой. Вожди должны и могут узнать простые сравнительно истины для владения полчищами. Сюда должна направиться вся пылкость лучших военных умов, так как без этого военная доктрина приведет к тому же формализму, в котором были так повинны боевые предки Наполеона и за который он так жестоко их проучил.

Что такое масса? Как ею можно пользоваться на театре войны и на поле боя? Как ее для этого следует организовать? На все эти вопросы вожди полчищ получают ответы только через изучение психологии массы, психологии причудливой, непостоянной, капризной, недальновидной, дикой, пестрой, животной, примитивной.

На путь изучения ее и должна вступить военная доктрина, если только она имеет хотя какие-нибудь претензии на жизненность.

Если принципы военного искусства неизменны во все времена, то приложение их на практике меняется соответственно особенностям эпохи. Сводка положений такого приложения и есть военная доктрина.

В наши дни доктрина «массы» господствует в умах. Пришла пора доказать, что масса отжила свой век и что наступило время искания новых оснований для общей доктрины. Это тем более необходимо, что в наш век изучения способов разоружения или, по крайней мере, ограничения вооружений странно и непонятно проповедовать теми же устами необходимость во имя демократического принципа доведения вооруженной массы до того предела, когда ни один человек, более или менее способный носить оружие, не миновал бы войсковых рядов. Таковы идеалы Жореса с его всеобщей милицией. Странно, что никого не поражает противоречие двух модных тезисов: «Долой оружие» и «Все в ружье». В этом противоречии трагизм современной военной доктрины, и здесь нужно искать признаков ее скорой и благополучной кончины.

Жорес и социалисты, проповедуя милицию, думают, что они этим разрешают вопрос разоружения и исчезновения внешней войны, противоречащей народным законным чаяниям.

Военные специалисты, проповедуя массу как главнейший козырь победы, приходят к той же милиции.

Но ни социалисты, ни специалисты не замечают того, что, придя к милиции, одни во имя принципа «долой оружие», а другие во имя завета «все в ружье», они работают на пользу третьих лиц, проповедующих воинственный клич «Долой демократию, да здравствует диктатура пролетариата».

И эти третьи лица, коммунисты, находятся на самом верном пути, так как понимают политическую ненадежность современных полчищ, которой не замечают ни социалисты, ни тем более демократия, отличающаяся удивительной близорукостью в наши тревожные дни.

В общем, мы присутствуем при том странном положении, когда сторонники трех приведенных девизов, невзирая на взаимное противоречие их один другому, в равной степени возлагают свои надежды на современную милиционированную армию.

Без дальних рассуждений ясно, что ошибается только одна из трех групп. Цель настоящих страниц — доказать, что из них права в своих надеждах только третья. Она надеется на крайнюю чувствительность современных полчищ ко всякой политической пропаганде, а поэтому и к саморазложению. Даже условившись считать пример русской армии исключительным, достаточно для подтверждения сказанного вспомнить 1917 год, когда воевавшие армии, будущие победители и будущие побежденные, все в равной степени переживали тяжкий и рискованный период психологического упадка в рядах войск,

вызванного политической пропагандой. Тогда на Западе удалось избежать окончательного морального краха полчищ. Надеяться на это всегда не приходится.

Одним из главнейших оснований будущей военной доктрины должно быть осуждение массы как главнейшего фактора победы. Но, конечно, идти к этой цели невозможно путем простого и быстрого сокращения численности уже существующей армии и призывной системы, обеспечивающей ее. Нужный для этого путь гораздо сложнее. Необходимо постепенно количество компенсировать качеством и техникой. Что касается последней, то в наши дни она завоевала себе столь почетное место, что ее не оспаривает никто. Не то с качеством. Оно понимается раз до полной противоположности. Когда, по мнению одних, милиция является лучшей гарантией качества, по мнению других, только профессионалы могут его обеспечить в рядах войск.

Количество, качество и техника в их взаимодействии дают наилучшую военную организацию. До последнего времени замечалось злоупотребление количеством за счет техники и особенно качества. Необходимо обратить сугубое внимание именно на последнее, т.е. на усиление и улучшение кадров профессионалов. Здесь же кроется и секрет ограничения вооружений: числом поменьше, сортом получше.

Само понятие об интенсивности вооружений в наше время трансформировалось. Ее впредь невозможно будет измерять количеством находящихся под ружьем солдат.

Современная общепринятая доктрина — обжора, который кладет на тарелку больше, чем может съесть. Призывной аппарат армии страны, где рождаемость носит нормальный характер, дает больше, чем может переварить ее желудок. Чтобы он не расстроился окончательно, необходимо принять серьезные и систематические меры.

Если бы прикладывать общепринятые масштабы для суждения о напряжении вооружений, то самой вооруженной страной пришлось бы признать Советскую Россию, так как Красная Армия самая многочисленная, на втором месте надлежало бы поставить Францию и затем Англию.

В действительности же этот порядок нужно перевернуть и все эти державы поставить в обратном порядке, т.е. первое место будет принадлежать Англии, второе — Франции и третье — Советской России.

С точки зрения количества был бы необходим первый из приведенных порядков, с точки зрения качества — второй.

Количество говорит следующее:

Россия — 1,370,000 красноармейцев

Франция — 494,000 человек

Англия — 341,000 - « -

Качество гласит другое. Английская армия состоит сплошь из кадровых чинов, которым в случае войны ничего не стоит развернуться в полумиллионную армию, если бы в этом встретилась надобность. Французская армия в своих рядах имеет только 1/6 кадровых, около 80,000, цифра еще не достигнутая в действительности применением закона о сверхсрочных; следовательно, в ее рядах вся остальная масса представляет собою не что иное, как полумилиционную массу, способность разворачивания которой значительно меньше, чем в английской армии. В Красной Армии число кадровых, надежных в политическом отношении с точки зрения господствующей коммунистической власти, также около 1/6 — 200,000...

Приведенных цифр и фактов, как кажется, достаточно, чтобы считать, что в отношении качества кадровой системы английская армия стоит на первом месте, французская — на втором и Красная — на третьем.

В политическом отношении также нетрудно доказать подобную же градацию. Британская армия совершенно чужда какой бы то ни было политики, она послушное оружие существующей государственной власти и системы, так как состоит из профессионалов.

Французская, как и всякая построенная на началах милиции, естественна склонна к политике и к партийной пропаганде.

Что касается Красной Армии, то все усилия политических руководителей направлены к тому, чтобы создать из нее политический аппарат в руках одной коммунистической партии...

Только смелый отказ от «массы» в качестве новейшей теории военной доктрины выводит на путь истинный и лучшей военной организации, с которой так тесно и так неразрывно связана военная наука, и особенно прикладная ее часть. И путь для этого один — подъем «качества» кадров, увеличение их численности и усиление профессиональности среди них.

Только такие кадры могут обеспечить и нормальное развитие здоровой и верной военной доктрины, требующей весьма продолжительной, чисто профессиональной, а не импровизированной работы. Не милиция с ее переменностью может обеспечить что-либо подобное.

Осудив «массу» как продукт организации огромных полчищ, современная военная доктрина должна обратить тем более острое внимание на движение как способ собрать ту же массу, но уже путем маневренным, а не организационным. Нынешняя масса подразумевает, в сущности, то искусство, в силу которого стараются быть везде равно могущественным. Это прием, приводящий к неизбежному кордону с его непомерным аппетитом в той области, которая касается живой силы.

Движение, доведенное до высокого напряжения с предельным расходом всех способов, даваемых техникой, приводит к тактике сосредоточения и необходимой массы только в точке удара. Отсюда экономия живой силы, как в предшествовавшем случае.

Огромный опыт Великой войны по части массовых железнодорожных перевозок, морских перебросок и автомобильного транспорта, еще пока не вполне изученный, несомненно, в ближайшем будущем даст ценнейший материал для выработки общих принципов маневра и эволюции в современном значении этого слова, а также укажет ряд правил прикладного характера, отвечающих условиям типичных случаев.

До войны наступление и маневр проповедовался, невзирая на технику или, в лучшем случае, обращая лишь недостаточное внимание на нее. Ныне подготовка и к наступлению, и к маневру будет вестись через познание и внимательное изучение техники.

До войны сторонники активности были нередко и противниками техники (Драгомиров), после нее такой абсурд уже невозможен, и теперь доктрина активности будет основываться на широчайшем применении техники.

Постановка движения на надлежащее место станет важнейшей задачей военной доктрины современности, только через эту эволюцию можно выйти на путь здоровой военной организации, исключающей применение полчищ, и только через нее возможно прийти к исполнению горячего общего положения и текущего момента — сокращения вооружений.

Важнейшая задача современной военной доктрины — это через изучение обороны разоблачить секрет движения и через движение подойти к сокращению массы.

(Геруа А. Полчища. София, 1925. С. 535–368)

Наша японская война и наша русская смута обнажили много язв родной армии. Их нужно лечить, и лечить нужно, руководствуясь двумя методами. Основа первого из них — чистый отвлеченный принцип организации современной вооруженной силы, основа второго — быт русской армии, ее особенности.

Первый путь познается даже простым и легким приемом заимствования у иностранцев, второй — постигается лишь неблагодарной аналитической работой в области «своего», «родного».

Мы, русские, всегда были особенно склонны к первому пути и ленивы идти по второму.

А между тем без согласного, взаимокорректирующего сочетания обоих методов лечения трудно ждать своего выздоровления.

(Геруа А. К познанию армии. СПб., 1907. С. 3)

Военная доктрина

Н. Головин

Как только Суворов вступал в командование войсками, он тотчас же рассылал им свою «Науку побеждать». Последняя, изложенная своеобразным суворовским языком, понятным рядовому нижнему чину, представляла собой своего рода катехизис, который все генералы, офицеры и унтер-офицеры обязаны были знать наизусть, рядовым же соответствующие выдержки из этого катехизиса должны были читаться ежедневно...

Суворовская «Наука побеждать» не есть устав: суворовская «Наука побеждать» есть суворовская доктрина.

Слова «военная доктрина» были очень долго не в почете у нас. Тут, конечно, имело некоторое значение иностранное происхождение слова «доктрина» и то, что понимание этого слова смешивалось с понятием «доктринерства». Опасаемся, что и до сих пор в массах нашего офицерства слово «доктрина» пользуется таким же успехом, как слова «жупель» и «металл» в комедии Островского у замоскворецкой купчихи. Не любовь к методичной упорной и долгой работе, а, наоборот, пристрастие к «авось» да «небось», прикрываемое ожиданием наития свыше, являются, к сожалению, нашими отрицательными национальными свойствами. Вследствие этого наше обычное отношение к вопросу «доктрины» является своего рода национальным предрассудком. Пример Суворова — этого величайшего русского полководца, не уступающего в своем гении другим великим полководцам мировой истории, тем более поучителен.

Доктрина представляет собой чисто практическое приложение отвлеченных выводов науки к условиям определенной войны. Военная доктрина создается для данной войны; если можно выразиться, для войны с маленькой буквы и предшествуемой каким-либо прилагательным. Наука создается для войны вообще, для войны с большой буквы. Условиями, обуславливающими создание доктрины, являются: свойства войск своих и противника, сила и свойства находящегося налицо вооружения, государственные,

национальные и экономические условия, в которых приходится вести данную войну, условия театра войны, т.е. все, что можно обобщить в словах — «реальная обстановка войны». Вот почему если военная наука не может различаться от того, преподается ли она в Военной академии в Петрограде, в Париже или в Берлине, то доктрины русская, французская и немецкая неминуемо будут заключать в себе различные черты. Более того: доктрины одной и той же армии в различные войны должны между собой отличаться. В современную же эпоху, вследствие быстрого совершенствования техники, перед каждой кампанией должна выработываться новая или по крайней мере обновленная доктрина.

Противники доктрины указывают, что высшее военно-научное образование должно обнимать собой понимание, как вести войну при всякой обстановке. В своем требовании к высшему военному образованию они правы. Но в своем выводе они грешат тем, что упускают из виду, что действительное усвоение военной науки в ее высшем отвлечении — удел немногих. Массы же людей нуждаются в более узко практических указаниях. Это требование получает особое значение в условиях современной войны, когда на борьбу выступают не прежние профессиональные армии, а вооруженные народы.

Военная наука создается по преимуществу путем анализа. Военная доктрина представляет собой результат синтеза. Среди всех многочисленных методов, на которые указывает военная наука, создатели доктрины избирают комбинацию методов, которые, по их мнению, являются наиболее приложимыми в обстановке данной или ожидаемой войны. Как всякая синтетическая работа, созидание военной доктрины требует наличия не только научно-аналитического ума, но и практически-созидательного таланта. Без этого военная доктрина превратится в трафарет, против чего боролись все великие полководцы, хотя каждый из них создавал свою собственную доктрину...

Итак, военная доктрина есть комбинация приемов боевых действий, которая устанавливается верховным руководством вооруженной силы не для войны вообще, а для определенной войны.

Если представить себе эту мысль графически, то ее можно было бы изобразить так: в обширном круге, заключающем в себе все бесчисленные методы, указываемые военной наукой, верховное руководство проводит внутренний круг, ограничивающий в себе методы, которые, по его мнению, являются наиболее отвечающими ожидаемой обстановке. Само собой разумеется, что остальные методы не исключаются, но предпочтение, отдаваемое некоторым из них, облегчает подготовку вооруженной силы, сводя предъявляемые к ней требования с пути очень широких абстракций на путь более определенных требований. Из заоблачных высей философского отвлечения научные выводы низводятся на землю с неизбежными ее грехами и трениями. Ответственность, которую берет на себя в этом случае

верховное руководство, очень велика. Если оно ошибается, то заложит начало поражений, а не побед. Человеческая слабость заставляет иногда вождей уклоняться от ответственного творчества, стремясь переложить эту ответственность на подчиненных. Благодаря этому сохраняется возможность формального оправдания перед современниками ссылкой на то, что подчиненные не согласовали свои действия с обстановкой. Эта формула всеобъемлюща, а потому и является излюбленной, но история не вынесет оправдания подобным вождям, ибо только высшее руководство военной силой может предвидеть те данные, которые обуславливают тот или другой характер ожидаемой в ближайшем будущем войны.

В прежние эпохи созидать и проводить в жизнь свою доктрину мог единолично полководец. Уставы представляли собой лишь предписания узко формального характера (строи, перестроения и т.д.). но по мере усложнения ведения войны даже так называемые строевые уставы теряют свой исключительный формальный характер. Стоит только посмотреть хотя бы современные германские и французские уставы родов войск. Части их, касающиеся боевых действий, приняли характер учебников тактики. Таким образом, устанавливаемая доктрина уже в строевых уставах находит свое яркое отражение. В современную эпоху уже невозможен случай, имевший место в наполеоновскую эпоху, когда французская императорская армия, ведшая свои бои на началах глубокой тактики, до конца своего существования в 1815 году имела в своем распоряжении устав 1791 года, построенный всецело на принципах линейной тактики. Подобное ненормальное положение вещей было и тогда терпимо лишь потому, что армия Наполеона почти все время находилась на войне, и войска усвоили доктрину своего полководца чисто практически, на боевом опыте.

Насколько выше Наполеона был в этом отношении наш Суворов со своей «Наукой побеждать». С дальнейшим течением истории жизнь ярко подтвердила это. Мольтке подготовил прусскую армию к победам 1866 и 1870–71 гг., несмотря на то, что эта армия пребывает 50 лет в мире. Для настоящей эпохи методы Суворова и Мольтке являются единственными соответствующими. Эти методы, в отличие от прежних методов, узкопрактических, могут быть названы научными.

Значение военной науки для создания доктрины стало в настоящую эпоху еще более значительным. С усложнением материальной части чрезвычайно усложнились методы боевых действий и увеличилось число комбинаций, между которыми приходится выбирать создателю доктрины. Быстрота же совершенствования материальной части приводит к тому, что опыт минувшей войны быстро стареет, и только наука может предвидеть дальнейшую эволюцию военного искусства.

Сложность и изменчивость современной военной доктрины вносит большое затруднение в дело обучения войск. При современной системе кадровой армии в мирное время под знаменами обучаются миллионы переменного состава, образующего после краткого срока своей действительной службы запас обученных бойцов. Переучивать этот запас при объявлении мобилизации представляет большие трудности. Использование при мобилизации перволинейными войсками младших сроков службы вносит некоторое облегчение в решение трудного вопроса боевой подготовки армии. Но кроме этого создатели вооруженной силы должны учесть также сложность и изменчивость современных военных доктрин при составлении уставов: материал, подлежащий изложению в уставах, распределяется не только по специальностям (уставы родов войск, служб и т.п.), но и по степени подверженности его изменениям. Практически это осуществляется следующим образом.

Уставы родов войск (так называемые строевые уставы) должны заключать в себе только те элементарные данные, которые обуславливаются находящимися в данную минуту у армии вооружением. При этом эти уставы должны подразделяться на две части: собственно устав со всеми формальными наименее изменяемыми данными и наставление для боевых действий в рамках не выше полка. Эта вторая часть может подвергаться более частым изменениям, но все-таки, ввиду того, что рамки ее ограничены рассмотрением действий малых войсковых единиц, она будет более устойчивой, нежели уставные указания, касающиеся более крупных единиц. По этому пути мы уже шли до войны, но мы считаем, что эта идея должна быть проведена гораздо резче и полнее: в строевые уставы должны быть перенесены и элементарные формулы так называемой полевой службы войск, а именно: разведка, охранение, походные движения, расположение на отдых, а также вопросы управления в рамках полка.

Руководящие указания для действий войсковых единиц высших, нежели полк, мы предлагаем распределить на две группы наставлений, или инструкций.

1. «Наставление для совместных боевых действий различных родов войск» в рамках бригады, дивизии и корпуса, а также все инструкции, касающиеся работы различных служб: связи и тыла, обеспечивающих успех боевых действий вышеуказанных боевых соединений.

2. Наставление для вождения высших соединений», посвященное методам оперативного руководства корпусом, армией и группой армий, а также «Положение о полевом управлении войск» и сопряженные с ними другие «положения»...

Различие в требованиях уставов различных категорий привело некоторых писателей к мысли о существовании трех доктрин: одной — воспитательной, другой — тактической и третьей — стратегической. Мы думаем, что подобное разделение может повести к

затемнению одной из существеннейших мыслей, а именно — единства доктрины. Последнее заключается прежде всего в том, что воспитание, и тактика, и стратегия должны быть слиты в одно логическое целое. Отсутствием подобного единства и грешили мы до войны. То, что доктрина должна быть единою, не значит, что ее отдельные части — воспитательная, тактическая и стратегическая — должны смешиваться в одну кучу. В этих частях могут быть различия, но не должно быть внутренних противоречий. Чтобы выяснить мысль о различиях, мы приведем следующий пример.

Лучшим солдатом для выполнения всякой тактической и стратегической задачи является солдат в духе суворовской «нападательной тактики». Принимая во внимание, что та часть доктрины, которая внедряется в массу войск, должна быть наименее подверженной изменениям, вполне естественно воспитывать солдата в наступательном духе независимо от того, придется ли начинать войну со стратегической обороны. В этом случае в уставах указанных трех категорий будут различия, но не будет противоречий.

Возьмем для дальнейшего пояснения нашей мысли доктрины германскую и французскую перед войной 1914 года. Германцы, пользуясь запаздыванием сосредоточивания всей русской вооруженной силы, готовились нанести быстрое решительное поражение французской армии с тем, чтобы затем нанести такое же поражение русской армии. Поэтому германская доктрина во всех своих частях должна была носить ярко наступательный характер. В воспитательной части она требовала духшнитсолдата, в тактике и стратегии решительного наступления с самого начала войны, причем эти идеи могли быть доведены до своей крайности.

Правильно составленные уставы (наставления, инструкции, положения) являются частью работы по проведению в армии избранной военной доктрины. Представляя собой прежде всего практическое приложение выводов науки к определенной обстановке, внедрение доктрины в еще большей мере зависит от самого хода обучения войск и их командного состава. Вот почему суворовская «Наука побеждать» заключала в себе две части: словесное поучение и учение показное; причем второе составляло первую часть. В настоящее время военное искусство настолько осложнилось, что оно не может быть включено, как это было сделано, правда с большим мастерством, Суворовым, в узкие рамки показного учения и одного общего поучения.

Как в области уставной приходится разделить инструктивный материал на ряд категорий в зависимости от того, к кому поучение обращается, так же точно самый процесс внедрения в армию доктрины, в особенности в среду командного состава, вынужден пользоваться гораздо более сложными методами, нежели в эпоху Суворова. Тактические задачи на картах и на местности, показательные учения, маневры войск — вот обширные отделы

воинского обучения, которые должны получить в современную эпоху самое широкое развитие. Показное учение Суворова является лишь одной из ступеней на длинной лестнице боевой подготовки современных армий.

Широкое применение этих методов позволяет вдохнуть живой дух в доктрину, без которого она рискует сбиться на путь шаблона. Благодаря подобной постановке вопроса в уставах и инструкциях будет сосредоточено изложение формальной и принципиальной части доктрины; прикладная же часть ее должна проходить войсками на «частном случае», т.е. в тактических занятиях, учениях и маневрах.

Отсюда мы видим, что, по существу говоря, центр тяжести привития войскам соответствующей доктрины лежит здесь и что потому одних отлично составленных уставов, наставлений, положений еще слишком мало. С другой стороны, подобная постановка дела требует, чтобы все многообразные занятия войск и командного состава были проникнуты духом единой доктрины.

Ген. Сухоминов думал решить этот вопрос очень просто: запретить всякое тактическое и стратегическое инакомыслие. Но такое решение в стиле щедринского Угрюм-Бурчеева конечно не соответствует требованиям жизни. Нужно ведь, чтобы принятая единая доктрина была бы в то же время не «какая-нибудь», а истинная. От того, что римский папа заставил Галилея присягнуть, что Земля не вертится, Земля не перестала вращаться.

Для правильного разрешения этой трудной задачи есть только один путь: путь Мольтке, т.е. путь науки.

Этот путь не заказан и нам.

Но этот путь долгий и трудный. Для того чтобы действительно вступить на него, нужно еще проникнуться глубокой верой в науку.

В нашей работе мы и зовем на этот путь.

Несомненно, что окончательное создание доктрины будущей российской армии нам, находящимся за границей, недоступно. Для этого требуется знание таких конкретных данных, которое достижимо только лицам, непосредственно стоящим у кормила правления армией. Но наметить главные исходные точки, определить общие абрисы этой доктрины вполне возможно, и, может быть, они для нас, находящихся вне большевистской деспотии, виднее. Советские «спецы» не смеют отойти от «китов» ленинизма: материализма, отрицания современной культуры и национального начала и ставки на всемирную революцию. Подобные отправные точки сами по себе уже ставят вехи на ложном пути, на котором не найти истинной науки. Найдем же в себе силу веры в науку и вместе с Галилеем скажем: «А Земля все-таки вертится».

Жизнь неминуемо покажет правоту нашей точки зрения. В ожидании же этой минуты нужно не покладая рук работать, дабы не уподобиться евангельским «неразумным девам», у которых потухли светильники к минуте встречи Жениха. В первые минуты возрождения России поздно будет искать «масло для светильника науки»...

Но если Суворов в эпоху, когда главный наш враг был турки, стоявшие на пути исторического движения России к берегам Черного моря, все-таки свою «Науку побеждать» строит на основе «регулярщины», то будущей России, нормальному развитию которой будут мешать соседи на Западе, тем более нужно строить доктрину борьбы против организованной и технически оборудованной в современном смысле слова армии.

Часто приходится встречать, что в оценку боевой силы наших западных соседей вводится поправка в виде низкой оценки качеств румынского и польского бойца. Против подобной поправки мы и хотим предостеречь. Доля истины в этом есть. В нормальных условиях русский солдат окажется выше румынского и польского. Но перволинейные войска, выступающие с объявлением войны, заключают все свои кадры. А между профессионалами каждой из этих армий, обученных по-современному, не может быть такой же большой разницы, как между сырым войсковым материалом. Различие в боевой силе между частями в начале войны будет зависеть и от достаточного количества современного вооружения. Вот почему мы и считаем, что доктрина будущей российской армии не может строиться на признании прирожденного качества превосходства наших войск. В основу должна быть положена идея борьбы с качественно равноценным противником. Подобное признание отнюдь не должно означать пренебрежения с нашей стороны к мерам, нужным для поднятия боевых качеств нашей армии. Это только выполнение одного из основных правил войны, данных нам всеми великими полководцами, «не относиться с пренебрежением к врагу»...

(Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы. Общие основания. Изд. 4-е Русского военно-научного института. Белград, 1939. С. 5–42)

Содержание русской военной доктрины

Творчество, доктрина, доктринерство

Б. Геруа

Творчество есть высшая форма проявления человеческой деятельности в любой области. Оно парит над грудой учебников, научных положений и теорий. Это инстинкт, острое чутье, схватка — в сочетании с энергией, достигающей в минуты творчества точки кипения. Это нечто невесомое, неизмеримое, таинственное, как все то, что относится к области духа, а не материи.

Для людей-творцов наука и извлекаемые из нее знания лишь подспорье. Суворов, этот лучший из профессоров военного искусства, и Наполеон — оба горячо рекомендовали следовать их примеру и изучать историю войн и деяния великих полководцев, т.е. учиться военному делу не только практически, но и теоретически. Но и Суворов и Наполеон были сами независимы от книжных рецептов. Обладая высшим духовным пониманием природы войны, боя и человека, эти люди создавали шедевры, стратегические и тактические, блиставшие совершенной новизной. Выигранные мастерские сражения могут иметь отдаленное сходство между собой, но каждое из них все же стоит особняком. Арколе и Аустерлиц Наполеона, Нови, Рымник и Измаил Суворова не имели себе образцов в прошлом и никогда не были повторены. Отличительная черта мастерского произведения — его неподражаемость. Полководец, который, давая сражение, будет перебирать в уме известные ему шедевры военного искусства в надежде воспроизвести одно из них — потерпит поражение наверно. Это шпаргалист. Результат будет такой же плачевный, как в случае Куропаткина, поехавшего в Маньчжурию воспроизводить кампанию 1812 г. и запасшегося не только троекратным терпением, но и последними исследованиями Харкевича по этой кампании плюс, в придачу, сам их автор в должности ген.-квартирмейстера. Шпаргалка не помогла.

Значение присутствия творческого гения лучше всего видно на примере Петра Великого. Учиться ему систематически было некогда. Ловил знания на ходу — и на большом. Не было времени ему читать и великих полководцев, ему предшествовавших. Известные нам переводные учебники, по которым юный Петр изучал военные науки, были элементарны и неуклюжи даже для той эпохи. Это не помешало ему оставить потомству никогда и никем не превзойденную Полтаву и один из величайших образцов стратегии — кампанию 1700–1709 гг.

Однако творческий гений или даже более доступный человечеству творческий талант встречается не на каждом шагу и не в каждую эпоху. За целое столетие, протекшее после

заката Наполеона под Ватерлоо, ни одна армия не дала генерала, обладавшего свойствами военного гения. Поражающие воображение победы немцев в 1870–71 гг. не были сиянием, окружавшим военный гений отдельного лица, и Мольтке был лишь превосходный механик. Он брал вычислениями и опирался на материю (безусловное, подавляющее превосходство сил). Из всех полководцев после наполеоновской эпохи был только один, в котором бил настоящий пульс свободного творчества: М.Д. Скобелев. Это был художник, равного которому по размаху не подыскать среди имен удачливых европейских и японских генералов нашего времени. Досадно, что Скобелев не дожил до Русско-японской войны и во главе армии оказался не он, а его начальник штаба. Жаль также, что Скобелеву не пришлось попробовать свои силы на западноевропейском поле действий, равно как и то, что Суворову не довелось встретить Бонапарта³⁰.

Из русских генералов к скобелевскому творчеству подходит только Н.Н. Юденич с его художественным боем под Сарыкамышем и не менее мастерской Эрзерумской операцией.

Для человека, полного творческих сил, умственных и волевых, школа является лишь средством. Но для всякого деятеля школа имеет тренирующее значение. Она подвигает его к творчеству, развивая тот строящийся потенциал, который имеется в каждом нормальном и здоровом человеке; из скрытого состояния постепенно превращая его в открытое; давая для него материал и подсказывая средства.

В истории искусств, в которых творчество является началом и концом, отдельные имена стоят недостижимо высоко. Но под ними и вокруг грудятся многочисленные мастера низших степеней, дружно составляя ту или иную «Школу». Военное искусство не составляет исключения. Разница заключается только в том, что оно ответственно и что без него государству жить уверенно нельзя. Народ может обойтись без картинных галерей или организованной музыки, но он должен иметь армию, способную побеждать, т.е. уметь «творить». Способность эта обеспечивается настоящим определенными знаниями и навыками, соответствующих эпохе, свойствам данного народа, и наличием Школы. Если над ней поднимается отдельное лицо — прирожденный Вождь — это счастье народа и страны, посланное свыше. Если нет — Школа должна вытянуть своим дружным артельным усилием. Типичный пример — три наши победы Семилетней войны, в двух случаях против Фридриха

³⁰ Невежество иностранцев в отношении русских полководцев совершенно изумительно. В международном популярном французском альманахе Гашетт Суворову уделено несколько снисходительных строк и сказано, «что это был русский генерал — Суворов — конечно, не лишенный военных дарований, но беззащитный и немилосердный, известный тем, что был разбит Массеной под Цюрихом. Современный английский военный писатель ген. Фуллер в книге, вышедшей в прошлом году («Война и западная цивилизация»), охарактеризовал Скобелева «храбрым нахалом с психологией гренадерского ефрейтора» и приписал ему афоризм Суворова «пуля дура, штык молодец», делая отсюда саркастический вывод об отсталости тактических понятий Скобелева

Великого. Побеждала Школа. Исключительный и художественный Куннерсдорф не столько результат творческого гения Салтыкова, сколько достояние русской боевой Школы. Главнокомандующие менялись, как перчатки, а армия продолжала делать свое дело и успевать. Крепки были начала, заложенные петровской тренировкой. Школа же вытянула нас в единоборстве с другим первоклассным военным мастером в 1812 году. И неудивительно: ведь со времени суворовского похода в Италии и Швейцарии — последних его шедевров — прошло немного больше десятилетия. Не только предание было свежо, но и создавшие его люди еще были частью живы (вспомните аттестацию русской армии, данную Кутузовым по принятии командования). Наполеону следовало это понять после Прейсиш-Эйлау. Но нет: он помнит только Аустерлиц и Фридланд. Раскаяться в ошибках своей памяти ему пришлось в Бородинском бою — этой жемчужине русской Школы. По Бородинскому сражению можно точно установить основные ее свойства в течение всего 18-го века и вплоть до окончания наполеоновских войн. Необыкновенное упорство, находчивость, гибкость боевых строев и порядков, самостоятельность, понимание маневра, взаимная поддержка, стойкость («мало убить, надо повалить») и доблесть, доблесть, доблесть.

Трагедия, когда в хорошо налаженную Школу попадают соринки или когда ей дают заржаветь, как это было у нас перед Крымской войной. Еще большая трагедия, когда сам полководец является попавшей в машину соринкой. Куропаткин, как и Мольтке, поклонялся расчету и материи; но в то время, как Мольтке понимает место того и другого и не мешал армии работать (рожденные Мольтке «директивы»), Куропаткин походил на механика, боящегося шума машины, им же самим пущенной в ход; он косился на рычаги с надписями «стоп» и «задний ход» с занесенной над ними готовой рукой. Много зная, но плохо чувствуя пульс операций и боя, Куропаткин никогда не умел отличить важное от неважного, решающее от вспомогательного. Начали мы, правда, со слабой «Школой», но, пройдя через три урока (Тюренчен, Вафангоу и Дашичао), представляли послушный организм, который мог дать отличную работу. В армии проснулись присущие ей свойства, что она доказала блестяще в боях Ляоянской операции. Превосходен был план Ляоянского сражения: сократив фронт при посредстве укрепленной полосы, ударить нашим левым флангом. Но упорное исполнение до конца оказалось не по плечу полководцу. В результате при первой заминке «ход назад» и один из примеров упущенного случая разбить неприятеля³¹¹. То же повторилось в разных формах на Шахэ, под Сандепу и под Мукденом. В Русско-японской войне нашей Школе не удалось перевесить бездарность старшего руководства.

³¹ Вспомнить только для примера Сарыкамыш Юденича. Там была не заминка налицо, а катастрофа, которую творческая воля полководца обратила в блестящую победу.

Примером схватки двух различных Школ является Первая Марна. Французская Школа была годами воспитана на идее маневра и в страхе перед пассивностью и предвзятыми решениями. Доктрина эта была стройной и связно проведена во всех французских уставах и боевых наставлениях. В сторожевом охранении, например, не меньше половины данных сил оставлялось в резерве в готовности двинуться в нужном направлении указанной жидкой наблюдательной линией передовых постов и застав и дать хороший бой. Охранялись движением и боем, а не пассивной обороной, как это было, скажем, у нас, где полагались на силу передовых позиций и отпихивание пр-ка; а на резервы в охранении смотрели как на поддержки, с печальной ролью таят в боевой линии и затыкать дыры. Характерно, что первое научное исследование о месте маневра в бою и его капитальном значении, с разработкой его техники, вышедшее после семидесятых годов, принадлежало перу французского генерала и начальника франц. военной академии (Фошу).

Германская Школа была насыщена до отказа доктриной охватов и кольцевого окружения (Канны и Седан) и, следовательно, задавалась предвзятой идеей не только одного определенного способа действий, но и мыслью о подавляющем численном превосходстве. Военная игра 1905 года, шедшая под знаменем Шлиффена, только утвердила немцев в правоте их теории: на бумаге все армии французов и русских были, группами и в одиночку, окружены германцами и взяты в плен! Когда задуманное повторение Канн под Парижем, предпринятое с негодными средствами, потерпело крушение, немецкое командование растерялось. «Школа» в лице фон Клука и его армии попробовала подать реплику, но неудачно. Мольтке же, как зачарованный, хватался за воздух, не имея ничего на замену лопнувшего плана. Простая мысль о необходимости решительной перегруппировки для нового маневра не приходила ему в голову, и половина фронта топталась на месте, слушая о том, как погибают лелеянные Канны.

Между тем французское управление, нашколенное на свободном творчестве, на идее движения и не скованное никакой затверделой формулой, в минуту видимой катастрофы находит спасение в перегруппировке и в маневре. В течение всего тяжелого отхода франц. армий от бельгийской границы Жоффер думает только о двух вещах: зацепиться за какой-нибудь естественный рубеж (... Энн, Марна, Сена — все равно!) и, перегруппировав армии и корпуса, образовать сильный кулак для перехода в контратаку. Здесь рука механика была занесена — даже в отчаянной на первый взгляд обстановке — над рычагом «ход вперед», а «не назад». В решительном сражении на Марне в сентябре 1914 г. не Жоффер победил Мольтке, а французская Школа одолела германскую.

Для того чтобы Школа могла рассчитывать на победу, нужно, чтобы, во-первых, принятая доктрина проникла армию сверху донизу, а во-вторых, чтобы она воспитывала

творчество, активность и самодеятельность. Без единства и общего понимания явлений войны нет Школы. Доктрина, засоренная внешностями и тянущаяся к рецептам, т.е. убивающая свободу творчества, не полезная, а вредная доктрина. При ней из-за сучьев не видят лес, как это случилось с прусскими армиями эпохи Иены и Ауэрштета и русскими войсками злополучной памяти Альмы, Инкермана и Черной речки. Поэтому так важен состав и объем доктрины. Нам, русским, нет надобности ходить далеко и за рубеж, чтобы почерпнуть основы, на которых должна быть построена доктрина. Лучшего конспекта, данного Суворовым в его «Науке побеждать», не найти. Как бы усердно мы ни искали в ней узких указаний и шаблонов — их там нет. Есть тактические советы чисто практического свойства для той эпохи, но они направлены всецело на обеспечение главных идей: подчинения воли неприятеля своей активности, взаимной поддержки, маневра, наступления. Так, например, Суворов точно указывает форму движения пехоты в линейном порядке под огнем; но собственно занимает его мысль о том, как обеспечить и ускорить сближение с противником для удара на критических дистанциях.

Та же мысль должна руководить тактиком и теперь. Тогда это была дистанция картечного артиллерийского огня, теперь — картечного пехотного, т.е. пулеметного. Но, говоря в другом месте об атаке колоннами против колонн, Суворов тем самым указывает на присущее форме место «средства», а не цели. Главное, соображай и твори по обстановке!

О том, что общность пониманий и тактического обихода является залогом успеха, Суворов сказал в своей знаменитой фразе: «Каждый воин должен понимать свой маневр». Как может он понимать маневр без знаний, тактического развития и общих понятий? Этот афоризм — в защиту идеи Школы, доктрины; но, конечно, здоровой Школы и свободной, творческой доктрины.

О частном почине и самодеятельности: «Я повелел идти вперед, ты видишь — не иди вперед... Я вправо, должно влево — меня не слушать». Никогда вы не встретите у Суворова тяготения к материальным залогам победы. Он говорит не о принципе превосходства сил, а о принципе уметь бить и с меньшинством. «Воюют не числом, а умением». «Быстрота и внезапность заменяют число».

Не задавался также Суворов поучать чужие народы.

Он считался только с русским характером и с особенностями русского человека. Глубоко изучив эти последние, Суворов не сомневался, например, в изумительной способности русских к обороне. Именно поэтому, а не потому, что он отрицал оборону, Суворов втирал идею «ничего, кроме наступательного». Нужно было воспитанием восполнить то, чего подчас не хватало среднему русскому начальнику и солдату. Того же порядка и знаменитая борьба Суворова о «немогузнайством».

Суворовская «Наука побеждать» является неистощимым источником для размышлений и вдохновения. Она имеет лишь один недостаток: начав цитировать и разбирать огненные и меткие мысли этой несравненной программы для русской Школы военного искусства, теряешься в выборе. Все так важно и все так связано друг с другом. Как Суворов рекомендовал всегда видеть военное дело в его целом, не хватаясь за частности, так и записанная Суворовым его «Школа» неразделима — как заповеди. К сожалению, она долго рассматривалась скорее как курьезный памятник своеобразной манеры Суворова выражаться. Из нее выхватывали отдельные фразы, бившие своей красочностью, и пользовались ими то для «красного словца», то для подкрепления чьей-либо узкой теории. Будучи вырваны из целого, эти цитаты подчас не только не были полезны, но вредны. Лишь целое верно и полно отражало философию и дух суворовской, т.е. русской национальной Школы. Только это целое, во всем его объеме, и должно было сделаться необходимым катехизисом истин, вбиваемых в плоть и в кровь офицера и солдата.

Совершенно очевидно, что суворовская «Наука побеждать» «призывает не к копированию и не к шаблонам, а к непрерывному творчеству. Подойти к этому, — неоднократно подчеркивает Суворов — можно и должно через Школу. «Учись, учись, учись» звучит на каждом шагу. Можно, однако, наверное утверждать, что Александр Васильевич, оказавшись он в нашем веке, поморщился бы при слове «доктрина». Во-первых, от самого понятия отдает кабинетом. Представляется — в карикатуре, конечно, — что можно высидеть ту или иную военную «доктрину», т.е. теорию боевых действий, в мирное время и, зарядившись ею, отправляться воевать. Затем, если эта доктрина провалилась, как это произошло о немцами в 1914 году, то стоит только поискать на книжной полке и выбрать другую, более подходящую теорию. В слове «доктрина» не чувствуется присутствия человеческого материала, жизни, движения, психологии. Слово сухое и узкое.

Если без него не обойтись и оно стало модным, пусть! Но тогда давайте понимать его шире и свободнее — как Школу. Школа — это не только теория: в это понятие входят весь исторический опыт народа, его свойства, самый народ с его достоинствами и недостатками. Военное искусство международно, но оно и национально. Русская «Школа» звучит широко, вместительно и понятно. Русская военная «доктрина» звучит странно, мелко и как-то частно, точно говоря от имени русской военной канцелярии, а не от России.

Кабинетность понятия была причиной появления двух очень неприятных родственников доктрины: доктринерства и доктринера. Хотя Суворов не имел дела со словом «доктрина», но предвидел производное явление и предупреждал против него. Он не хотел, чтобы русские военные уподобились ученикам Аристотеля — «перипатетикам», — которые должны были, гуляя взад и вперед и смотря в пространство, вышивать мысленно

философские узоры вокруг абстрактной темы. Резонерство — эта основа доктринерства — вредно в военном живом деле больше, чем в любом другом. Метафизика, софистика, схоластика — обиход резонера и доктринера. Это их окрестил Суворов «бедными академиками». Не тех, кто уважает знание, имеет вкус к нему и понимает его практическое место.

Загоревшийся у нас незадолго до войны горячий и нередко грубый спор на тему о нужности или ненужности определенного и характерного учения, как вести войну, и особенно бой, легко разрешается Суворовым.

Без Школы не до порога, но Школа нужна здоровая, ведущая к Творчеству, воспитывающая не меньше, чем дающая образование. Страшна не доктрина — раз она свободна, широка и отвечает свойствам народа, — а доктринеры и доктринерство.

(Вестник военных знаний. Сараево. 1933. № 4 (20). С. 5–12)

Русская военная доктрина

*А. Байов*³²

Для успешного выполнения своей важной и ответственной роли на войне армия заблаговременно в мирное время должна быть соответствующим образом подготовлена.

Работа по такой подготовке армии должна согласно с целями подготовки и с современным состоянием военного дела обнимать следующие вопросы:

во-1-х, внушение армии в соответствии с ее душевными потребностями того, что может питать ее стремления, ее волю к борьбе, руководствуясь какими стимулами, во имя чего она должна воевать, считая это своим священным долгом и перенося все тяжести и невзгоды войны, жертвуя для успеха ее решительно всем;

во-2-х, воспитание как отдельного воина, так и всей армии в направлении и в целях развития всего того, что способствует усилению нравственного элемента во всестороннем и исчерпывающем значении этого понятия;

в-3-х, изучение всех материальных, в частности всех современных технических, средств, способствующих ведению войны и правильного, наиболее выгодного использования их в соответствии с их свойствами;

³² См. также: Байов А.К. Несколько мыслей по вопросу о военной доктрине // Военный

в-4-х, установление относительной ценности различных средств с точки зрения употребления их для целей войны;

в-5-х, создание тех условий, при которых все материальные средства могут быть наилучшим образом использованы, и ознакомление с наивыгоднейшими способами применения материальных средств в этих условиях для достижения наибольших результатов на войне;

в-6-х, преподавание и внушение войскам наивыгоднейших способов действий на войне в соответствии с принципами вооруженной борьбы, духовными и физическими свойствами человека вообще и данной национальности в особенности (с психологией ее, с ее моральным бытовым складом, с ее материальным бытовым укладом); с современными средствами вооруженной борьбы, как общими, приспособленными к пользованию ими на войне, так и специально для войны изготовленными, и, наконец, с условиями внешней национальной обстановки (географическими, топографическими, экономическими, культурными и другими данными).

Для более успешной борьбы с затратой наименьшего времени, усилий и жертв живой силы армии «с легким трудом и малой кровью» необходимо, чтобы при всем том была установлена общность языка, общность понимания обстановки, взаимное понимание лиц командного состава всех степеней при различного рода сношениях между собой, единство взглядов на различные явления военного искусства, обеспечивающее единство духа во всех чинах армии и долженствующее привести к тому, чтобы все они не только однообразно думали о том или ином предмете, но чтобы они обладали и единым мышлением, т.е. чтобы процесс мышления, способ мыслить у них был одинаков.

Только при наличии такой системы, такого учения подготовки армии и установления на таких основаниях действий во время войны, другими словами, только при существовании такой военной доктрины, обязательной для всех, она может привести к тому, что все усилия всех будут направлены к одной цели; только тогда между действиями всех будет внутренняя связь, дающая действия и единство настроения, которые в конечном результате и приведут к победе.

Иначе говоря, доктрина должна сплачивать духовно и интеллектуально данную армию в одно целое, думающее, чувствующее и действующее в полной мере единообразно, как один человек, все стремления которого направлены к одной цели, проникнуты одним величайшим напряжением стремлением — победить врага.

Было ли что-либо и когда-либо создано у нас? Была ли у нас когда-либо наша собственная национальная военная доктрина, соответствующая обстановке во всей ее совокупности и духу русского народа?

Несомненно, на эти вопросы должно ответить утвердительно.

Создав 250 лет тому назад регулярную постоянную армию, царь-полководец Великий Петр создал для нее и боевую доктрину.

Это не было стройное учение, систематически изложенное, а ряд указаний воспитательного и боевого значения, данных Петром в разное время, вызванных теми или другими обстоятельствами, но проникнутых общей идеей, имеющих один характер и развиваемых в одном направлении. Указания эти постепенно становились в общем более совершенными по мере того, как сам Петр совершенствовался в военном деле и в военном искусстве.

Создав армию по иностранному образцу, Петр с течением времени все больше и больше отклонялся от этого образца для того, чтобы вести свою армию во всех отношениях все более и более в русском национальном духе.

Русская армия, следуя доктрине Петра В., от Нарвы за 9 лет дошла до Полтавы, а через 21 год приобрела для России Эстляндию, Лифляндию, Ингрию и часть Карелии, утвердила ее на берегах Балтийского моря, создала и укрепила славные боевые традиции, позволившие ей и в будущем одерживать неисчислимые и чрезвычайные победы и обратила, благодаря им слабое Московское царство в сильнейшую Российскую империю, создав благоприятные условия для дальнейшего ее развития на путях славы и могущества.

Многочисленные и общераспространенные труды по различным военным вопросам сделали общеизвестной и бесспорной ту истину, что во второй половине XVIII столетия у нас существовала в. доктрина, созданная, оформленная и распространенная в армии нашим великим полководцем Суворовым. Суворовская доктрина по своим общим основаниям во многом сходна с петровской доктриной, несколько развитой третьим нашим великим полководцем Румянцевым. Это, впрочем, понятно, так как Суворов хорошо знал петровские положения, прекрасно их усвоил, проникся ими, и к тому же он, по его собственным словам, был ученик Румянцева; как Петр и Румянцев, он всецело был охвачен русским национальным духом, был исключительно и безусловно русским, хорошо знал психологию русского человека и, будучи философски образованным, умел управлять им и пользоваться его национальными особенностями.

В то же время, благодаря своим обширным знаниям, начитанности, своему темпераменту, сосредоточенности своего ума, чувств и воли главным образом на военном деле, любви и преданности к нему, своей гениальности в этой области, он расширяет и углубляет петрово-румянцевскую доктрину, придает ей особый характер и своеобразную форму, благодаря которой ученье Суворова, становясь и по существу и по внешности более народным, более национальным, глубже проникает в душу и сердце русского солдата и делает его способным выявить свои физические и моральные силы в наибольшей степени, с наибольшей силой.

Русская армия, воспитанная и обученная по указаниям, наставлениям и требованиям Румянцева и главным образом Суворова, составляющим в совокупности хотя и не вполне систематизированную, но изложенную довольно цельно военную доктрину, которую по справедливости должно называть суворовской, с громадным успехом вела две Турецкие и четыре Польские войны, совершила героический Итальянский и сказочный Швейцарский походы, присоединила к России Крым, множество старых русских земель на западе России, Ногайские и Закубанские области и записала на свои победные знамена имена: Рябой Могилы, Ларги, Кагула, Туртукая, Гирсова, Кинбурна, Фокшан, Измаила, Очакова, Козлуджи, Рымника, Праги Варшавской, Тидоне, Треббий, Нови, С.Готарда, Чертова Моста и мн. др., которые навеки покрыли их славой и оставили потомкам величайшие примеры русского военного искусства.

Таким образом, у нас в XVIII ст., в течение первых ста лет существования регулярной постоянной армии, было создано две военные доктрины, следуя которым русская армия одержала множество побед, создала национальное русское военное искусство, расширила границы своей империи, укрепила и обеспечила существование ее, покрыла бессмертной славой свои знамена, создала величие и могущество России.

Эти две доктрины, созданные благодаря трем гениальным русским полководцам, имеют между собою много общего.

Прежде всего, в них обеих русская армия, составляющая плоть от плоти и кость от кости русского народа, будучи буквально и вполне национальной, призывалась к своему служению во имя идеи, наиболее родной и близкой русскому народу, идеи, в которой он видел смысл и возможность своего существования, которой он был проникнут до мозга костей, быть верным которой он считал указанием свыше, которую он ощущал как нечто бесконечно ценное, как нечто органически связанное с его духовной природой, которая

отвечала душевной его потребности, его национальному сознанию и его национальным ощущениям.

Такой идеей являлась совокупность понятий: православная вера, что отвечало религиозности русского народа в ее мистических настроениях; монарх как олицетворение отечества и родина как нечто от идеи материнства и любовь к ней как чувство сыновности.

Затем обе доктрины выдвигали на первый план духовную сторону. Элементы нравственного, морального порядка в них имели преимущественное значение. Они прежде всего считались с духовной организацией человека, которую и старались развить возможно больше в специальном направлении.

Обе доктрины считали, что человек есть главное орудие, главное средство войны и что чем больше будут развиты органические силы человека и особенно его духовные качества, тем сознательнее и в то же время самоотверженнее и беззаветнее будет действовать он на войне и тем более напряженности в своих усилиях он может дать для достижения тех задач и целей, которые ему будут поставлены во всякой обстановке, создаваемой свойствами природы, различными средствами техники и сознательным противодействием противника.

Воспитанная таким образом, проникнутая чувством долга, сознанием как личного, так и национального достоинства, чувством чести и благородным честолюбием, движимая за веру, царя и отечество, руководимая на основаниях петровской и суворовской доктрин, армия становилась недостижимой в ее боевых достижениях и результаты последних поистине были громадны.

Второстепенное, но достойное их свойствам вообще и качествам в данную эпоху в частности, в обеих доктринах было уделено внимание и место всем материальным данным.

Обе доктрины в полной мере использовали оружие, однако несколько различно в зависимости от эпохи создания каждой из доктрин, установив наилучший способ его действия и создав для него наиболее благоприятные условия для этого действия.

Так, в зависимости от свойств холодного и огнестрельного оружия были установлены соответствующие боевые порядки — линейные при Петре и расчлененные при Суворове; взаимное расположение в них различных, отдельных частей, включая и резерв; указаны расположения, время и способ пользования каждым родом войск в зависимости от их свойств и употребление того или другого оружия. В этом отношении более поздняя (суворовская) доктрина отличалась от более ранней (петровской), что зависело от усовершенствования огнестрельного оружия: при Суворове егеря (стрелки) были уже вооружены нарезными ружьями, а артиллерия тыла снабжена пушками гораздо совершеннее в смысле возможности вести более действительный огонь и маневрировать. При этом обе

доктрины отдавали предпочтение холодному оружию — штыку и сабле, — так как оно является выражением духовного элемента.

В обеих доктринах, учитывая возможность достижения больших результатов, а также психологию русского воина, отдавали предпочтение наступлению и наступательному бою, завершаемому ударом в штыки, и в то же время считали необходимым тщательно его подготовить и вести в наилучших условиях, из которых главные: сохранение за собою свободы действий, предоставление частным начальникам самостоятельности и осуществление взаимной выручки.

Обе доктрины вместе с тем указывали наиболее выгодное направление удара, считая таковым фланги и тыл противника.

Обе доктрины согласно своему назначению устанавливали не только как действовать, но как подготавливать к действиям, т.е. как вести специальное обучение.

Как при Петре, так и при Суворове строго было установлено, что учить в мирное время необходимо только тому, что нужно для войны, и учить не только рассказом, во и показом. Нужно подчеркнуть, что обе доктрины требовали весьма тщательного обучения стрельбе, особенно при Суворове, который меткой стрельбе по определенному для каждого стрелка неприятелю придавал громадное значение. Обучение требовалось вести постепенно, последовательно переходя от простого к сложному, а при Суворове так еще, чтобы из самого хода обучения видна была цель его.

В обеих доктринах были проведены требования относительно офицеров, при этом при Суворове эти требования были многочисленнее, обширнее и сложнее, что вполне соответствовало усложнившейся обстановке. Однако в обеих доктринах требовалось, чтобы офицеры прибегали к личному примеру и всеми средствами заботились бы о солдате, наконец, обе доктрины устанавливали человеколюбивые и добрые отношения к местным жителям тех местностей, где велись военные действия, к просящим пощаду, отдававшимся в плен, женщинам и детям.

Во второе столетие своего существования, в XIX век, русская армия вступила с суворовской доктриной. Однако вследствие смерти самого создателя и вдохновителя доктрины она применялась ни с такою точностью, ни с такою полнотою, ни с тем вдохновением, энергией и проникновенностью, как при Суворове. Очевидно, что и воздействие ее на войска значительно ослабело. Другого Суворова или генерала, хотя бы несколько походившего своим талантом на него, в России в первой половине XIX ст. не проявлялось.

Возможность создать действенную доктрину коллективным путем не осуществлялась как в силу утверждения у нас особой военной системы, заимствованной у иностранцев,

подавляющей личностью как солдата, так и офицера, лишаящей их инициативы, так и вследствие отсутствия общепризнанного военного авторитета, могущего подняться над обыденщиной. К тому же военное искусство за это время во всех его проявлениях сильно осложнилось. Учесть эти осложнения явилось непосильным для начальников, привыкших к механическому и формальному отношению к своему делу и лишенных какой бы то ни было самостоятельности.

Прошлое забывалось, учиться ему, как и вообще, не было желания, так как в этом прошлом не хотели видеть ничего поучительного.

В последующих руководителях военного дела не было героичности или даже простой боевой настроенности, простого боевого азарта: дух времени, явившийся следствием севастопольской эпопеи, настраивал на прививку к армии не специально военных добродетелей, а общегражданских, общеобывательских. Армия, несомненно, стала просвещаться, но дух воинственности, дух военного задора стал идти в ней на убыль.

При таких условиях попытки отдельных лиц воскресить воспитательные и боевые заветы Суворова, очевидно, общепризнанных результатов дать не могли.

И только появление в 70-х годах XIX ст. М.Д. Скобелева, талантливого и даровитого боевого генерала, овеянного суворовским духом, обладающего избранной натурой, культивированной широким образованием вообще и военным в частности, которое было достигнуто преимущественно путем серьезного чтения и самостоятельного изучения всего касающегося военного дела и военного искусства, давало, казалось бы, возможность создания новой русской военной доктрины. Это было тем более возможно, что тогда явились у нас лица, талантливо разрабатывающие на здоровых началах военные вопросы теоретически.

Скобелев в деле подготовки войск и войне и в боевых их действиях выдвигал также требования, какие и Суворов, и, несомненно, в деле выработки национальной военной доктрины они дали бы прекрасные результаты, тем более что Скобелев был глубоко русский человек и в военном деле первенствующее значение придавал духовной стороне, нравственному элементу. В боевых действиях он отдавал предпочтение наступлению и наступательному бою. Притом он отводил большую роль, в зависимости от его усовершенствования, огнестрельному оружию и умело им пользовался, создавая соответствующие боевые порядки. От командного состава и вообще от офицеров Скобелев требовал возможно более широкого военного образования, самостоятельности и самостоятельности, а также личного примера и установления ими в войсках гуманного отношения к пленным, к отказавшимся от борьбы, к женщинам и детям.

Краткость кипучей и благотворной деятельности — он умер на 39-м году от роду — сделали невозможным окончательно выкристаллизоваться его системе, его учению, а последующее время (начало 80-х годов XIX ст.) не благоприятствовало укреплению его взглядов и требований.

Деление России на военные округа заставило во главе их поставить крупных начальников, совершенно самостоятельных в деле подготовки подчиненных им войск.

Каждый из таких начальников округов, считая себя не хуже других, пользуясь по бытовым и дисциплинарным условиям громадным обязательным, хотя и чисто внешним, авторитетом в глазах своих подчиненных, обыкновенно находил, что он все знает и что ему нет надобности следить за развитием военного дела, за современным его состоянием, нет надобности учиться («генералу необходимо непрерывное самообразование себя науками... Нужна непрерывная наука из чтений...» Суворов), а только учить других, и потому создавал свою собственную систему подготовки войск, не считаясь ни с указаниями центра, не всегда должным образом просвещенного, ни с издаваемыми им уставами, наставлениями и указаниями, долженствующими быть обязательными для всех, ни даже с тем, что делается в этом направлении в других округах. Такие условия не способствовали, конечно, созданию единой для всей армии и отвечающей существу вещей доктрины.

При таком разногласии в этом отношении, чтобы заполнить отсутствие своей собственной доктрины, наличие которой требовалось некоторыми вполне сознательно, а другими как бы инстинктивно, стали производиться попытки, и притом с большим усердием, пересадить к нам какую-либо иностранную доктрину, сначала — немецкую, а потом — французскую. Попытки эти были тем более настойчивы, что недостаточное знание прошлого нашего военного искусства и большое неуважение к нему приводили к убеждению, что национальной доктрины не может быть и что мы, русские, не способны и не можем создать какую бы то ни было доктрину.

Однако, как показывает история русского военного искусства, русская военная мысль в силах создать свою национальную доктрину, а русская психология и русская обстановка этому не препятствуют.

Эту русскую доктрину нужно строить, опираясь на опыт прошлого (Петр, Румянцев, Суворов, Скобелев...) и принимая к обязательному учету все новые средства вооруженной борьбы.

В основу такой доктрины должны быть положены следующие общие положения.

1) Доктрина должна быть национальной, выработанной русскими самостоятельно в соответствии с особенностями русского народа, из среды которого образуется русская армия, без подражания каким бы то ни было иностранцам, ни победителям, ни побежденным.

2) Все положения доктрины не должны противоречить каким бы то ни было принципам вооруженной борьбы.

3) Во главу доктрины должны быть положены духовные требования, нравственный, моральный элемент, развивающий духовную сторону как главенствующую на войне. Эта часть доктрины должна быть построена по Суворову, положения которого в этой области остаются и теперь в полной силе.

4) Материальная сторона в виде техники должна быть учтена полностью, но без одностороннего увлечения чем-либо. Огнестрельному оружию должна быть отведена подобающая ему роль в деле подготовки и содействия тем, кому назначено произвести удар, но не должно забывать, что в нанесении решительного удара главная роль принадлежит холодному оружию.

5) Чтобы возможно более усилить как духовную природу, так и материальную сторону армии, необходимо для начальствующих лиц, особенно руководящих, широкое военное развитие и понимание военных явлений, умение научно мыслить в сфере военных идей и действий, знание всех современных технических средств, умение использовать их с наибольшей выгодой для себя и вредом для противника и постоянно следить за движением военной мысли и дальнейшим усовершенствованием техники, т.е. постоянно учиться, как всем офицерам вообще, так и особенно начальствующим лицам до генералов включительно.

6) Главной целью всех действий должна являться живая сила противника, которую нужно искать и уничтожить, что достигается или материальным ее истреблением, или моральным ее подчинением нашей воле.

7) Все свои операции строить, исходя из поставленной себе цели (задачи), а не из парирования стремлений противника.

При всех действиях всегда сохранять за собою свободу действий, для чего господствовать своей волей над противником, а не подчиняться его воле.

8) Способ действий должен состоять главным образом в наступлении в условиях столкновения сдвигающимся навстречу противником, приводящем к наступательному бою в поле. В таком бою все усилия должно направлять преимущественно на фланги противника и стремиться к полному его окружению.

9) При необходимости обратиться к обороне нужно не только отбиваться, но и самому бить, а потому на оборону нужно смотреть как на временный способ действий и при первой возможности переходить в решительное наступление.

10) Операцию и бой надлежит вести в духе их внутренней цельности, в духе единства действий, т.е. чтобы все частные операции вытекали бы из основной идеи общей операции и чтобы все действия, даже самых мелких частей, являлись бы развитием частных операций.

11) Бой необходимо вести с полным духовным и материальным напряжением, крайней энергией, с порывом и настойчивостью. В наступательном бою ни на одну минуту не давать противнику перейти к активным действиям, а в оборонительном бою возможно скорее заставить противника отказаться от активных действий и перейти к обороне.

12) Решительный удар в бою должен быть всемерно подготовлен разрушением материальной силы противника и подавлением его психики в целях довести его до сознания невозможности оказывать сопротивление нашему натиску. Нужно при этом помнить, что лучшим способом подготовки является внезапность.

13) Иметь всегда безопасными свои фланги и тыл, что обеспечивается уступным расположением и вполне достигается лучше и скорее всего успешным боем. Однако заботы о безопасности своих флангов и тыла никоим образом не должны мешать смотреть больше вперед, а не в стороны и назад.

14) Подготовку операций и боя и их исполнение необходимо вести таким образом, чтобы все исполнители участвовали в них вполне сознательно, чтобы «каждый понимал свой маневр» и чтобы каждый в полной мере мог бы проявить инициативу и использовать принцип взаимной выручки, чувство которой должно быть развито в каждом отдельном воине и в целых частях войск в высшей степени.

15) После успешного боя нужно самым энергичным и настойчивым образом преследовать разбитого противника, чтобы добить его окончательно.

16) Нужно прилагать все меры, используя для этого все средства, чтобы во время военных действий, и особенно во время боя, поддерживать между отдельными частями оперирующих войск самую тесную и прочную связь. Это необходимо в целях ориентирования как снизу вверх, так и сверху вниз, для того чтобы старшие могли руководить боевыми действиями, а младшие проявлять разумную инициативу.

17) Только бодрая духом армия может быть сильной, поэтому необходимо всегда и всеми мерами поддерживать ее дух на надлежащей высоте, а для этого, между прочим, необходимо, чтобы армия была вполне обеспечена материально.

18) Войска должны быть деятельны, подвижны, настойчивы, упорны, смелы, все выполнять энергично, быстро, стремительно, однако не опрометчиво и не обдуманно.

19) Позиционная война должна быть допускаема, ибо она представляет собою извращение настоящего военного искусства и не может дать решительных результатов; если же обстоятельства приведут к ней, то всеми мерами нужно стараться обратиться вновь к полевой войне.

20) Начальники, даже самые младшие, должны иметь право и им должно быть вменено в обязанность проявлять в соответствии с обстановкой инициативу. Никто не должен препятствовать им в этом.

21) Поведение армии на войне должно отвечать тем правовым нормам, которые выработаны у нас в последнее время в этом отношении в полном согласии с национальным сознанием и воззрениями.

22) В мирное время армию нужно учить только тому, что необходимо и полезно для войны. При этом при всех занятиях обязательно в круг требуемых знаний вводить постепенно, распределяя занятия в известной последовательности, переходя от простого к более сложному. Кроме того, для большей вразумительности и успешности требуется наглядность всего обучения, чего можно добиться лишь при том, что не только рассказывать, как нужно делать, но и показывать. В общем, при обучении нужны частые повторения, пока обучаемый не усвоит в совершенстве требуемое от него, обращая его в привычку. Нужно помнить, что на войне делают всегда то, к чему привыкли в мирное время, но только гораздо хуже.

Таковы общие положения, на которых должна основываться русская боевая доктрина.

Для практического использования доктрины, построенной на этих общих положениях, необходимо, чтобы каждое из них, выражающее определенную идею, было бы надлежащим образом, в целях установления методов и приемов действия, в зависимости от содержания каждого положения и от свойств и качеств тех духовных или материальных средств, которые, соответственно, могут осуществлять проведение данной идеи в жизнь во всех ее подробностях, должно быть развито так, чтобы придать им конкретные формы.

Так или иначе, но создание боевой доктрины — дело весьма трудное и сложное, особенно для нас, русских, в настоящее время.

Красная армия живет, руководствуясь особыми идеалами и стремлениями, навязанными ей против ее воли элементами, совершенно чуждыми русской национальной стихии. Здесь, за рубежом, раскинутые по государствам всего мира, живет в крайне неблагоприятных условиях небольшая часть русских людей, из которых лишь незначительная группа лиц, так или иначе заинтересованных, может лишь теоретически исследовать те или иные военные вопросы, которые могут служить данными для построения боевой доктрины. Однако, помимо всего прочего, в этой разбросанности русского зарубежья кроется серьезная опасность для создания русской национальной доктрины: оторванные от Родины, лишённые русской армии в обычном для нее облике, разбросанные повсюду лица, интересующиеся различными военными вопросами, не исключая и вопроса о русской боевой доктрине, невольно в военном смысле денационализируются, по большей части они

воспринимают воззрения тех стран, тех государств, в которых они живут, наблюдают армии этих государств, питаются главным образом их военной литературой и воспринимают поэтому их воззрения, их взгляды, их идеалы. Все это, конечно, не может способствовать созданию русской национальной доктрины.

Но она должна быть!

И если ее нельзя создать теперь же совершенно законченной, то нужно готовить ее, нужно собирать тот или другой материал, нужно беречься увлечься иностранными образцами, нужно не переставать быть русским, нужно помнить, каково духовное содержание русского народа, нужно изучать со всех точек зрения деяния Петра, Румянцева, Суворова, Скобелева и многих других, создавших русское военное искусство и давших нам совершеннейшие образцы русской национальной боевой доктрины.

(Вестник военных знаний. Сараево. 1933. № 4 (20). С. 14–25)

Национальная военная доктрина

Б. Штейфон

В кратком изложении невозможно всесторонне осветить столь обширную тему, как русская военная доктрина. Поэтому в своем очерке я умышленно избрал метод конспективного изложения, ибо считаю, что таковой будет формой наиболее удобной для популяризации избранного вопроса.

Современная война настолько сложное понятие, то подготовка к ней и ее успешное ведение возможны только при наличии такого регулирующего фактора, какой надежно может объединить разнообразные функции военного организма. Военная доктрина и является таковым фактором, ибо ее назначение — проводить однородный взгляд как на природу войны и ее главнейший элемент — человека, так и на способы подготовки и ведение войны. Никакое дело не возможно вести на основах крыловской басни «Лебедь, рак и щука».

После Великой войны упрочилось мнение, утверждающее, что содержание военной доктрины должно приспособляться к условиям лишь определенной войны. Такое направление военной мысли является типично рационалистическим подходом к интересующему нас вопросу, а потому согласиться с ним невозможно.

«Данная война» всегда будет явлением в значительной мере неведомым, содержащим много неизвестных, и ее познание достигается лишь в процессе войны. Т.е. тогда, когда уже

поздно переучиваться. Во время Великой войны наблюдалось прискорбное явление: доктрины всех армий изменялись несколько раз в бесплодных стремлениях найти опытным путем безошибочный рецепт побед. Таким образом, сама жизнь опровергла теорию приноравливания доктрины только к данной войне или даже к данному периоду войны.

Эта теория особенно неприменима к содержанию русской военной доктрины. Российская держава граничит с рядом государств, различных по своей общей и военной культуре. Театры военных действий чрезвычайно разнообразны и географически, и этнически, и экономически, и проч. Следуя модной теории, пришлось бы иметь ряд доктрин, приноравливая их к каждому данному случаю, что несомненно привело бы к отсутствию доктрины вообще.

Поэтому содержание русской военной доктрины должно предвидеть не «данную войну», а войну вообще, имея, конечно, в виду сильнейшего из возможных противников и учитывая уровень существующей военной техники. Ибо не следует смешивать плана войны с военной доктриной.

Выше было указано о неприемлемости рационалистических учений при решении вопроса о доктрине. Для последователей материалистической философии война представляется комбинацией факторов материального порядка. Поэтому при изменении последних военный рационализм и рекомендует соответственно менять и содержание доктрины. В действительности война по своей природе является сочетанием двух начал: духовного вечного и материального переменного. При безусловном преобладании духовного начала.

Ввиду изложенного учение о русской в доктрине должно состоять из двух частей: 1) идейно-духовной, а потому неизменной и 2) прикладной, изменяющейся в зависимости от эволюции материальных факторов.

Свою мысль иллюстрирую умышленно банальным примером: авиация и химические достижения создали мощные средства борьбы, существенно изменившие современные формы войны; однако появление этих средств нисколько не изменило духовные свойства человека и основные принципы войны, хотя бы принцип сосредоточения сил...

Часть идейная. Военная наука располагает обширным арсеналом различных военных теорий. Поэтому с точки зрения позитивизма идеологические обоснования доктрины избираются весьма просто. Для этого нужно выбрать лишь полюбившиеся идеи и в соответствии с ними заполнить прикладную часть. Такими методами создавалась французская доктрина перед мировой войной, избравшей своей руководящей формулой «наступление во что бы то ни стало». Начавшаяся война немедленно осудила столь примитивное творчество. Можно было бы привести много аналогичных примеров из

историй всех армий. Все такие примеры убеждают в существовании непреложного закона: военные идеи, вне зависимости от своей отвлеченной качественной ценности, полезны лишь тогда, если их психологическая сущность родственна духовным и волевым устремлениям исполнителей. Если отсутствует подобная гармония, то и лучшие, теоретически безупречные идеи становятся практически бесцельными, а нередко и порочными.

В военных искусствах Фридриха Великого и Суворова мы имеем типичный пример того, как разное осуществлялась одна и та же идея в доктринах этих военных философов. Выученики одной и той же школы, однако каждый по-своему усваивали дух господствовавшей тогда линейной системы. «Коллективизм» Фридриха и «индивидуализм» Суворова были мировоззрениями совершенно противоположными, но в их исполнении равно жизненными. И обратно; та же самая основная идея, победоносная у гениев, дала их механическим последователям Иену и Аустерлиц.

Рационализм, отравивший своим ядом современное военное искусство, органически неспособен усвоить «мудрость величайшего и основного закона: военное искусство национально. Проходя через всю историю человечества, этот закон с особой выразительностью отражается в военном искусстве античного мира.

Создавать русскую в. доктрину методами заимствования, т.е. принимать безоговорочно идеи и формы лишь на основании того, что таковые были удачно использованы другими армиями, — это повторять трагический опыт гатчинской доктрины с ее Севастопольским апофеозом. Всякая армия должна создавать свою индивидуальную военную культуру в соответствии с религиозными, историческими, духовными и бытовыми, т.е. — другими словами — с национальными особенностями своего народа.

Гениальность суворовской доктрины и объясняется тем, что она глубоко национальна. Она насквозь пронизана отражением православной культуры в ее жертвенности. И разве не примечательно различие тех воспитательных импульсов, какие воодушевляли на самопожертвование различные нации в одну и ту же эпоху. В то время как Бонапарт указывал на «40 веков», а Нельсон ограничивался лишь напоминанием о долге, Суворов решал проблему жертвенности в духе исторического русского православия: «Кого из нас убьют — Царство Небесное! Молитесь Богу, от Него победа. Бог нас водит. Он наш Генерал».

Можно заимствовать какие угодно великолепные теории, можно владеть совершенной техникой, но все это дает успех при условии, если «человек» внутренне воспримет и великолепные теории, и совершенную технику. Ведь не случайно, что доктрина Наполеона менее всего усвоена французами. И это понятно, ибо Наполеон, олицетворяя «всемирность», только увлекал французов, но не сливался с ними духовно.

Обладая такой непревзойденной ценностью, как суворовская «Наука побеждать», мы тем самым обладаем и совершеннейшей русской в. доктриной в ее идейной части. Учение Суворова мудро тем, что в нем выдвинуто на первое место духовное начало. В то время, как недавняя Великая война катастрофически снизила «мировую мораль, дав свободу грубо эгоистическим инстинктам, суворовская доктрина культивировала возвышенный тип человека-воина. Заглушая в последнем все низменное, она формировала черты «воина Христова» и тем всемерно гуманизировала войну. Позитивному мышлению, конечно, не понять нравственной красоты и духовной мощи суворовской школы!

В настоящем очерке нет нужды разбирать военно-идеологическую сущность суворовской доктрины. Она общеизвестна и основана на проникновенном понимании вековых законов войны. Она совершенна и неизменна, ибо неизменна природа человека и воина.

Часть прикладная. Если зарубежное военное творчество имеет право и все данные теперь же разработать идейную часть доктрины, то одновременно оно не обладает ни правом, ни данными детализировать прикладную часть. Бесцельно предрешать вопросы практического военного строительства, находясь в изгнании. Современная техника развивается так сказочно, что то, что считалось еще недавно «последним словом», ныне уже устарело. А устарев, существенно изменило прошлые расчеты. В особенности в областях баллистики, авиации и химии.

Отказываясь, однако, от детализации прикладной части доктрины как от занятия явно кабинетного и не имеющего практического значения, мы в то же время обладаем вполне обоснованными данными для суждения о формальных путях будущего армейского строительства.

Идея коммунизма может быть сокрушена только своей антитезой — национализмом. Поэтому, нравится ли это кому или не нравится, но крайнее усиление националистических чувствований после падения коммунизма столь же неизбежно, как весна после зимы. В связи с возрождением духа будет обречен на забвение и комплекс тех гиблых рационалистических идей, какой завел в тупик мировое военное искусство.

Великая война вскрыла тот болезненный кризис, какой уже давно переживает система всеобщей воинской повинности. Эта система полчищ является столь же отжившей, как теория парламентаризма и многие иные догматы демократического катехизиса. Уже теперь можно предвидеть, что тяжелое финансовое положение возрожденной России властно побудит отказаться от организации национальных вооруженных сил применительно к масштабу до Великой войны. Вместе с сим проявившаяся полная несостоятельность материалистической философии, резко направит социальную мысль в сторону

противоположную рационализму. Явится потребность строить жизнь не на принципах равенства, т.е. равенства на худших, а руководствуясь качественным подбором.

И не надо быть пророком, чтобы предвидеть, что в процессе будущего военного строительства стихийно возникнет культ Суворова как величайшего представителя качественного (духовного) начала. Предвестником такой эволюции является тот глубокий интерес к мистике суворовского учения, какой обнаруживает русская эмиграция.

Вынужденная отказаться по соображениям идейным и финансовым от системы полчищ, национальная Россия должна избрать систему «отборных (малых) армий». Распространенный в нашей литературе термин «малая армия» очень неудачный и весьма затемняет истинный смысл этого понятия. Быть может, название «отборная армия» будет более понятно и полно выражать идею «качественных войск». Пользуясь случаем, полезно оговорить, что будущая российская «отборная (малая) армия» мыслится сторонниками этой системы примерно такой же численности, какой была императорская армия мирного времени³³.

В соответствии с отказом от «количества» и переходом к принципу «качества» и будет заполнена прикладная часть русской военной доктрины. Не предпринимая из указанных ранее соображений подробностей этой части, можно все же и теперь указать ее схему.

1) В связи с отказом от всеобщей воинской повинности — увеличение сроков действительной службы, ибо только невежественные доктринеры могут считать существующие краткие сроки службы достаточными для воспитания и обучения современного солдата.

2) Необходимо возможно целесообразнее использовать то лучшее, что окажется в большевистском военном наследстве. А таковым следует считать авиацию, химию и идею конных масс.

3) По своей природе «отборная армия» должна обладать большой маневренной способностью, каковое качество и определять устройство, снабжение и использование всех родов войск.

4) Отказ от увлечения механической тягой. Кроме финансовых соображений будут мешать: а) разнообразие климата, б) печальное послебольшевистское состояние дорожной сети, в) расстройство отечественной промышленности, г) недостаток технического персонала и ряд иных не менее существенных причин.

³³ Интересующихся этим вопросом отсылаю к моим статьям: «Военный рационализм» // Вестник воен. знаний № 2; «Вооруженный народ» // Вестник в. знаний № 7; «Отживающая идея» // Русский колокол — Проф. И.А. Ильина и к другим моим очеркам по этому вопросу.

5) Решительный отказ от демократизации огня и возвращение к его искусству и дисциплине.

6) Отказ от крепостного строительства.

7) Развитие технических войск (связи, железнодорожных).

Заключение. Военная доктрина — это своего рода «военная религия», поэтому ее практическая часть должна соответствовать четко выявленным военным догматам. Последние же создаются не отвлеченным мышлением, а вытекают из глубин национального мировоззрения.

(Вестник военных знаний. Сараево. 1933. № 40 (20). С. 28–33).

О военной доктрине

А. Егоров

Войско и война есть тот специальный орган и та специальная функция, посредством которой одна культура, высшая, побеждает другую, низшую... лучший выживает за счет худшего.

Стронин. История общественности

I

Со смертью Наполеона в истории военного искусства закончился многовековой период формирования тех идей, которые вырабатывались великими полководцами на полях сражений и которые были положены потом последующими поколениями в основу современных нам стратегии и тактики.

В крупных чертах это время можно охарактеризовать преимущественным значением личности полководца, который или лично создавал свою военную систему, как, напр., Аннибал, Фридрих, Цезарь, Наполеон, или пользовался уже готовой, как, напр., Александр, Суворов, — и на ней, как на прочном фундаменте, воздвигал стройное здание стратегических и тактических идей.

Полководец сам творил эти идеи и он же единолично проводил их в жизнь на поле сражения, которое в большинстве случаев по своим незначительным размерам (Канны — 3

версты, Бородино — 5–6 верст) было всегда в поле зрения полководца, благодаря чему полководец имел полную возможность лично влиять в любую минуту на ход сражения. Вследствие этого единство замысла и действий на поле сражения было вполне обеспечено, несмотря на то что армии иногда достигали внушительных размеров (Канны — 50 и 80 тыс., Бородино — 112 и 130 тыс.).

Это время, время великих полководцев, было весьма метко охарактеризовано Ксенофонтом, который, изучая сражения того времени, сказал: «Лучше армия баранов, предводительствуемая львом, чем армия львов, предводительствуемая бараном».

Но со смертью Наполеона мир, а вместе с ним и военное искусство, потеряли последнего льва, а между тем войны продолжались, жизнь шла вперед, развивалось просвещение, техника, промышленность, появились более совершенные орудия истребления, появились железные дороги, телеграф, а через 40 лет после смерти Наполеона Пруссия ввела у себя новый могущественный фактор побед и поражений — всеобщую воинскую повинность.

Армии достигли небывалых размеров. Для управления ими необходимы люди, вооруженные такими же знаниями, как и сам полководец (главнокомандующий), чтобы быть в состоянии действовать в духе высшего командования, в духе единства действий.

Появилась печальная необходимость — необходимость распыления власти главнокомандующего на целый ряд командных инстанций, чтобы управлять огромными армиями, а вместе с этой необходимостью возник вопрос о соответствующей подготовке этого командного состава, чтобы будущее сражение, растянувшееся в пространстве и времени, развивалось бы в стройном порядке согласно замыслу главнокомандующего, а не представляло собою повозку, которую тянут в разные стороны лебедь, рак и щука.

Необходимы были какие-то вехи, идеи, следуя которым командный состав, воспитанный на этих идеях, работал бы на театре военных действий и на поле битвы в духе высшего командования, в духе единства действий.

В поисках этих идей работал целый ряд русских и иностранных военных ученых и в нашу задачу входит рассмотрение того, в какую форму вылились эти идеи в целях достижения единства действий.

Профессор ген. Л.А. Леер считал, что объединяющим началом должна быть общая идея, о значении которой он так писал в 1897 году³⁴: «Общая идея (операционная линия) должна быть главной руководящей нитью, направляющей всю операцию, проникающей все ее частности и связывающей последние в одно внутреннее объединенное целое. Она, как

³⁴ «Безыдейность». Изб. разв. 1897 г.

главный регулятор столь важный, в особенности ныне, инициативы частных начальников, ни на минуту не должна упускаться из виду. Она, как буссоль, служит для ориентирования частных нач-ков среди неизбежной массы случайностей, возникающих в период развития операции, короче, она заменяет для частных нач-ков в решительные минуты отсутствующего главнокомандующего».

Если мы понятие «операц. линия», которая заключает в себе цель и направление, детализируем, то этим регулятором для частных нач-ков в стратегическом и тактическом смысле будет служить решение нач-ка вышестоящего, потому что в этом решении — чего я хочу — будет заключаться и цель и направление, соответствующие полученной частной задаче. Таким образом, целый ряд частных задач, на которые разбивается замысел глав-щего в процессе исполнения или хода операции, объединяется общей идеей.

Очень характерным является то обстоятельство, что проф. Г.А. Леер, звезда первой величины в военном научном мире, говоря об общей идее, нигде и никогда не упоминал о военной доктрине, хотя вопрос о последней уже поднимался в военной печати того времени.

М.И. Драгомиров³⁵ находил, что для единодушия действий необходима военная доктрина, которую он так определяет: «Доктрина — это общность поведения, составляющая результат продолжительного воспитания, дающая единодушные действия. Это воспитание дает плоды только тогда, когда обращает некоторые понятия в бессознательные у всех чинов армии».

Проф. Михневич, не упоминая нигде в своем труде о в. доктрине, по существу, не расходится с М.И. Драгомировым в способах достижения единства действий на войне. В своем труде «Фр.-Пр. война 1870/71 гг.» проф. Михневич по поводу необычайной инициативы, проявленной немецкими нач-ками в этой кампании, писал следующее: «Есть и положительные средства к ослаблению вредной стороны инициативы — это умственная дисциплина в армии. Умственная дисциплина в армии требует существования надежной военной школы. Это надо понимать широко, не в смысле схематизирования деятельности нач-ков по определенным правилам, но необходимо, чтобы в способе решения задач господствовало известное согласование, чтобы известные принципы были введены в плоть и в кровь нач-ков (напр., движение на выстрелы, важное значение боя, внезапность, высочайшее напряжение энергии в решительные минуты и т.п.).

При существовании умственной дисциплины если известная задача на войне и не будет решена всеми офицерами однообразно в деталях, то по существу (в принципе)

³⁵ «Значение воли в жизни народов». 1897 г.

решение будет одно и то же. Добиться этого полного согласования, кроме соответственного воспитания корпуса офицеров, возможно посредством одинакового их образования».

Таким образом, понятие «в. доктрина» за 8 лет до Р.-япон. войны проф. Михневичем определялась как надежная в. школа в армии, которая может дать командному составу умственную дисциплину, которая, в свою очередь, на войне приведет к известной согласованности действий.

Таковы взгляды на существо в. доктрины трех профессоров старой русской школы до Р.-япон. войны.

Эта война оказалась громом из ясного неба, и русская военная мысль с вполне понятным рвением принялась отыскивать виновника наших поражений и побед японцев. И вот вместо того, чтобы посмотреть на вопрос шире и глубже, вместо того, чтобы обратить свое внимание на несовершенство нашей военной системы и вообще всего нашего государственного организма, военная мысль весьма поверхностно решила, что русская армия потерпела поражение потому, что не имела в. доктрины, а японская армия выиграла кампанию потому, что имела в. доктрину, да еще к тому же — немецкую.

Возникшая по поводу в. доктрины полемика того времени приняла довольно резкий характер, и наше верховное руководство запретило всякую полемику по этому вопросу, признав, что если в. доктрина не вредна, то и не полезна.

Почти то же самое произошло и во Франции, где ввиду возникновения полемики по поводу новейших войн и отсутствия твердо установленной доктрины предпочли лучше опубликовать устав от 20 апреля 1914 года, разрешавший все проявления инициативы вместо установления способов боя.

Как же вырисовывалось понятие — в. доктрина — в русской военной мысли после Р.-япон. войны?

Проф. Головин³⁶ в своей статье «Высшая военная школа» в 1911 году, разбирая организацию французской военной школы, писал следующее: «Стажерами поддерживается то, чего, по всеобщему признанию, у нас нет и что является чрезвычайно нужным, — единство доктрины, при этом доктрины не останавливающейся, а доктрины все время развивающейся параллельно с жизнью... Но что же представляет из себя это единство доктрины? Единство доктрины заключается в единстве приемов работы... Оно может быть достигнуто путем воспитания... и... путем применения прикладного метода обучения».

³⁶ Воен. сборник». 1911. Кн. 1.

В 1925 г. проф. Головин так определяет военную доктрину. «...Военная доктрина есть комбинация приемов боевых действий, которая устанавливается верховным руководством вооруженной силы не для войны вообще, а для определенной войны».

Последнее определение понятия «в. доктрина» проф. Головин приводит как вывод из войны 1870/71 гг. и операции немцев в Мазурских озерах против армии Самсонова в 1914 г. К этим историческим химерам мы еще вернемся, а пока, чтобы не нарушать цельности изложения, продолжим наши выписки.

Проф. Елчанинов в разборе «Наш полевой устав» в 1910 г. писал: «Необходимость знаний именно на почве истории в. искусства, и особенно своего родного, — именно и есть та особенная, обнаруженная Р.-яп. войной, кричащая необходимость, которая в связи с хорошим (полевым) уставом и его соблюдением в строгом и стройном порядке и даст нам столь жадно желаемую нами военную доктрину... Но кроме нового полевого устава надо еще очень много. Пересмотра нового устава вне связи с общим устройством войск, с иной постановкой военного образования и прохождения службы и прочими коренными вопросами — я понять не могу».

Проф. Байов³⁷ так смотрит на сущность в. доктрины: «...Учение о войне, или, как говорят, военная боевая доктрина, представляет собою совокупность теоретических учений и практических положений, правил действий, касающихся организации вооруженных сил государства, их боевой подготовки, деятельности их на войне и вообще характера и способов ведения последней, обуславливаемых как современным состоянием военного дела, так и задачами государственной политики в широком смысле слова».

Проф. остраницев, высказывая свои мысли о русском Генеральном штабе, который должен был служить проводником осуществления единства взглядов, затрагивает также и вопрос о в. доктрине³⁸: «Ген. штаб был отдален от войск. Проводя идею активности, решительности и маневра, у нас ограничивали ее лишь уставами и мелкими войсковыми соединениями, не практикуя в этой идее старших нач-ков и крупные войсковые части.

Вследствие этого наш порыв был беспочвен и неумел, дивизии и корпуса медленно ходили на театре в. действий и не умели маневрировать. Однообразного понимания военных явлений и однообразного подхода к ним, т.е. того, что принято называть единством в. доктрины — не было ни в армии, ни в Ген. штабе.

Последний, получив в 1905 году самостоятельное, а затем автономное, значение не успел провести в жизнь армии единства этих взглядов, т.е. единства в. доктрины. Успев разрушить старые, уже отжившие устои, он не успел создать цельного единообразного

³⁷ «Воен. сборник». Кн. 5, стр. 56. Белград.

взгляда на военные явления и сам, в лице своих молодых представителей, раскололся на два лагеря: подражателей французской и немецкой военной мысли».

Таковы взгляды на сущность в. доктрины после Р.-яп. войны четырех профессоров, читавших свои лекции в одно и то же время в Императорской Николаевской Военной академии. Проф. Байов мыслит в. доктрину нераздельно с военной системой всего государственного организма, поэтому определение этого учения вышло широкого, всеохватывающего масштаба. Иначе и быть не может. Чтобы получить хорошие плоды, надо прежде всего хорошую, здоровую почву. В узком смысле в. доктрина мыслится проф. Байовым как единая школа, как единое учение о войне.

У проф. Елчанинова в. доктрина принимает более конкретную форму, именно знание истории в. искусства, и особенно своего родного, в связи с хорошим полевым уставом. В последующем же он сходится во взглядах с проф. Байовым и не мыслит разрешение вопроса о в. доктрине вне связи с военной системой.

Более узкий и практический характер носит в себе определение в. доктрины, данное проф. Головиным на стр. 172³⁹ «Мысли О.У.Б.Р.В.С», как бы независимое от военной системы. И только на странице 184 автором указывается, что единство взгляда нужно не только для ведения войны, оно нужно и для создания вооруженной силы в мирное время».

Таким образом, и проф. Головин признает значение военной системы, но значение как бы второго порядка; на первом месте стоит вопрос о в. доктрине...

II

Таким образом, перед нами прошло несколько определений в. доктрины или претендующих на это определение, и все почти различны между собою.

Это доказывает, что нет единства взглядов даже не самую сущность определения, что такое в. доктрина.

А одинаково называть (определять) — одинаково понимать. И не вправе ли мы заключить, что вопрос о военной доктрине находится еще в стадии исканий, исследований и военная наука разрешить его в настоящее время еще не в состоянии.

И потому глубоко прав проф. Головин, предостерегающий верховное руководство при установлении доктрины: «Ответственность, которую берет на себя в этом случае верховное руководство, очень велика. Если оно ошибется, то заложит начало поражений, а не побед». Но несмотря на сознание этой опасности и на то, что вопрос о доктрине — вопрос

³⁸ Выписка; получена от проф. Баскакова.

отдаленного будущего, проф. Головин все же намечает главные исходные точки, определяет общие абрисы этой доктрины будущей российской вооруженной силы⁴⁰, причем свое определение, что такое военная доктрина, выводит из в.-и. примеров 1870/71 гг. и печальной для нас гибели части армии Самсонова в 1914 г.

Везде он ссылается на поразительное единство взглядов среди немецкого командного состава...

Способы управления войсками в войну 1870/71 гг., применявшиеся Мольтке, ничего не говорят в пользу поразительного единства взглядов и действий среди немецкого командного состава, а указывают на отсутствие этого единства и на полное недоверие, существовавшее между Гл. Кв. (Мольтке) и штабами армий. Мольтке применял старые наполеоновские методы управления, распоряжаясь через головы штабов армий непосредственно к-сами в серьезных случаях, а в менее серьезных посылал своих офицеров для ознакомления с требованиями Гл. Кв. и для наблюдения за исполнением.

Пока происходили трения между Мольтке и штабами армий, в это время прочий командный состав, воспитанный в духе самой широкой инициативы и не боязни ответственности, в большинстве случаев, вопреки намерениям штабов, по собственному почину завязывал сражение, ставя командование перед совершившимся фактом со всеми вытекающими из этого последствиями. Это подтверждают бои у Шпихерна, Верта, Борки, Мар-ла-Тур и др. Последнее сражение — апофеоз инициативы немецких нач-ков. Здесь даже полковые к-ры работали в стратегическом смысле. (Полк. Шеннинг).

Все это подтверждает, что единства взглядов среди командного состава не было, что одержала победу прусская военная система над французской в. системой, несмотря на ряд ошибок, допущенных немецким командованием.

Проф. Г.А. Леер⁴¹, выясняя причины побед и поражения в эту кампанию, совершенно справедливо утверждает на основании изучения военной истории, что все множество причин сводится, в сущности, к двум главным, именно:

1) К благоустроенной армии, понимая армию в самом широком смысле, в смысле всей военной системы, и

2) К талантливому полководцу.

Это две коренные данные, равноважные на войне и дополняющие друг друга.

Но великий полководец — это великая случайность; зато благоустроенная армия подчиняется расчету, и здесь не должно быть импровизации.

³⁹ «Военный сборник». Кн. VI.

⁴⁰ «М.О.У.Б.Р.В.С.» Воен. сб. Кн. VI. С. 183. Белград.

⁴¹ Война 1870/71 гг. Т. VII. Изд. 1871 г.

Это именно обстоятельство, что гениальный полководец есть случайность и что обязанность каждого правительства заключается в возможном устранении всякого рода случайностей в решении важных вопросов, далее, что полководец и армия взаимно дополняют друг друга, — осязательнее всего было понятно и искусно приложено к жизни прусскими государственными людьми в создании ими военной системы, главной виновницы всех успехов в войну 1870/71 гг.

Но выработать рациональную в. систему — вопрос, затрагивающий интересы всех и каждого в государстве, затем перелить в ее жизнь и сроднить ее с жизнью целого госуд. организма, на это нужно много времени. Прусская в. система была проведена в жизнь через два поколения.

У пруссаков не было искусства Наполеона, но их творчество имело громадную поддержку в превосходной в. системе, которая основана на предположении отсутствия великого полководца.

Эта система дала прежде всего своему полководцу более чем двойное превосходство в силах над французской армией⁴², а это уже дает командному составу уверенность в своих действиях и небоязнь ошибок; военная система воспитала командный состав в духе самой широкой инициативы и небоязни ответственности, а наоборот, боязнь осуждения за бездеятельность, в духе взаимной выручки — «сам погибай, а товарища выручай»; с началом боя — все спешило на выстрелы, — нужно это было или нет, соответствовало это обстановке или нет.

Война 1870/71 гг., прообраз будущей войны, показала, как трудно координировать действия армий и частей армии, даже имея налицо достаточные технические средства связи и в достаточной мере подготовленный командный состав, если этот командный состав проникнут чрезвычайным духом порыва и самодеятельности, но в то же время какую могущественную поддержку черпает полководец в осуществлении своих стратегических замыслов именно в этом порыве и самодеятельности.

Официальное немецкое описание этой войны осудило случаи неразумной инициативы нем. нач-ков, но в то же время признало, что, не будь проявлено такой инициативы, быть

⁴² При 31-мил. населении Северо-Герм. Союза против 38-мил. населен. Франции 1870 г. Пруссия выставила 944.000 армию против 400.000 фр. армии, причем армию по общеобяз. воин повинн., т.е. из лучшего элемента страны, а не пролетариев и наемников фр. армии. В прусской армии 92% офицеров с одинаковым воен. образов., у франц. только 30% и т.д.

может, и война закончилась бы иначе. И потому, вместо того чтобы устанавливать способы действий, немецкое командование осталось при прежних своих взглядах на роль инициативы на войне.

Из минувшей мировой войны проф. Н.Н. Головин как основу для своих выводов взял только один эпизод — несчастный случай со II армией Самсонова. Совершенно справедливо проф. А.К. Байов пишет⁴³: «Выводы весьма часто делаются на основании частных случаев, и притом не обращая внимания на особенности условий, в которых происходили эти случаи».

С этой точки зрения даже выводы из опыта какого-либо одного района театра войны или даже целого фронта не могут быть признаны справедливыми для выработки новых общих способов действий...»

«...и это потому, что такой результат, будучи следствием частного случая в боевых действиях, является в значительной части случайным и потому для этой цели недостаточным, ибо доктрина должна обнимать все возможные случаи».

Вполне соглашаясь с вышеизложенными мыслями, я все же считаю необходимым на исторические факты ответить историческими же фактами, чтобы показать, что и в мировую войну у немцев не было «поразительного единства взглядов».

Напр., в «Заключении» из пограничных боев на западе в официальной Герм. истории всемир. войн сказано:

1) К проведению программы, разработанной гр. Шлиффеном в памятной записке 1905 г., не было выполнено Мольтке, и Германия лишилась в первый год войны около 600.000 чел. При выполнении плана Шлиффена война на западе была бы окончена в течение 4–5 недель.

2) Шлиффен предусматривал решение кампании на своем правом фланге, Мольтке осуществил эту мысль лишь условно.

Таким образом, единства мысли и действий не было даже в таком первостепенной важности вопросе, как стратегическое развертывание армии.

3) Важнейшим условием успеха действий на Марне было установление согласия между тремя командующими армиями... тем не менее, обмена мнений не произошло в дни, предшествовавшие решению... Исключительно со стороны I армии делались попытки установить согласие в оперативных взглядах, но именно здесь явственно выступила противоположность взглядов в понимании обстановки... Бюлов тянет к себе Клука, Крук смотрит шире, считая своею задачей охват непр. левого фланга вместе с англичанами.

⁴³ Стр. 46. «Неск. мыслей по вопр. о в. доктрине». В. сб. № 5. О.Р.В.З.

4) Ген. Гаузену (III арм.) Ставкой приказано наступать на участке Маас-Намюр-Живе, а Бюлов тянет его к себе для тесного взаимодействия — и охват 5-й франц. армии не удался.

5) Уже 27 августа Ставка так ясно смотрела на положение, что задержанием корпусов, отправляемых на Русский фронт в VIII армию, можно было бы легко устранить будущее несчастье или чудо на Марне, но Мольтке все же не отменил своего приказа. Отправка корпусов оказалась «ошибкой», на которую расплатились на Марне, писал Мольтке летом 1915 г.

Этими примерами не исчерпывается все «Заключение», но из вышеприведенных примеров видно, что единства доктрины на Западном фронте не было. Само собою разумеется, что таковой не могло быть и на Русском фронте.

1) Первые пограничные бои в В. Пруссии, у Сталюпенена⁴⁴ произошли по желанию ген. Франсуа (к-ра I арм. к-са, вопреки намерениям ком. VIII армией, о чем отмечено в немецком официальном описании войны. Корпусу Франсуа было нанесено нашими частями чувствительное поражение.

2) Операция против армии Самсонова для немцев прошла благополучно и с видимым единством действий лишь благодаря тому, что командованию VIII нем. армии (Гинденбург и Людендорф) было точно известно из перехватываемых русских радиogramм о предположении русского командования, что подтверждается и в немецком описании войны кн. 2, «Weltkrieg». Кроме того, Дюпон⁴⁵ утверждает, что Людендорфу ежедневно к вечеру докладывались распоряжения по нашим армиям.

При таких условиях, конечно, можно было задаваться какими угодно маневрами, и единство действий все равно было бы обеспечено даже при наличии самых бесталанных к-ров к-сов.

Но даже если бы этой осведомленности у немцев не было, им легко было произвести свой маневр против армии Самсонова, потому что этот маневр предусматривался еще в мирное время.

В.М. Драгомиров в своей статье «Первые воен. опер. русс. армии в В. Пруссии в 1914 г.» пишет следующее:

«Подобное наступление II армии, по условиям общей обстановки, всегда было рискованным, что наглядно иллюстрировалось данными германских военных игр, имевшихся в распоряжении русского Ген. штаба».

⁴⁴ «Weltkrieg» кн. II. Изд. Reichsarchiva.

⁴⁵ «Информ. еженед.» № 70.

Ю. Плющик-Плющевский⁴⁶ пишет: «Немцам, значительно уступающим нам в силах, удалось именно то, что предусматривалось еще в 1911 году штабом Варшавского в. окр., т.е. наладить маневр так, чтобы иметь возможность бить нас по частям».

Ген. Самсонов об этом уже предупреждал Ставку и штаб фронта, когда его торопили вторгнуться в В. Пруссию, причем указывал, что немцы начнут с его армии.

Допустим даже, что не существовало ни одного из указанных обстоятельств, облегчавших принятие однообразных решений, но и тогда при взглядах на карту В. Пруссии, на конфигурацию линий и групп озер, схему ж.-д. линий, наличия кр. Летцен и прочее для человека грамотного в военном деле могло прийти в голову именно то решение, которое осуществлено было на деле командованием 8 нем. армии.

Неудивительно, что в «Grundzuge der höheren Gruppenführung», розданной лично кайзером 1 янв. 1910 г. корпусным к-рам, о стратегии прямо сказано, что это дело здравого смысла.

Из вышеизложенного видно, что на Русском фронте у немцев не было единства действий.

В мировую войну у немцев также не оказалось великого полководца, как и в кампанию 1870/71 гг. не оказалось даже лиц, которые могли бы в полной мере использовать свою военную систему, т.е. выполнить, в частности, заветы своего учителя гр. Шлиффена, но все же, несмотря на ошибки многих отдельных лиц, Германия выдержала 4-летнюю упорную борьбу со всем миром, но не благодаря «военной доктрине», а благодаря военной системе, основанной на государственном прочном порядке, воспитавшем поколения немцев в горячей любви к отечеству и династии, любви, заставлявшей забывать перед лицом грозной опасности все разногласия между различными политическими партиями.

Все, что нужно для победы: мощное современное вооружение, волю к победе, самостоятельность, почин, небоязнь ответственности, а, наоборот, боязнь осуждения за бездеятельность, решительность, дерзость, знания — все это может дать только здоровая в. система, основанная на здоровом государственном организме.

Надо всегда помнить, что основная причина успехов и неудач на войне коренится не только в искусном вождении войск на театре войны и на поле сражения, но и во всей военной системе государства, которая, в свою очередь, служит отражением внутреннего политического его строя.

Армии, которые были разбиты, еще до поля сражения были разбиты, т.к. несли поражение в себе.

⁴⁶ То же № 65.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать:

1) Единства взглядов на сущность в. доктрины в научной мысли пока еще не существует. Это вопрос будущего.

2) Из исторических примеров, приведенных франц. службы полк. Люкасом для доказательства сущности в. доктрины, видно, что военная мысль на Западном фронте нервно блуждала в поисках правильного и быстрого разрешения боевых задач и в процессе этих поисков во имя единства действий самым основательным образом сковывала инициативу частных нач-ков, т.е. то, что должно составлять неперемнное условие ведения современной войны.

3) Во всей широте и глубине выявляется значение военной системы, в особенности в применении к подготовке командного состава.

4) В отношении будущей российской вооруженной силы последний вопрос является наиболее существенным, т.к. комплектование командного состава и назначение на должности к-ров полков и выше в Императорской Российской армии не было надлежащим и устойчивым, что было результатом несовершенства нашей военной системы...

III

Из предыдущей моей статьи «О военной доктрине»⁴⁷ видно, что единого понимания сущности в. доктрины не было.

Кроме того, одни находили, что единая в. доктрина нам необходима, другие, наоборот, отрицали необходимость ее, третьи просто заявляли, что нельзя учить тому, чего сами не понимают. Доказывают даже, что единой в. доктрины как основного начала для воспитания и обучения войск нет и не может быть⁴⁸. Г. Зайончковский, например, писал в «Русском инвалиде»⁴⁹: «Какими бы фразами ни окружать вопрос об единой в. доктрине, он не может не вылиться ни во что иное, как пагубные рецепты, так как, даваемые вне времени, пространства и обстановки, они ничем другим быть не могут. Я хотел бы попросить поборников единой в. доктрины привести мне хоть один пример в области живого искусства, в котором единая в. доктрина помогла бы расцвету этого искусства, а не вводила бы рамки посредственной бездарности».

⁴⁷ См. № 18 «Вест. в. знаний».

⁴⁸ «Разведчик» 1911, № 1053 «Своя тактика и тактика чужая».

⁴⁹ «Единство в.д.» «Разведчик» № 1105.

Но каковы бы ни были взгляды на существо в. доктрины — все же мы видим, что при всем разнообразии их красной нитью проходит одна и та же мысль, именно — необходимость достижения на войне командным составом единства действий.

Если даже Наполеону приходилось трудно при вождении своей армии осуществить необходимое ему единство действий, то неизмерно труднее достигнуть этого при нынешних условиях, с миллионными армиями, когда вместо единоличной власти полководца, распоряжающегося непосредственно корпусами и дивизиями, выступает на сцену главнокомандующий, имеющий непосредственные сношения с командующими фронтами (группами армий), а эти последние с командующими армиями и т.д. и все это на огромных пространствах.

Согласовать действия таких армий и достигнуть единства действий вплоть до дивизий составляет, поистине, колоссальную работу, требующую лиц просвещенных в военном отношении и объединенных единой руководящей мыслью или единой военной доктриной.

Это не только на театре военных действий.

Вся военная система данного государства должна быть проникнута единой мыслью, составляя ту основу, на которой должна быть создана военная доктрина.

Потому что на нездоровой почве военной системы не может вырасти единая в. доктрина. Доказательством этому утверждению может служить отсутствие единой в. доктрины в русской армии как перед Р.-японской, так и перед мировой войнами.

Ввиду такой тесной связи между в. доктриной и военной системой следовало бы для полноты обсуждения вопроса анализировать всю систему российской армии, но, само собою разумеется, что такого масштаба работа не может быть выполнена одним человеком, находящимся в современных условиях, и потому мы ограничиваемся рассмотрением в самых кратких чертах лишь одной, но очень существенной части военной системы, а именно — порядка комплектования командного состава армии перед мировой войной: это тем более необходимо, что командный состав представляет ту среду и создает те условия, при которых является возможность или невозможность возникновения единства взглядов.

Командный состав, как известно, пополнялся у нас лицами, прошедшими через кадетские корпуса и военные училища, через юнкерские училища и военную академию.

Кадетские корпуса, существовавшие для нужд единой по духу и однородной по составу армии, делились у нас на особые разряды: столичные и провинциальные, на аристократические и неаристократические. Уже внешность таких корпусов подчеркивала их

разобщенность, а по существу у них существовал разный режим, разные воспитательные методы, разные учебные системы и даже разные программы⁵⁰.

В аристократическом корпусе — снисходительные требования, мягкость отношений; обращалось больше внимания на воспитание; в других корпусах — казарменный режим, суровые требования.

Общим недостатком корпусов было то, что в эти учебные заведения часто попадали дети, у которых не было никакой склонности к военной службе, а это происходило вследствие того, что в корпуса определялись дети или по семейным традициям, или дети тех родителей, которые, часто помимо своего желания, должны были отдавать на воспитание в корпуса своих детей, не имея возможности воспитывать их в других учебных заведениях.

Это обстоятельство предопределяло судьбу ребенка и волей или неволей ему приходилось продолжать свою карьеру на военной службе, если бы даже в более зрелом возрасте он уже не чувствовал к ней влечения.

Но большим злом было то, что корпусный режим не способствовал развитию индивидуальности, свободной мысли и духа и связанной с ними инициативы, т.е. всех тех качеств, которые являются наиболее ценными в будущем командном составе. «Как лошадь, которую долго держали в темной конюшне, начинает слепнуть и пугаться каждого куста, так точно и наше военное юношество, тщательно опекаемое в корпусах и оберегаемое от всякой самостоятельности, становится таким неустойчивым в жизни, со слабо развитой инициативой»⁵¹.

Таким образом, уже с юных лет среди большей части нашего командного состава подавлялись те нравственные качества, которые должны играть главную роль как в мирное время при образовании и воспитании войск, так и в военное время при вождении их на театре в. действий. Кроме того, разные режимы и методы, существовавшие в корпусах, не способствовали выработке единодушия и товарищества, необходимых для осуществления единства взглядов.

Могло ли быть иначе? Шел ли в кадетские корпуса воспитателями лучший элемент нашего офицерства и если шел, то делал ли он это по призванию? Ничуть. Напр., циркуляром по В.В.⁵² было дано указание не принимать в кад. к-сах воспитателями офицеров не дворян. Это уже одно уменьшало качество офицеров для отбора лучшего элемента для столь ответственной роли, как воспитатель юношества. И шли на эти должности офицеры главным образом ради личных выгод, сопряженных с положением воспитателя, как то:

⁵⁰ «Военная школа и семья» В. Ге. «Разведчик». 1914. № 1228.

⁵¹ «Инициатива в кад. к-сах». Дульцев. «Разведчик». 1911. № 1053.

⁵² «Разведчик». № 1122.

ускоренное производство в подполковники и переход в строй, обгоняя своих товарищей по выпуску из училища и даже выше.

Попасть в корпус воспитателем было нелегко. Были большие очереди. Но что произошло потом, когда увеличили содержание строевым офицерам? Произошло то, что и следовало ожидать, когда воспитателями идут лица не по призванию, а ради личных выгод. Наплыв офицеров воспитателями в к. к-са сразу прекратился, и в печати начали бить тревогу: «Военно-учебные заведения переживают глубокий кризис со времени увеличения содержания строевым»⁵³.

Мог ли такой состав воспитателей повлиять благотворно на воспитание кадет в духе инициативы, самостоятельности, бескорыстия и товарищества?

Военные училища также не способствовали выработке в среде будущих офицеров единства взглядов и той спайки, которая должна была бы быть между офицерами всех родов войск.

Как и кад. корпуса, военные училища также разделялись на привилегированные и непривилегированные. Напр., в Николаевское кавал., Павловское и Александровское военные училища принимались лица, пользовавшиеся правом на поступление в кад. к-са, но и то не во все. Из этого числа были исключены кад. к-са: Николаевский, Омский, Донской, 2-й Оренбургский и Хабаровский. И только в 1913 г. приказом по В.В. № 140 статья 692 Св. В.П. 1869 была изменена и было разрешено поступать в вышеупомянутые училища лицам всех сословий. Но для комплектования нашего командного состава это разрешение уже накануне войны не имело значения по вполне понятным причинам.

Но кроме военных училищ был еще суррогат их: окружные юнкерские училища, переформированные в 1902 г. в 3 классные военные училища.

Помимо различного режима и воспитания, применявшихся в училищах, большим недостатком было то, что они не были объединены единой образовательной программой.

Я уже не говорю об окружных юнкерских училищах, куда поступали молодые люди, получившие аттестаты за 4 класса гимназии, но, даже будучи переформированы в 3 классные в. училища, не давали образования законченного среднего⁵⁴.

Даже преподавание тактики не было поставлено одинаково.

«Занимаясь в конце минувшего столетия преподаванием тактики в училищах⁵⁵, я пришел к заключению, что это преподавание поставлено неудовлетворительно: не существовало соответственных программ курсов, учебников, системы. Все это происходило

⁵³ «Разведчик» № 1125 и 1188, 1912 и 1913 гг.

⁵⁴ Разъяснения по В.В. «Разведчик» № 1123, 1912 г.

⁵⁵ Дружинин «Разведчик» № 1198, 1913 г.

главным образом потому, что преподавателями являлись лица случайные, ради гонорара. Преподавание для них было делом второстепенным. Главное — служба. В результате каждый преподаватель тактики мог делать с юнкерами все, что ему вздумывалось: один готовил из них стратегов и не обращал внимания на усвоение собственно тактических познаний; другой требовал зубрения тактического катехизиса, часто им самим выдуманного; третий не любил тактических занятий. К тому же при полной неопределенности в постановке курсов тактики, как в стенах нашей Академии Ген. штаба, при схоластическом направлении всей нашей высшей военной школы, конечно, случайные преподаватели тактики в в. училищах не были в состоянии выработать какую-либо систему преподавания, а тем менее и соответствующие программы курсов и удовлетворительные учебники».

Только в 1913 г.⁵⁶ были приняты меры для придания делу преподавания тактики в училищах более устойчивые формы. Разрешено было прикомандировывать к в. училищам офицеров Ген. штаба «в неограниченном количестве» на 4 года.

Из вышеизложенного видно, что единства школы и воспитания в русской армии не существовало.

А разница в образовании и воспитании вела к тому, что на пехоту, которая пополнялась главным образом полуобразованным контингентом, не только другие роды войск смотрели свысока, но даже среди пехотных офицеров, прошедших через разные училища, существовала рознь и отчужденность, что не могло содействовать развитию товарищества среди офицеров, так необходимого для выработки единства взглядов.

В германской армии уже давно поняли, что для творчества и для таланта необходима твердая почва в виде хорошего образования, которое служит единственным средством для формирования кадра начальников со средними способностями. Поэтому она и отличалась своим однородным офицерским составом. Напр., уже в войну 1870/71 гг. в германской армии было 95% офицеров с одинаковым военным образованием⁵⁷. «Наиболее строгие и однообразные требования предъявлялись в германской армии ко всем кандидатам на производство в офицеры, где им ставится в условие окончание курса гимназии, а затем военной школы»⁵⁸.

Французская армия в этом отношении занимала среднее место между германской и нашей армией. Напр., в 1870/71 гг. с законченным средним образованием во французской армии было 30% офицеров, в 1888 — 50% и перед мировой войной 57%.

⁵⁶ Приказ по В.В. № 641.

⁵⁷ Леер. «Война 1870/71 гг.»

⁵⁸ Леер. «Энцикл. в. морск. наук», стр. 527.

Чем однороднее первоначальная подготовка офицеров, тем легче применение мер к дальнейшему образованию их и подготовке к занятию высших должностей, а вместе с тем легче осуществление единства взглядов.

Военная академия. До 1871 г. офицеров, желающих получить высшее военное образование, было немного, так как строевые ком-ды находили, что практика лучше. Поэтому пришлось прибегать к вербовочным приемам, чтобы приманить в Академию слушателей⁵⁹. Но затем имена таких профессоров, как Леер, Драгомиров, Михневич и др., а вместе с тем и увеличение числа образованных офицеров в армии и выработанные преимущества по службе привели к тому, что число офицеров, желающих поступить в Академию, часто превышало в 8–10 раз число вакансий в Академии. Казалось бы, выбор мог бы быть сделан исключительный. Но и тут не было единства школы.

В то время как во все другие академии от поступающих офицеров требовалось окончание военного училища с законченным средним образованием, в Академию Ген. штаба, именно в ту академию, которая играет самую крупную и важную роль в жизни и деятельности армии, разрешался также прием офицеров, прошедших лишь окружное юнкерское или трехклассное военное училище, т.е. принимались офицеры без законченного среднего образования. А путь, которым пришли к известному образованию, чрезвычайно важен для выработки мышления. «В каждом деле важно знание, знание сознательное и цельное; но есть еще кое-что важнее самого знания, это метод, путь, которым приобретено это знание, способствующий в большей или меньшей степени умственному развитию учащихся», — говорит Леер, не расходясь с Огюстом Конттом, который также утверждал, что метод важнее самого учения.

Таким образом, уже с времени поступления в академию среди слушателей-офицеров находились лица, прошедшие систематическую школу и не прошедшие таковую, лица, владевшие иностранными языками и не владевшие ими, все это уже с самого начала вносило разногласие во взглядах и поступках, потому что единства школы не было.

Академия была также бессильна в течение 2 1/2 лет внедрить в среду слушателей-офицеров единство мысли, единство доктрины, основанное на живом изучении военного искусства, на развитии самостоятельного мышления и инициативы.

Уже Милютин, который бесконтрольно и властно распоряжался десятки лет вооруженными силами России, положил основание ужасному схоластическому направлению нашей высшей военной школы, которое чувствовалось и после Р.-японской войны⁶⁰.

⁵⁹ В. Сухомлинов. «Воспоминания», стр. 52.

⁶⁰ К. Дружинин. «Разведчик», № 1153, 1912 г.

Кроме того, среди слушателей далеко не поощрялись попытки к самостоятельному мышлению. В 1900-х годах было много примеров, свидетельствовавших, что проявление самостоятельных взглядов даже в научных исследованиях было опасно для исследователя. Обычно слушатели дополнительного курса старались узнать, какого взгляда держатся оппоненты по разбираемому вопросу, и в соответственном духе разбирали тему. Многие «ловкие» выстаивали часами на лестнице перед профессорской с единственной целью понизже отвесить поклон и попасться на глаз профессору. И что удивительно: их замечали и отмечали.

Дальнейшая служба также не содействовала расширению волевых импульсов, а содействовала образованию приверженцев шаблонов с готовой фразой: «Чего изволите»⁶¹, или, я бы сказал, офицеров с единой военной доктриной данного начальника, в подчинении которого он служит.

Такова была общеобразовательная и военная подготовка будущего высшего командного состава русской армии, от которого зависит, по словам Леера, судьба будущих сражений.

Из вышеизложенного видно, что для единой по духу русской армии готовился командный состав с далеко не одинаковым образованием, т.е. не было единства доктрины в самой основе подготовки...

Армия также не была той школой, где будущий высший командный состав мог быть воспитан в духе единой военной доктрины.

После войны 1904–05 гг. было сформировано Главное управление Ген. штаба, т.е. специальный орган для подготовки армии к войне. Но за 8 лет существования Г.У.Г. штаба сменилось 6 нач. Ген. штаба⁶². Очевидно, что при такой частой смене не могло быть единой руководящей мысли в проведении единой в. доктрины в армии.

Отсутствие единого руководства, нанесшее непоправимый вред армии, усилилось еще более тогда, когда были назначены разного рода инспекторы, работавшие каждый в своей области, не будучи регулируемы свыше.

Каждый командующий войсками в своем округе был полновластным хозяином и проводил свои взгляды на воспитание и обучение войск, вследствие чего получалось разнообразие чрезвычайное. Но что было общим явлением в армии, независимо от того, какой это был военный округ, это доктрина: «Если роты будут хороши, то и полки будут хороши». То есть доктрина совершенно ложная и чрезвычайно вредная и опасная и противоположная тому, чему учили Румянцев и Леер.

⁶¹ П. Черкасов. «Прохождение службы Ген. штаба» («Разведчик», № 1127, 1912 г.).

И вот, проводя в жизнь вышеуказанную доктрину, весь высший ком. состав нашей армии начиная с нач-ков дивизий и выше неуклонно и настойчиво проводил обучение рот, эскадронов и батарей. И действительно, эти части работали на войне хорошо, но вырвать победу у пр-ка не могли, т.е. высший командный состав увлекаясь подготовкой вышеуказанных частей, совершенно забыл о собственной подготовке к современной войне.

В своем заключении о действиях 4-й армии Белой пишет⁶³: «В общем, корпуса 4-й армии, собранные из трех различных округов, выказали в первых боях неумение вести операции крупного масштаба, требующие широкого кругозора командного состава и умения быстро разбираться в сложной обстановке». Но это было и в других армиях; мы все это хорошо знаем. А между тем мы имели богатейший опыт войны 1904/05 гг. Опыт, который подчеркнул все несовершенства нашей военной системы. В своем труде «Итоги войны» Куропаткин пишет на стр. 302: «Главными свойствами нашего высшего командного состава было отсутствие инициативы, неумение вести наступательный бой, недостаток настойчивости и равнодушие к соседу.

Но почему же это было?

Ответом на это может служить утверждение Мартынова, который в своем труде «Воспоминания о Р.-яп. войне» на стр. 235 пишет следующее: «Кого только не перебывало во главе больших войсковых соединений! Были и военные инженеры, которые, по выражению М.И. Драгомирова, до конца служебной карьеры не могли “рассапнуться”, были и генералы из управления имениями, были и лица более известные миру изящных искусств, чем армии, мечту которых о белом генерале разбила ужасная действительность. Были и получившие образование дома, а воспитание на службе, нашел приют на ком. должности и генерал, который своими преступными распоряжениями привел в расстройство прекрасные войска. Словом, в большинстве на ком. должностях были люди случайные, которым чуждо было вести современную войну».

И вот, имея такой богатейший опыт, изменили ли нашу военную систему, чтобы в будущем подобные явления не повторялись. Ничуть! Можно насчитать сотни таких примеров из мировой войны, которые нисколько не уступят примерам из Р.-яп. войны. Но я их приводить не буду; это и не нужно. Я приведу некоторые цифровые данные, не затрагивающие отдельные личности, но обрисовывающие систему во всей ее полноте.

Ниже мы увидим, что после Р.-яп. войны все осталось почти по-старому. Вот список старших полковников 1913 г.⁶⁴:

⁶² В. Драгомиров. «Подготовка рус. армии к В. войне». В. сборн. Кн. 4, 1925 г.

⁶³ Белой. «Галиц. битва».

⁶⁴ «Разведчик» № 1237, 1914 г.

Бывших гвардейцев 17% — 57 чел.
Генер. штаба 30% — 96 чел.
Стрелковые армейцы 34% — 108 чел.
Остальные 19% — 62 чел.

«Остальные» — это бывшие воспитатели, офицеры училищ, адъютанты окружн. штабов, делопроизводители, столоначальники, правители канцелярий, бывший пристав, уездный начальник и вице-губернатор, т.е. люди почти оторванные от строя и по своим благоприобретенным навыкам едва ли могущие внести в армию необходимое единство действий.

В 1914 году было произведено в полковники 125 чел.⁶⁵ По образованию они разделялись на след. разряды: А. Общее образование: 1) Домашнее — 17,6%; 2) Низшее — 28% (слабое общ. обр. более 45%); 3) Среднее (кад. к-с) — 33,6%, гражд. уч. зав. — 20,8%. Б. Военное образование: 1) Военные училища — 38,4%; 2) Юнкерск. училища — 61,6%.

Едва ли можно говорить о возможности единства взглядов при таком разнообразном образовании.

Для назначения на должности ком-рами пехотных полков в 1913 г.⁶⁶ была установлена следующая пропорция: 1 — от гвардии, 3 — от Ген. штаба и 4 — от армии. Таким образом, в каждом из 8 пех. полков ком-ров полков с высшим военным образованием только 3, остальные 5 с разнообразной как общеобразовательной, так и военной подготовкой. Высшее военное образование не было в достаточной мере оценено при столь важном назначении, как назначение на должность к-ра пех. полка.

Вопрос назначений на командные должности лиц с высшим в. образованием несколько сглаживается при назначении на должности нач-ков дивизии. В 1912 г.⁶⁷ нач-ков дивизий по числу дивизий состояло 94 чел. Из них: А. Пех. дивизий — 70: а) офиц. Ген. штаба — 48, б) артилл. — 5, в) пехот. — 17 (гвард. — 11, арм. — 5, сапер — 1). Б. Кав. дивиз. — 18: а) оф. Ген. Шт. — 14, б) гвард. — 3, в) арм. — 1. Б. Казач. дивизий — 6: а) Ген. штаба — 1, б) гвард. — 2, в) казач. войск — 2, г) пехот. из гвард. — 1.

Таким образом, мы видим, что, в то время как офиц. Ген. штаба было предоставлено командовать пех. полками в количестве не более 37 1/2%, нач-ками пех. дивизий состояло уже перед мировой войной около 70%. При существовании в нашей армии единой военной

⁶⁵ «Разведчик» № 1237, 1914 г.

⁶⁶ «Разведчик» № 1181, 1913 г. Пр. по В.В. от 20. V. 1913 г.

⁶⁷ «Разведчик» № 1122, 1912 г. А. Олехно: «Наши нач-ки дивизий».

доктрины уже наверно можно было бы рассчитывать на согласованность действий на войне, о которой писал проф. Михневич.

Но для того чтобы быть хорошим нач-ком, мало еще быть офицером Ген. штаба; необходимо иметь богатую практику в командовании строевыми частями, а этого, к сожалению, наша военная система не преследовала.

В то время как строевой ценз нач-ков дивизий, вышедших из пехоты, равнялся 22 годам, вышедших из Ген. штаба этот ценз равнялся в среднем 5–8 месяцам и случайно 4 1/2 годам.

Уклонились от командования: 1) ротой и эскадр. — 9,5%, 2) батальоном и дивизион — 28,5, 3) полком — 16%, 4) бригадою — 44%.

Из 63 офиц. Ген. штаба только 1/4 выполнила законный ценз; трое никакими пехотными частями не командовали. Из 10 нач-ков дивизий (8 пех. и 2 кав.) почти никакого строевого ценза не имеют. Если мы к тому же добавим, что каждый офицер Ген. штаба провел в штабах за чисто канцелярской работой 19–20 лет, кроме того, среди нач-ков дивизий из офиц. Ген. штаба не все бывшие пехотные офицеры, а самообразование по выходе из Академии у нас не было в почете, то сам собою напрашивается вывод, что наши нач-ки дивизий к командованию дивизиями в современной войне не были подготовлены и единства действий на войне ожидать от них нельзя было.

Положение еще более ухудшалось тем, что при назначениях на должности нач-ков пех. дивизий попадались и артиллеристы, и саперы, с образованием Инженерной и Юридической академий, а казачьей дивизией командовал даже пехотинец из гвардии, т.е. были назначения, напоминавшие эпоху Р.-яп. войны.

Командиры корпусов. «Никто, конечно, не сомневается в том, что во главе корпусов должны стоять самые способные, самые энергичные нач-ки, т.к. от военного глазомера и энергии их в значительной степени зависит судьба армий и ошибка одного из них может повлечь за собою самые нежелательные последствия⁶⁸».

Посмотрим, кто были ком-рами корпусов в нашей армии в 1912 г., за 2 года перед мировой войною⁶⁹.

Всего корпусов в нашей армии было 37. Командовало кор-сами: офиц. Ген. штаба — 23 чел. — 62%, артиллер. — 4 ч., кавалер. — 5, пехотинцев — 5 (гвард. — 3, арм. — 1, сапер. — 1). Из этих данных видно, что высшему образованию уделено достаточное внимание, но строевой ценз ком-ров кор-сов из офиц. Ген. штаба весьма недостаточен. В то время как строевой ценз ком-ров кор-сов, вышедших из пехоты, равнялся 23 годам, из кавал. — 20 год.,

⁶⁸ Мозер. «Вождение корпуса в полевой войне».

из артил. — 15 год., из Ген. штаба имели след. ценз: рота, бат-он, бригада (в среднем 6 лет, 6 мес., полк — 1 год, 10 мес., дивизия — 2 года, 9 мес.).

Из 23 ком-ров корп-сов командовали полком и дивизией 13 чел., остальные ускользнули. 10 ком-ров корпусов командовали полками: 7 мес., 14 мес. и 15 мес., дивизией никто не командовал.

Один ком-р корпуса, кроме роты и батальона, ничем не командовал. Каждый из них в среднем провел на штабных должностях 19 лет. Один ком-р корпуса из артиллеристов не командовал пех. дивизией.

Насколько была разнообразна строевая подготовка ком-ров корп-сов, настолько же разнообразна была и общеобразовательная и военная подготовка. Среднее образование: а) кадет. корпуса и воен. училище — 19 чел., б) воен. училищ. — 10, в) пажей — 4, г) домашнее образование — 4.

Средний возраст — 59 лет; самый молодой — 53 года и самый старый — 67 лет.

Еще одна характерная данная для оценки наших ком-ров корпусов — это разделение их по религиозному составу. Православных — 27, инославных — 10 (лютеран — 6, еванг. — 2, арм.-григ. — 1, магомет. — 1).

Подводя итог вышеизложенному, можно прийти к заключению, что наша военная система не дала нашей армии единую военную школу в узком смысле понимания этого слова, что наша военная система насыщала нашу армию чрезвычайно пестрым командным составом по своей подготовке и тем не обеспечила то единство действий, которое необходимо каждой армии для успешного ведения войны...

(Вестник военных знаний. 1933. № 2 (18). С. 8–13; № 3 (19). С. 20–27; 1934. № 1 (21). С. 21–27; № 2 (22). С. 20–24)

О «русской военной доктрине»

А. Драгомиров

Милостивый государь, господин редактор! В ответ на Ваше письмо, в котором Вы просите меня написать статью о «русской военной доктрине», ограничиваюсь лишь, ввиду отсутствия свободного времени, кратким изложением по этому вопросу своего мнения. Оно, в общем, сводится к нижеследующему:

⁶⁹ А. Алехно. «Наши ком-ры корпусов». «Разведчик», № 1121.

1) Надо ограничить тему. Если под военную доктрину подводить все военное дело в целом, включая и теорию, и практику, то задача неразрешима: «Нельзя объять необъятного».

2) Если стать на точку зрения моего покойного отца, которую я всецело разделяю, что военная доктрина — это общность поведения, дающая единому духу и внедряющая в подсознание каждого воина верные и стойкие понятия, то совершенно очевидно, что она перестает быть областью теории и становится всецело областью практики. Только практикой, по суворовскому образцу, и может быть создана эта доктрина.

Раз это так, то прежде всего надо изгнать из нашего войскового лексикона самое слово «доктрина», от которого на сотни верст воняет кабинетной мертвечиной и которое обращает самые здоровые мозги в мозги болезненно-схоластические.

3) Мы, в эмиграции, совершенно лишены возможности достигать «общности поведения» (в сфере военного обучения) путем соответствующих практических упражнений, а поэтому «все наши рассуждения о “доктрине” будут совершенно бесплодные и ни к чему путному привести не могут. «Излишние рассуждения способностей не доказывают. Способность видна только из действий» (Суворов).

4) Поэтому нам, в эмиграции, надо бросить мысль самим устанавливать «доктрину», для чего у нас нет надлежащей почвы.

5) Нам настоятельно необходимо:

а) Усиленно изучать элементы современного военного дела в различном их преломлении и различных государствах.

б) Внимательно следить за развитием техники и изучать все ее плюсы и в особенности минусы.

в) Следить за всеми идеологическими течениями в области военной организации, тактики и стратегии в иностранных государствах и у нас на родине.

г) Внимательно изучать условия пользования техникой в технически отсталых странах, лишенных хороших путей сообщений и высококачественного состава специалистов. Это в особенности относится до России, ибо пятилетнее строительство даст свои полезные результаты только после падения большевиков и восстановления человеческих условий существования и работы, и во всяком случае, не раньше как лет через 25–30.

д) Словом, все знать, все взвесить, все обсудить, основательно изучая все «pro и contra», но не принимать никаких окончательных решений. Таковые могут быть приняты только на родной почве, сообразно всей духовной и материальной обстановке, какую мы по возвращении найдем у себя дома.

Нам больше всего сейчас нужны чистые, ясные мозги, не забитые никакими «доктринами» и широко открытые для чуткого отношения к мельчайшим вопросам реальной

жизни той России, какая будет после большевиков. Таким мозгам не будет цены. Они одни и Россию выведут из тупика, и воссоздадут на разумных основах русскую армию, прочно стоящую на могучих, глубоко уходящих в почву тысячелетних корнях и гордую своим названием «русской».

«Мы русские — с нами Бог!» — наша первая и основная «доктрина».

Примите уверения в искреннем к Вам уважении.

(Вестник военных знаний. 1933. № 4(20). С. 13–14)

Русская национальная военная доктрина

А. Керсновский

Под «доктриной» мы разумеем совокупность взглядов по данному вопросу и совокупность методов при разрешении этого вопроса.

Военная доктрина представляет собою мировоззрение данной нации по военному вопросу и составляет одну из многочисленных граней доктрины национальной. Отсюда явствует основное свойство военной доктрины — ее национальность. Она является производной исторических, бытовых и военных традиций данной нации — ее политических, географических, племенных условий, духа и психологии народа (или народов), ее составляющих. Короче — отражением ее духовного лика.

Пересадка и культивирование чужих доктрин представляет поэтому насилие над духом нации — насилие, к добру никогда не приводящее. Отсекая от монолитной глыбы чужой национальной доктрины маленький осколок этой глыбы — военную доктрину, — мы можем этот осколок припать, приклеить или привязать к нашему национальному монолиту. Соединение это прочным никогда не будет — даже если мы до склеивания обтесали наш монолит для того, чтобы легче подогнать осколок чужой доктрины к нашим условиям. Оно может быть лишь механическим — оно никогда не станет органическим — и вся полученная таким образом искусственная и ублюдочная доктрина не сможет выдержать серьезного испытания.

Говоря о военной доктрине, мы разумеем две: германскую — технически разработанную и сведенную в строгую систему — и русскую, остающуюся в том виде, какой завещал нам ее Суворов.

Германская национальная доктрина — это обожествление Всегерманства (Deutschtum), покорящего себе под ноги все другие народы, являющиеся, в сущности, — особенно славяне — навозом для германской культуры. Германский народ — народ господ (Herrschervolk), благородная северная раса. Он один должен повелевать в поработанном для него мире...

Отсюда — основные тезисы германской военной доктрины. «Стратегия на уничтожение», «битва на уничтожение» (Vernichtungsschlacht). «Интегральная война» и сопряженные с ней жестокость и террор должны парализовать мирное население — низшую расу неприятельской страны, убить в нем волю к сопротивлению, способствовать скоротечности, то есть скорейшему окончанию войны...

Пытаясь «пересадить на русскую почву» тактику Франсуа и Моргена, знаменитую «методику» германских уставов и доктрин, рационалисты и позитивисты принимают результаты за причины. Они видят доктрину военную, но не замечают доктрины национальной. Они видят Франсуа и Моргена, но не замечают стоящих за ними Клаузевица, Трейчке, Фихте, Меченосцев двадцать столетий фаустрехта, короче — видя листья, дерева не замечают, не принимают в расчет корней этого дерева. Обламывая ветку, пересаживают ее на русскую почву в наивном расчете, что она пустит корни.

Германец считает себя «сверхчеловеком» — и этим низвел себя на степень «подчеловека». Русский, по бессмертному определению наиболее яркого выразителя русской национальной доктрины — Достоевского — считает себя «всечеловеком». Германскую национальную доктрину выковал громовержец Тор, русскую — вдохновил Христос. И те же два начала сказались и на военных доктринах обоих народов. Меч Зигфрида выковывает в преисподней карлик Миме — меч Ильи благословляет калека — угодник Божий.

Вот почему русская военная доктрина — русская национальная военная доктрина — должна носить в себе тот опечаток высшей гуманности, что сделал из России на протяжении одиннадцати веков «Божией рати лучшего воина»...

Сущность той грани русского национального монолита, что носит название русской национальной военной доктрины, является превосходство духа над материей.

Это превосходство бессмертного над смертным и ощущали русские канониры Цорндорфа, целовавшие свои пушки, прощаясь с ними навсегда, «и не отходя от них ни на шаг» в момент, когда их самих рубили латники Зейдлица — и когда немец на их месте бежал бы или сдался. С этим чувством вышел Румянцев с семнадцатью тысячами на двести тысяч турок в Кагульскую битву. Оно вдохновляло перо Суворова, набрасывавшего бессмертные строки «Науки побеждать», вдохновило и меч его, светя его чудо-богатырям и в серенькое утро Рымника, и в знойные дни Требии, и в черном мраке альпийских ночей. Мушкетеры

Милорадовича, егеря Дохтурова, гренадеры Котляревского, стрелки Юденича, ударники Корнилова — все они были движимы этим превосходством, ярким пламенем, горевшим в их душах и в душах их вождей.

Основы русской национальной военной доктрины были, есть и останутся следующие.

Будучи народом православным, мы смотрим на войну как на зло — как на моральную болезнь человечества — моральное наследие греха прародителей, подобно тому как болезнь тыла является физическим его наследием. Никакими напыщенными словесами, никакими бумажными договорами, никаким прятаньем головы в песок мы этого зла предотвратить не можем. Пергамент Парижского договора 1928 года — «пакт Бриана — Келлога» не избавил человечества от войны, как намалеванный на дверях дракон не избавил китайца от чумы.

А раз это так, то нам надо к этому злу готовиться и закалять организм страны, увеличивать его сопротивляемость. Это — дело законодателя и политика.

Военное искусство и военная наука (причем вторая призвана обслуживать первое) имеют строго национальный характер, вытекая из духовных свойств и особенностей данного народа, данной нации. Русского Мольтке не может быть, как не может быть немецкого Суворова. В «суворовском» отношении немцы не пошли и не пойдут дальше Блюхера. В «мольткенском» мы могли бы дать самое большее Милютин. Наши учителя — Петр I, Румянцев, Суворов — и те немногие русские полководцы и деятели, что вдохновлялись их примерами, отнюдь не чуждыми нам органически иностранцы. Фош и Мольтке не могут быть самое большое лишь репетиторами.

Насколько «Наука побеждать» чище и выше софистики Клаузевица, схоластики Шлиффена, блестящей метафизики фон Зеекта!

В основу организации вооруженной силы русская национальная военная доктрина всегда кладет принцип качества и принцип отбора («не множеством побеждают»). На идее отбора — привлечении в первую очередь дворянства — Петр и построил всю армию. Русская армия XVIII века — прежде всего армия отборная, этим и объясняются все ее подвиги в тот великий век.

Самая организация российской вооруженной силы — как Московского государства, так и петровской империи — была следствием нашей самобытности. «Мы мало сходствуем с другими европейскими народами», — писал Румянцев в своих «Мыслях по устройству вооруженной силы». Упадок нашей армии начался с подражания иностранным образцам при Павле.

При ведении войны мы должны стараться избегать бесчеловечных ее форм. Отбросив с отвращением «клаузевицко-ленинскую» теорию интегральной войны с ее терроризацией

населения неприятельской страны, вспомним слова второго (после Лазарева) нашего главнокомандующего на Кавказе, князя Цицианова:

«Русские воины имеют за правило бить своего неприятеля когда нужно, но не разоряют его, ибо россияне не умеют, победивши неприятеля, не присоединить его землю к своему государству, и, следовательно, собственность свою каждый обязан сохранять».

Если мы эти золотые слова прочтем не телесными, а духовными очами, то поймем весь их вечный смысл. Присоединять неприятельские земли нам не надо (коль скоро они не являются похищенным нашим достоянием) — хватит и духовного присоединения иноземцев к нашей культуре. А это возможно лишь при отсутствии взаимного озлобления, незаживших ран.

Не будучи бесчеловечными к чужим странам, можем ли мы быть зверями в отношении нашей родной матери? Мы должны вести войну, стремясь как можно меньше отягчать, истощать организм страны. Это достигается лишь сохранением на своих местах возможно большего количества специалистов своего дела — все равно, хлебопашцев или железнодорожников, ремесленников или торговцев. Не станем повторять ошибки гипноза полчищами роковой ошибки 1916 года.

Но для того, чтобы наша армия могла дать все, что она способна дать, ее нужно и применять соответственно. И русская национальная военная доктрина дает тому законы. Это прежде всего «смотрение на дело в целом» — синтез (которому в иностранных доктринах примерно соответствует «*de guol s'agit il?*». Верди дю Вернуа, приводимое Фошем). Затем — «глазомер, быстрота, натиск». Венец же всему — победа — и притом «победа, малой кровию одержанная».

В воспитательном отношении наша доктрина всегда выдвигала религиозное начало и национальную гордость. «Мы — русские, с нами Бог!» — учил Суворов. Поэтому-то его наука и сделалась действительно «Наукой побеждать». Каждое из ее слов дошло до бесхитростного сердца чудо-богатыря, а все суворовское поучение — одно из самых чистых творений русского гения — величайший памятник православной русской культуры. Для преподавания «Науки побеждать» в военных училищах надлежит учредить особую кафедру. Преподавать, конечно, без изуверского дословного толкования, но и без еретической «поправки на современные условия», чтоб, правильно усвоенная офицерами, она могла бы правильно быть переданной солдатам.

Затем нашу доктрину характеризует требование сознательного отношения к делу: «Каждый воин понимает свой маневр». Проявление частной инициативы на низах, «петровское требование “не держаться устава яко слепой — стены” и суворовское: “местный лучше судит... я вправо — ты видишь, надо влево — меня не слушать”». Способствование

этой инициативы на верхах — румянцевское: «Не входить в подробности, ниже предположения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск сам знает предосторожности, и не связывать рук».

И в этом отношении — как и во всех других — единственный способ, единственное спасение — это возврат на тот путь, с которого нас полтора столетия назад своротили гатчинским вахтпарадным эспонтоном, на путь, указанный нам Петром, Румянцевым и Суворовым.

(Керсновский А. Философия войны. Белград, 1939. С. 87–91)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

АДАРИДИ АВГУСТ-КАРЛ-МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ (1859–1940), генерал-майор (1905). Окончил Николаевское инженерное училище, Академию Генштаба. Участник Русско-японской (1904–05 гг.) и I мировой войн (нач. штаба 12 армейского корпуса в 1909 г.). После 1920 г. — в эмиграции.

Соч.: Действия пехоты в освещении Русско-японской войны. СПб., 1907; Стрелковое дело. Пг., 1916, 1919. В начале 20-х гг. труды по тактике издавались в Хельсинки на англ. языке. Имелись публикации в эмигрантской военной прессе.

АПУХТИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (1862–?), генерал-лейтенант, окончил 2-е Военное Константиновское училище, Академию Генштаба. Участник Русско-японской (1904–05 гг.) и I мировой войн. В 1914 — нач. 68-й пехотной дивизии.

АПУШКИН ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1868–?), генерал-майор, окончил 2-е Военное Константиновское училище, Военно-юридическую академию. Участник Русско-японской (1904–05 гг.) и I мировой войн. В 1917 г. был нач. главного военно-судебного управления. Один из организаторов и авторов «Военной энциклопедии» (1911–1915).

Соч.: Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1911; Скобелев о немцах. Его заветы славянству. Пг., 1914; Генерал от поражений В.А. Сухомлинов. Л., 1925 и др.

БАЙОВ (БАЙОВ) АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ* (1871–1935), генерал-лейтенант (1915). Окончил Археологический институт, 2-е Константиновское военное училище, Академию Генштаба. С 1903 правитель дел, профессор (1906), преподаватель, нач. кафедры истории русского военного искусства Академии Генштаба, последователь военных историков и теоретиков Д.Ф. Масловского и Н.П. Михневича. Участник I мировой войны. После Окт. революции возглавил комиссию по приведению в порядок исторических архивов. В 1919 г. эмигрировал в Эстонию, где до 1926 преподавал в военно-учебных заведениях. До самой своей кончины активно занимался военно-научной деятельностью. Отстаивал самостоятельный путь развития русского военного искусства.

Соч.: История русской армии. Курс воен. училищ. Вып. I. СПб., 1912; История военного искусства как наука. СПб., 1912; Несколько мыслей по вопросу о военной доктрине // Военный сборник. Белград. 1924. Кн. 5; Начальные основы будущей русской армии // Русский колокол 1929–30. № 8, 9 и др.

* Помечены персоналии, сведения о которых имеются в Советской военной энциклопедии или Большой советской энциклопедии.

БОНЧ-БРУЕВИЧ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ* (1870–1956), генерал-лейтенант (1915), (1944). Окончил Моск. межевой институт, Моск. пех. училище, Академию Генштаба. С 1907 — преподаватель тактики в Академии Генштаба. Участник I мировой войны. Один из первых генералов, твердо вставших на сторону советской власти после Окт. революции. В 1918 — воен. руководитель Высшего военного совета. В 1919 — нач. Полевого штаба РВС Республики, затем ред. Военно-ист. комиссии по обобщению опыта войны 1914–1918. С 1919 г. участвовал в создании Высшего геодезич. управления ВСНХ, которое возглавлял до 1923 г. Вел большую научную и преподавательскую работу.

Соч.: Армейские дела и делишки: Сборник статей 1905–1910. Киев, 1911. Потеря нами Галиции в 1915 г. Ч. 1–2. М., 1921–26. Вся власть Советам. М., 1964 и др.

БОРИСОВ ВЯЧЕСЛАВ ЕВСТАФЬЕВИЧ (?), генерал-лейтенант, окончил Константиновское воен. училище, Академию Генштаба. Участник I мировой войны. Преподаватель, профессор Академии Генштаба. После 1920 — в эмиграции.

Соч.: Древне-русские повестия (Сб. статей по древней русской военной истории). Вып. I. СПб., 1908; Логистика (искусство Генерального штаба). СПб., 1912; Смелая наступательная тактика (Русская военная доктрина). СПб., 1913. Ч. I. Т. I и др.

ГЕРУА АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ (1870–19?), генерал-лейтенант (1917). Окончил Пажеский корпус, Академию Генштаба. Служил на командных и штабных должностях. Участник Рус.-япон. (1904–05) и I мировой войн (в 1917 — нач. штаба Румынского фронта). В гражданскую войну — на стороне контрреволюции (военный представитель Юга России в Румынии). Затем — в эмиграции.

Соч.: Суворов-солдат, СПб., 1900; После войны о нашей армии. СПб., 1907; К познанию армии. СПб., 1907; Полчища. София, 1923 и др.

ГЕРУА БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ (1876–?), генерал-майор, окончил Пажеский корпус, Академию Генштаба. Участник Рус.-япон. (1904–05) и I мировой войн. С 1906 — преподаватель в Киевском воен. училище. В 1909–12 и 1917 преподаватель, профессор Академии Генштаба. В 1915–16 — командир л.-гв. Измайловского полка. В Гражданскую

войну — на стороне контрреволюции, затем — в эмиграции. В 1927–30 гг. преподаватель Зарубежных высших военно-научных курсов ген. Головина.

Соч.: Пехота. Лекции по тактике. СПб., 1913; Маневр как средство достижения цели боя. СПб., 1912; Воспоминания о моей жизни. Т. 1–2. Париж, 1969–70 и др.

ГОЛОВИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ* (1875–1944), генерал-лейтенант (1917). Окончил Пажеский корпус, Академию Генштаба. В 1900–1907 служил в основном на штабных должностях в Петербургском воен. округе, преподавал во Владимирском воен. училище (СПб.), редактировал журнал «Общества ревнителей военных знаний». С 1908 по 1914 преподаватель, профессор Академии Генштаба, один из инициаторов реформирования высшего военного образования в 1909–1912. С 1914 командир драгунского Финляндского полка. Участник I мировой войны (1917 — нач. штаба Румынского фронта). В Гражданскую войну — на стороне контрреволюции. С 1920 г. — в эмиграции. Организатор высшей военной школы Русского Зарубежья (высшие военно-научные курсы генерала Головина в Париже 1927–1940 и Белграде, Институт по изучению проблем войны и мира). Умер в Париже.

Соч.: Служба Генерального штаба. Разведывательная служба. Киев, 1918; Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы. Белград, 1925; Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Ч. I–IV. Париж; Прага, 1925–1940; Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. I–V. Париж, 1937; Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938; Военные усилия России в мировой войне. Т. I–II. Париж, 1939 и др.

ГРИГОРЬЕВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ (1851–?), генерал от кавалерии, окончил Казанское юнкерское пехотное училище, Академию Генштаба. В нач. XX в. — комендант военных крепостей Очаков, Ковно.

Соч.: Как следует понимать военную науку. Варшава, 1904; статьи.

ДМИТРЕВСКИЙ АНТОН МИХАЙЛОВИЧ (1868–?), полковник, окончил Александровское воен. училище. Участник Рус.-япон. (1904–05) и I мировой войн.

Соч.: В защиту личности и психологии // Офицерская жизнь. 1913. № 20; Страх и борьба с ним // Общество ревнителей воен. знаний. 1913. Кн. I; Из воен. психологии // Воен. сборник. 1915. № 3 и др.

ДОМАНЕВСКИЙ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ (1878–1937), генерал-майор, окончил Пажеский корпус, Академию Генштаба. Участник Рус.-япон. (1904–05) и I мировой войн. В

гражд. войну — на стороне контрреволюции, затем — в эмиграции. В 1927–30-х преподавал на высших военно-научных курсах ген. Головина в Париже.

Соч.: Заметки о мире и войне. СПб., 1912; Мировая война 1914 г. Вып. I–II. Париж, 1928–1929 и др.

ДРАГОМИРОВ АБРАМ МИХАЙЛОВИЧ (1868–1956), генерал-лейтенант, окончил пажеский корпус, Академию Генштаба. Участник I мировой войны (командир 9 арм. корпуса). В Гражданскую войну — на стороне контрреволюции, один из воен. руководителей Белого движения на Юге России. Затем — в эмиграции (в 20–30-х гг. «генерал для поручений» в русском обще-воинском союзе). Публиковался в дореволюционной и эмигрантской военной периодике.

ЗАЙОНЧКОВСКИЙ АНДРЕЙ МЕДАРДОВИЧ* (1862–1926), генерал от инфантерии (1917). Окончил Николаевское инженерное училище, Академию Генштаба. Участник Рус.-япон. (1904–05) и I мировой войн. С мая 1917 — в отставке. В 1919–26 на службе в Советской армии: 1919–20 — нач. штаба 13-й армии; 1920–22 — пом. пред. Военно-историч. комиссии и руководитель работ по обобщению опыта I мировой войны; 1922–26 — профессор Воен. академии РККА.

Соч.: Оборона Севастополя. СПб., 1904; Восточная война 1853–1856 в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1–2. СПб., 1908–13; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1923; Мировая война 1914–1918 гг. Изд. 3-е. М., 1938–39 и др.

ИЗМЕСТЬЕВ ПЕТР ИВАНОВИЧ (1873–1925), генерал-майор, окончил Казанское юнк. пех. училище, Академию Генштаба. Участник Рус.-япон. (1904–05) и I мировой войн. В 1919–25 на преподавательской работе (арт. курсы в Петрограде, военно-полит. институт).

Соч.: Из области военной психологии. Варшава, 1911; статьи.

КЕРСНОВСКИЙ АНТОН АНТОНОВИЧ, военный историк, писатель, публицист. Официального военного образования не получил. С начала 20-х годов жил и работал в эмиграции (Париж). Активно сотрудничал в нескольких газетах и журналах русского зарубежья.

Соч.: История русской армии. Ч. I–IV. Белград, 1933–1938; Философия войны. Белград, 1939 и др.

МИХНЕВИЧ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ* (1948–1927), генерал от инфантерии (1910). Окончил Межевой институт, Александровское воен. училище, Академию Генштаба. Участник Рус.-тур. (1877–78) и I мировой войн. С 1892 профессор кафедры истории русского военного искусства Академии Генштаба, в 1904–07 нач. этой Академии. В 1919–1925 гг. — на преподавательской работе в Арт. академии РККА. Один из крупнейших военных теоретиков России, сторонник социологич. подхода к анализу войны, оказал влияние на развитие русской военной мысли начала XX в.

Соч.: Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Зап. Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898; Военная наука и степень точности ее выводов. СПб., 1899; Стратегия. Кн. 1–2. Изд. 1–3. СПб., 1899–1911 и др.

НЕЗНАМОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ* (1872–1928), генерал-майор (1915). Окончил Инженерное училище и Академию Генштаба. Участник Рус.-япон. (1904–05) и I мировой войн. С 1905 преподаватель, с 1908 профессор Академии Генштаба. В 1918–25 — профессор Военно-инж. академии РККА. Внес заметный вклад в разработку общевойскового боя, теории оперативного искусства.

Соч.: Военная история. Русско-японская война 1904–1905 гг. Операция на р. Шахэ. СПб., 1908; Оборонительная война. СПб., 1910; План войны. СПб., 1913; Основы современной стратегии. М., 1919; Боевые действия соединенных родов войск. М., 1924 и др.

ОГОРОДНИКОВ ФЕДОР ЕВЛАМПИЕВИЧ* (1867–1939), генерал-лейтенант (1916). Окончил Николаевское инж. училище, Академию Генштаба. Участник I мировой войны. С 1902 профессор статистики и географии Академии Генштаба. В Красной армии с 1918 г. С 1920 на преподавательской работе, затем служил в штабе РККА. С 1932 нач. кафедры в Военно-транспортной академии и профессор Военной академии им. М.В. Фрунзе.

Соч.: Военные средства Англии в революционные и наполеоновские войны. СПб., 1902; Очерки сравнительной тактики. Вып. 1–3. М.; Л., 1928–29 и др.

ПАРСКИЙ ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ (1866–1921), генерал-лейтенант (1915), окончил 2-е Константиновское воен. училище, Академию Генштаба. Участник Рус.-япон. (1904–05) и I мировой войн. С 1918 — в Красной армии. В 1918–22 — ответственный редактор Военно-истор. комиссии по исследованию опыта I мировой войны.

Соч.: Причины наших неудач в войне с Японией. Необходимые реформы в армии. СПб., 1906; Что нужно нашей армии? Современное в ней состояние и необходимые в ней реформы. СПб., 1918 и др.

СВЕЧИН АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ* (1878–1938), генерал-майор (1916). Окончил Михайловское арт. училище, Академию Генштаба. Участник Рус.-япон. (1904–05) и I мировой войн. В 1918 нач. Всероглавштаба. С 1918 профессор Академии Генштаба РККА (впоследствии Воен. академии им. М.В. Фрунзе). Одновременно в 1918–21 пред. Военно-исторической комиссии по исследованию и использованию опыта I мировой войны. Дважды репрессирован.

Один из крупнейших военных историков и теоретиков России. Соч.: Русско-японская война. СПб., 1910; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1920; Стратегия в трудах военных классиков. Т. 1–2. М., 1924–26; Стратегия. М., 1926, 1927; Эволюция военного искусства. Т. 1–2. М.; Л., 1927; Стратегия 20 века на первом этапе. М., 1937 и др.

СНЕСАРЕВ АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (1865–1937), генерал-лейтенант (1917). Окончил Московский университет (1888), Московское пехотное юнкерское училище (1889), Академию Генштаба (1899). Служил в Туркестанском воен. округе. Участник I мировой войны (нач. 159 пех. див., в конце 1917 — ком. 9 армейского корпуса). С 1918 — в Красной армии (воен. руководитель Орловской губернии; Военрук. Сев.-Кавк. воен. округа, с августа 1919 по 1921 — нач. Академии Генштаба РККА). С 1921 — профессор Военной академии РККА. Одновременно 1921–26 — ректор Института востоковедения. (Герой Труда — 1928). С 1926 преподавал в нескольких воен. академиях и Институте Востока.

Соч.: Военная география России. СПб., 1909, 1910; Введение в военную географию. М., 1924; масса трудов по географии, этнографии, востоковедению и статей по воен. проблематике.

О нем: Андрей Евгеньевич Снесарев (Жизнь и научная деятельность). М., 1973.

ТРОЦКИЙ (БРОНШТЕЙН) ЛЕВ ДАВИДОВИЧ (1879–1940). Окончил реальное училище (г. Николаев). С 1898 «профессиональный революционер». С 1900 — в ссылке, затем в эмиграции. В 1912–1913 — военный корреспондент «Киевской мысли» на Балканах. В период Окт. революции — председатель Петроградского военно-революционного комитета. В 1918–25 — пред. Реввоенсовета Республики и нарком по военным и морским делам. В 1929 — выдворен из СССР.

Соч.: Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство. Пг., 1922; Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 1–3. М., 1923–1925 и др.

ФРУНЗЕ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ* (1885–1925). Учился в Петерб. политехн. институте. 1904–1917 — «профессиональный революционер». В 1914 в ссылке (с. Манзурка Иркутской губернии) организовал среди ссыльных кружок воен. дела под названием «Военная академия». С 1918 в Красной армии, один из ее создателей и организаторов. В 1924 — нач. штаба РККА и нач. Воен. академии. В 1925 пред. Реввоенсовета и нарком по военным делам. Руководил военной реформой 1924–25.

Соч.: Единая доктрина и Красная Армия (1921); Регулярная армия и милиция (1922); Военно-политическое воспитание Красной Армии (1922); Фронт и тыл в войне будущего (1924) и др. См. Собрание сочинений. Т. 1–3. М.—Л., 1926–29; Избранные произведения. Т. 1–2. М., 1957.

Сведениями об остальных авторах редакция пока не располагает.

Составил И. Домнин

Примечание:

Тексты печатаются с незначительными сокращениями. В отдельных местах сохраняются орфография первоисточников и стиль авторов.

Приложение

Основы российской военной доктрины

Основные положения военной доктрины Российской Федерации разработаны в соответствии со ст. 4, 5 Закона РФ «Об обороне», принятого 24 сентября 1992 г. Поскольку ранее такого рода документ как самостоятельный не разрабатывался, на его структуру и содержание существовали различные точки зрения.

Так, часть специалистов полагала, что в нем нет необходимости, поскольку соответствующие основные положения могли бы быть изложены в военном разделе ежегодного доклада Президента РФ об обеспечении безопасности, подготовка которого была предусмотрена ст. II Закона РФ «О безопасности».

Другая крайняя точка зрения состояла в том, что следовало бы сначала разработать всеобъемлющую военную доктрину, детально раскрывающую все необходимые положения политического и военного характера, а затем выделить основные из них в качестве самостоятельного документа.

Во всех вариантах дискуссионным был вопрос, должна ли военная доктрина охватывать вопросы подготовки и применения только Вооруженных Сил или касаться также и других войск, то есть всех силовых структур государства.

В итоге после организованной Советом безопасности подготовки и всестороннего рассмотрения различных вариантов с участием более 15 заинтересованных министерств и ведомств был подготовлен проект Основных положений военной доктрины, который стал результатом консенсуса. Он был рассмотрен на заседаниях Совета безопасности 3 марта и 6 октября 1994 г. и после доработки утвержден указом Президента РФ от 2 ноября 1993 г. № 1833. Последнее придает Основным положениям военной доктрины статус нормативно-правового акта и означает, что в соответствие с ними должны быть приведены все иные нормативные акты в области обороны.

Учитывая, что в связи с принятием 12 декабря 1993 г. новой Конституции РФ потребуются существенная переработка действующих и принятие новых законодательных и иных нормативных актов, в том числе в области обороны и безопасности, представляется возможным одновременно привести их в соответствие с принятыми Основными положениями военной доктрины.

Указанные Основные положения представляют собой систему официально принятых взглядов на предотвращение войн и вооруженных конфликтов, военное строительство,

подготовку и применение Вооруженных Сил и других войск для защиты жизненно важных интересов Российской Федерации.

По существу, в этом документе излагается концепция военной безопасности как составная часть единой концепции безопасности Российской Федерации (в соответствии с Законом РФ «О безопасности» последняя подразделяется на различные виды: экономическую, внешнеполитическую, оборонную, информационную, экологическую и другие).

Основные положения военной доктрины состоят из трех разделов, раскрывающих ее политические, военные, военно-технические и экономические основы. К числу наиболее важных новых положений военной доктрины относятся следующие:

а) в политических основах:

1. Приоритетное значение в предотвращении войн и вооруженных конфликтов придается политико-дипломатическим, международно-правовым, экономическим и другим невоенным средствам. Военный компонент более не рассматривается как наиболее важный и самодовлеющий.

2. Закреплено положение о том, что Россия не относится ни к одному государству как своему противнику (ранее ими считались ведущие «капиталистические государства» и их союзники). Это ключевое положение, которое в военном разделе доктрины находит отражение в разнообразии рассматриваемых вариантов возможных военных конфликтов, но не означает, что Россия теперь рассматривает возможность ведения войны с любым государством.

3. Закреплен принцип неприменения Вооруженных Сил России в целях агрессии. Они могут быть использованы только для индивидуальной или коллективной самообороны.

Это положение определяет оборонительный характер военной доктрины, однако из него не следуют какие-либо ограничения на формы и способы военных (боевых) действий в случае необходимости отражения агрессии.

4. Ядерное оружие рассматривается не как средство ведения войны, а как политическое средство сдерживания от ее развязывания. В частности, закреплен принцип неприменения ядерного оружия против государства, не обладающего ядерным оружием и являющегося участником Договора о нераспространении ядерного оружия, если оно не совершит агрессию против России или иные действия в осуществлении или поддержке такой агрессии совместно с другим государством — обладателем ядерного оружия.

5. Определены цели применения Вооруженных Сил, к числу которых наряду с традиционной целью отражения внешней агрессии отнесены новые: проведения операций по поддержанию мира в соответствии с международными обязательствами России, а также

пресечения вооруженных конфликтов в пределах территории Российской Федерации. Особо подчеркнуто, что Вооруженные Силы и другие войска могут быть использованы только в соответствии с Конституцией и законодательством Российской Федерации. Не допускается применение Вооруженных Сил в интересах отдельных групп лиц, партий и общественных объединений.

6. Закреплен принцип соответствия строительства Вооруженных Сил и других войск как политическим целям, так и экономическим возможностям государства.

Ранее существовавший подход опирался на тезис: «Вооруженные Силы обеспечиваются всем необходимым», без указания на какие-либо ограничения социально-экономического характера. На практике это приводило к гипертрофированному развитию военного компонента за счет снижения уровня жизни общества.

7. Установлены принципы: обеспечения военной безопасности на правовой основе; государственного контроля за принятием и выполнением военно-политических решений; недопущения деятельности в Вооруженных Силах политических партий, организаций и объединений.

Эти принципы соответствуют указанным в Конституции России положениям о том, что в Российской Федерации — демократическом правовом государстве — никакая идеология не может быть установлена в качестве государственной или обязательной. Это означает, что на смену ранее существовавшей единой государственной идеологии как основы обеспечения военной безопасности приходит право, в том числе создаваемая система военного законодательства России.

б) в военных основах:

1. Подчеркнуто, что главную опасность для стабильности и мира представляют локальные войны и вооруженные конфликты, характеризующиеся широким диапазоном привлекаемых сил для ведения вооруженной борьбы — от иррегулярных формирований до оперативно-стратегических группировок. Вместе с тем, не исключается возможность крупномасштабной и мировой войн (как ядерной, так и обычной), хотя их угроза значительно снижена.

2. Отмечена опасность преднамеренных действий по объектам стратегических ядерных сил, системы предупреждения о ракетном нападении, ядерной энергетики, атомной и химической промышленности, что повышает опасность перерастания обычной войны в ядерную, а также любого применения ядерного оружия, в том числе в ограниченном масштабе, что может спровоцировать массированное применение ядерного оружия и вызывать катастрофические последствия.

3. В число основных задач Вооруженных Сил включены:

поддержание стратегических ядерных сил на уровне, гарантирующем нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях обстановки, что позволяет решить задачу ядерного сдерживания;

поддержание боевого потенциала группировок войск (сил) общего назначения мирного времени на уровне, обеспечивающем отражение агрессии локального (регионального) масштаба, что определяется снижением вероятности крупномасштабной войны и позволяет соответственно сократить Вооруженные Силы мирного времени.

4. Впервые на доктринальном уровне определены дополнительные задачи Вооруженных Сил и других войск:

при участии в операциях по поддержанию мира, проводимых в соответствии с решениями Совета Безопасности ООН или международными обязательствами Российской Федерации;

для предупреждения и пресечения внутренних конфликтов и иных действий с использованием средств вооруженного насилия на территории России.

Важно подчеркнуть, что основные задачи по пресечению внутренних вооруженных конфликтов возлагаются на органы внутренних дел и внутренние войска. При этом Вооруженные Силы могут содействовать им в решении строго ограниченного круга задач: локализации и блокирования района конфликта, пресечения вооруженных столкновений и разъединения сторон, защиты стратегически важных объектов.

5. Среди принципов строительства Вооруженных Сил и других войск впервые сделана установка на обеспечение высокого уровня их профессионализма, а также соблюдения прав и свобод военнослужащих в соответствии со спецификой службы.

Приоритет в развитии Вооруженных Сил отдан силам, предназначенным для сдерживания агрессии, и мобильным силам.

6. В применении Вооруженных Сил подчеркнута необходимость использования тех форм, способов и средств ведения боевых действий, которые отвечают сложившейся обстановке, обеспечивают захват инициативы и нанесение поражения противнику.

Данное положение следует рассматривать как дополнительный фактор сдерживания возможного агрессора, поскольку оно исключает априорные ограничения на применение наступательных способов ведения боевых действий в случае необходимости отражения агрессии.

в) в военно-технических и экономических основах:

1. Сформирована установка на оптимизацию системы вооружения, ее качественные показатели и увязку с планами строительства и оперативного применения Вооруженных

Сил, что исключает развитие вооружений вне связи с задачами Вооруженных Сил, в интересах военно-промышленного комплекса, как это в ряде случаев имело место ранее.

2. Указано на необходимость опережающего проведения исследований по созданию новых поколений вооружений и военной техники, обоснования требований к ним с учетом долгосрочных программ математического моделирования и оценки эффективности вооружений до начала серийного производства.

3. В условиях ограничения финансовых и материальных ресурсов на оборону подчеркнута необходимость их концентрации на приоритетных направлениях.

4. Указано на необходимость обеспечения военно-технической и экономической независимости России и защиты предприятий оборонного комплекса в условиях перехода к рыночной экономике.

5. Предусмотрено внедрение контрактной и конкурсной основы заказов и разработки вооружений и военной техники.

6. Военно-техническое сотрудничество ориентируется на сбалансированное обеспечение военно-политических и экономических интересов России, сохранение кооперации оборонных предприятий СНГ, укрепление военно-политических позиций России в различных районах мира.

В заключении отмечено, что Российская Федерация гарантирует выполнение Основных положений военной доктрины.

Принятые Основные положения военной доктрины не содержат цифровых данных и детализации механизмов планируемых преобразований в военной сфере, которые должны быть раскрыты в основанных на доктринальных положениях законодательных и иных нормативных актах.

В целях реализации военной доктрины потребуется существенно переработать, в увязке с положениями новой Конституции РФ, ряд основополагающих принятых законов в области обороны и безопасности («О безопасности», «Об обороне», «О чрезвычайном положении»), принять ряд новых законов (о военном положении, об альтернативной службе, о государственном оборонном заказе, о статусе оборонного предприятия и других).

Кроме того, потребуется уточнить ряд подзаконных нормативных актов: Концепцию, программы и планы военного строительства и строительства Вооруженных Сил; соответствующих Указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, приказов руководителей министерств и ведомств.

Основные положения военной доктрины не являются застывшими. Это документ переходного периода, который при необходимости может быть уточнен.

Требующие детализации с учетом текущих изменений военно-политической и стратегической обстановки доктринальные положения могут быть периодически дополнены и уточнены в предусмотренном новой Конституцией Российской Федерации ежегодном послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию об основных направлениях внутренней и внешней политики.

1994 г.

О. Здоров